

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОСТЮМ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

З.В.ДОДЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Отделение истории

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Серия основана в 1969 году

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

Э.В. ДОДЕ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОСТЮМ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Очерки истории

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
Москва 2001

УДК 930.85
ББК -7*63.3(235.7)
Д60

Редакционная коллегия серии

*О.Ф.Ахилмушкин, С.М.Амикеева, Г.М.Бонгард-Левин, А.А.Вигасин,
В.Н.Горегляд, Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель),
В.М.Солнцев, А.Б.Халидов, Е.П.Чельшев*

Научный редактор

М.В.Горелик

Рецензенты

С.А.Арутюнов, Д.Д.Васильев

Иллюстрации

И.П.Олейник, М.М.Хитеева

Фото

И.В.Кожевников

Редактор издательства

Т.В.Кантор

Доде З.В.

Д60 Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 136 с.: карты, ил. (Культура народов Востока). ISBN 5-02-018237-0

В монографии показан процесс формирования костюма народов Северного Кавказа на протяжении VII–XIV вв. в русле социальной и исторической динамики культуры, рассмотрены этнографические параллели археологически засвидетельствованным формам костюмов. Книга иллюстрирована графическими реконструкциями, рисунками и photographиями археологических находок.

ББК -7*63.3(235.7)

Научное издание

Доде Звездана Владимировна

**СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОСТЮМ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Очерки истории

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

*Художник Э.Л.Эрман. Технический редактор О.В.Волкова
Корректор В.И.Мартынюк. Компьютерная верстка Е.В.Катышева*

*Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 05.09.01. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. п. л. 23,0. Усл. кр.-отт. 25,5. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 1000 экз.

Изд. № 7960. Зак. № 4520

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цыганский бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"

121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-018237-0

© З.В.Доде, 2001

© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001

Одежда народов Северного Кавказа — тема для России близкая и традиционная хотя бы потому, что кавказский мужской костюм издавна был практически целиком воспринят множеством российских мужчин, отнюдь не принадлежавших к коренным народам региона. Его заимствовали прежде всего различные группы казаков, в большинстве своем выходцев с Украины, расселившихся — по своей ли воле, в результате ли политики правительства Российской империи — от Каспийского моря до Черного. А с начала XIX века этот костюм носила значительная часть российского офицерства, для которого черкеска с газырями, наборный пояс с кинжалом и шашкой, папаха и бурка с башлыком вопишали такие редко сочетаемые мужские достоинства, как воинственная лихость и изысканная, с большой долей экзотики элегантность.

Вместе с тем серьезному изучению этот костюм подвергся лишь в последние десятилетия. И надо сказать, что результаты этих исследований, весьма немногочисленные, могут удовлетворить лишь частично. Добротными почти всегда выглядят описание и систематизация материала, но вопросы происхождения костюмного комплекса и его элементов освещены либо явно недостаточно, либо неверно. Правда, именно эти вопросы и являются самыми сложными для исследователя.

Книга З.В.Доде, которую читателю предстоит освоить, рождалась трудно, в преодолении тех самых причин, что не позволяли ее предшественникам доискаться ответов на сложные вопросы генезиса северокавказского костюма. Путь, которым пошел автор, кажется простым: начать сначала — тщательно и подробно исследовать все доступные источники, столетие за столетием «перелистывая страницы истории». Основная же методическая заслуга исследователя видится в том, что она преодолела один из главных недугов отечественного (и не только) «костюмоведения» — намеренный «пропуск страниц истории», необоснованное сравнение разьединенных веками форм не в типологическом, а именно в генетическом плане.

Преодоление этой недоброй традиции потребовало от автора огромной работы, чему в немалой степени способствовало то, что З.В.Доде изначально подошла к предмету исследования, применяя комплексную методiku: системно-типологический анализ сопровождается у нее полноценным применением методов современной археологии, этнографии, фольклористики, привлечением изобразительных и письменных источников. Большинство материалов было изучено автором не по книгам, а по реальным сохранившимся образцам. Более того, значительная часть их была добыта в ходе археологических раскопок при непосредственном участии автора.

Неоспоримым достоинством работы является богатейший иллюстративный материал, представляющий самостоятельную ценность и впервые позволяющий с максимальной полнотой осветить ценнейшее наследие северокавказского раннесредневекового костюма. Особую роль здесь играют уникальные реконструкции костюмов, венчающие исследование. Отныне каждый, кто займется или просто заинтересуется раннесредневековым костюмом Северного Кавказа, сможет воочию увидеть костюмный комплекс во всей полноте, а не только отдельные его части или элементы. Специалисты же, занимающиеся костюмом народов Северного Кавказа более поздних эпох, получают надежную основу для своих исследований.

М.В.Горелик

Введение

КОСТЮМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Северный Кавказ с его долгим процессом культурного развития отличается сложное этнографическое разнообразие. В то же время в рамках этого региона сформировался единый комплекс народного костюма, который является ярким показателем общности исторического пути, культурных и экономических связей, основных этапов этнического развития проживающих здесь народов.

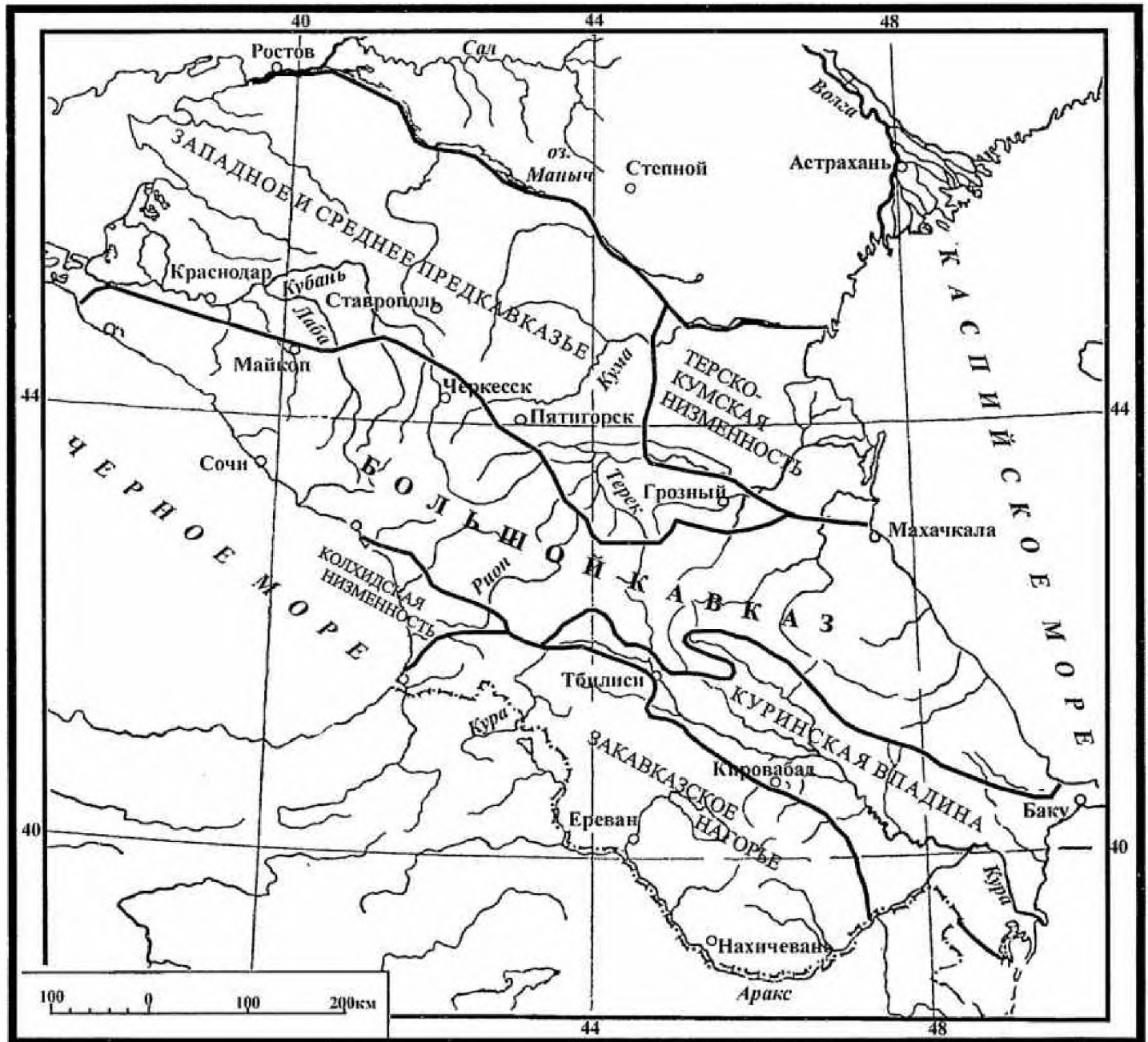
Костюм не только неперенный атрибут культуры, связанный с этническими и социальными категориями функционирования человеческого общества, это еще и полноценный исторический источник, несущий большую информацию о различных областях деятельности человека, особенно в том случае, если у изучаемых народов отсутствовала письменность. Одежда отражает преемственность поколений, народные традиции, причем на протяжении длительных хронологических периодов. Наиболее мобильной частью материальной культуры, легче всего готовой к восприятию инноваций, считается мода. Благодаря этому костюм позволяет проследить связи между народами. Своей знаковой системой он несет информацию о половозрастном, социально-экономическом статусе владельца и отражает общий уровень экономического развития данного общества. Обладая некоторой долей консерватизма, одежда всегда сохраняет элементы традиционного костюма, часто играющие роль этнического признака. Костюмный ансамбль — явление, тесно связанное с духовной жизнью народа, его обычаями и обрядами. Важную роль в костюме играют украшения, нередко выполняющие функции амулетов и талисманов, раскрытие значения которых помогает узнать об идеологических и религиозных представлениях тех или иных народов.

Территориальные рамки данного исследования ограничены районом Северного Кавказа, куда вошли Западное и Среднее Предкавказье. На севере территория граничит с Кумо-Маньчской впадиной, на юге — с подножием Большого Кавказского хребта. Западная граница проходит по побережьям Черного и Азовского морей; на востоке Среднее Предкавказье граничит с Терско-Кумской низменностью, где располагается восточная часть Предкавказья. Естественные границы практически совпадают с административными и государственными. За Большим Кавказским хребтом находятся Грузия, Армения, Азербайджан. На юго-западе Прикаспийской низменности располагается Дагестан. Таким образом, в поле изучения попадает компактная территория, объединенная культурной и исторической общностью, где сегодня располагаются Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия.

Хронологические рамки исследования ограничены VII–XIV вв. Нижняя граница рассматриваемого периода обусловлена тем, что именно в VII в. начал складываться Хазарский каганат, культура которого охватила огромную территорию, куда входил и Северный Кавказ.

Вторая половина XI — XII век — отдельный период становления культуры народов Северного Кавказа, который проходил в непосредственном контакте с новой волной тюркоязычных кочевников. Взаимодействие со степью в этот период сказалось, очевидно, на развитии различных сфер культуры народов Северного Кавказа. Ключевое влияние половцев на материальную культуру северокавказского населения выразилось в оформлении женского костюмного ансамбля.

XIII–XIV столетия проходят на Кавказе под знаком Золотой Орды. Монгольское нашествие было последним крупным вторжением на Кавказ в средние века, значительно перекроившим этническую карту Северного Кавказа, изменившим экономику, культуру и быт местных народов.

Таким образом, в настоящей работе рассматривается развитие костюма на протяжении ограниченного отрезка времени — восьми веков. Это позволит извлечь максимальную информацию о средневековом костюме как источнике по истории и культуре народов Северного Кавказа, а в дальнейшем установить общие закономерности в форме и символике костюма предшествующих эпох, с одной стороны, и этнографического ансамбля — с другой, которые в данном случае лишь намечены.

Основным источником исследования являются археологические находки предметов одежды, обуви, головных уборов в могильниках Северного Кавказа. Захоронения VII–X вв., обнаруженные в Мошевой Балке, Подорванной Балке, Эшкаконе, Уллу-Коле, Гиляче и других могильниках, отличались особыми условиями. Сухой грунт и чистый воздух способствовали естественной мумификации органики, благодаря чему сохранились целые формы костюмов. Находки более позднего времени из станицы Змейской (X–XII вв.), Рим-Горы (X–XII вв.), Адюкжа (XI–XII вв.), Дзвигиса (XIII–XV вв.), Новопавловска (XIII–XIV вв.), Друхты (XIII–XIV вв.) и Зарагжа (XIV–XV вв.) также отличаются хорошей сохранностью.

Рис. 1. Схема основных физико-географических областей Кавказа (составил Н.А.Гвоздцкий, 1952)

Fig. 1. A schematic map of the principal physical-geographical areas of the Caucasus (drawn by N.A. Guozdetsky, 1952)

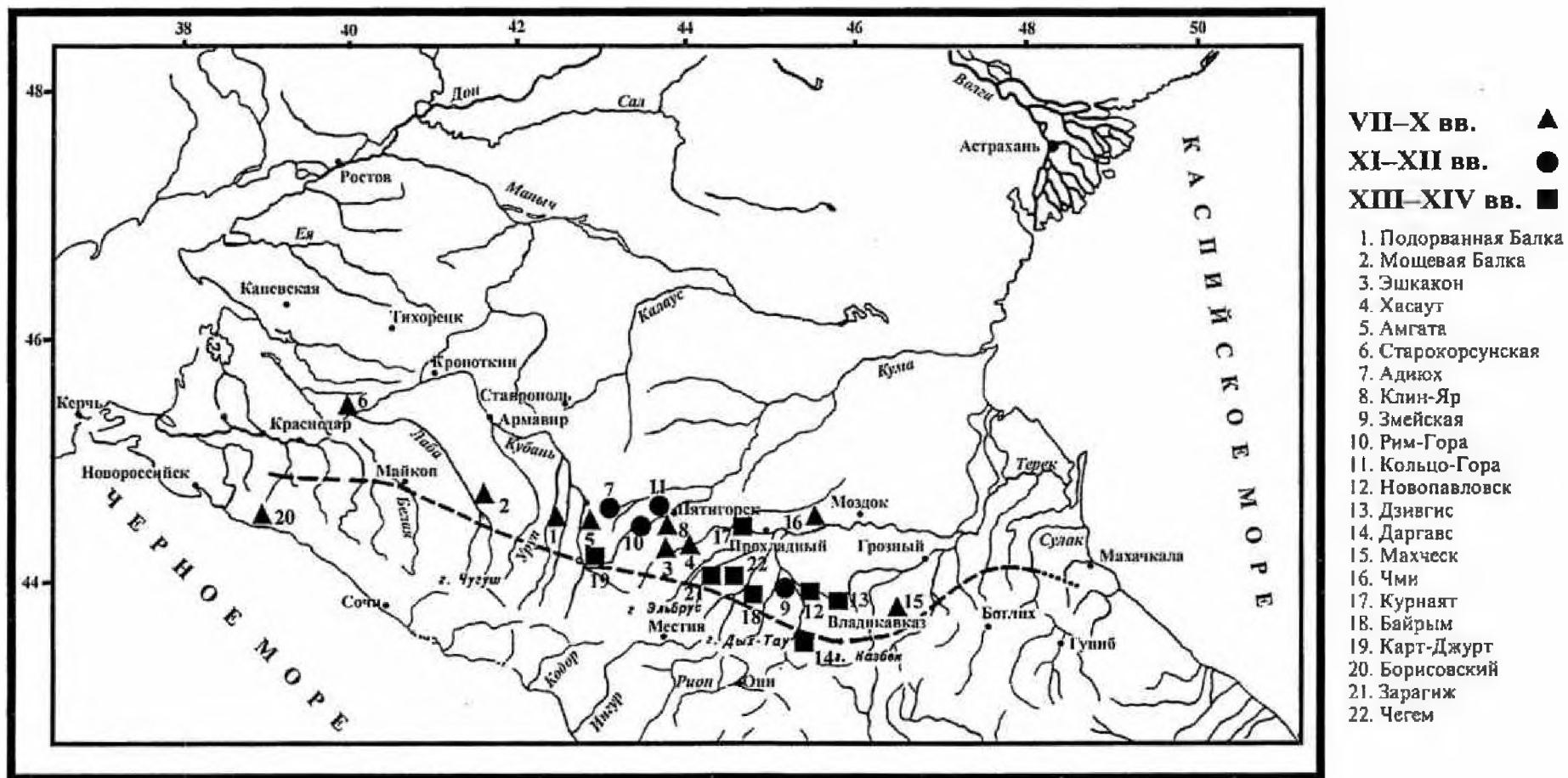

Рис. 2. Археологические памятники Предкавказья VII-XIV вв.

Fig. 2. Archaeological sites of the Cis-Caucasus 7th-14th cc

Поскольку речь идет о костюмных комплексах, происходящих главным образом из погребений, нельзя говорить о гардеробе в целом, можно лишь выделить базовые формы одежды и проследить их развитие во времени.

Основной задачей данного исследования является попытка раскрыть информацию, которую несет в себе костюм не только как символ, но и как утилитарная вещь. Такая информация неравнозначна для различных периодов вследствие неодинакового качества и количества письменных, изобразительных и фольклорных источников, сопровождающих имеющиеся археологические артефакты.

Наиболее полно в данном исследовании отражен костюм VII–X вв. Рассмотрение же костюмных комплексов XI–XIV вв. помогает установить преемственность средневековых форм одежды в этнографическом ансамбле. В то же время принципиальные изменения костюма в средние века позволяют выявить линию культурного развития народов Северного Кавказа.

Реконструкции предметов одежды, опирающиеся на совокупность источников, многое могут рассказать о процессе формирования костюма, который окончательно сложился на Северном Кавказе в XIX в. Комплекс северокавказского костюма — не просто характерный внешний признак, но показатель этнографического единства Кавказа как культурно-исторического региона. Это тем более важно, что кавказский костюм сформировался в результате взаимодействия различных по происхождению компонентов. Его реконструкции позволяют иллюстрировать как те элементы, которые характеризуют традиции местной культуры, так и те, что ей не принадлежат, но нашли свое воплощение в одежде народов Северного Кавказа.

Уникальность костюмных комплексов, найденных в могильниках Северного Кавказа VII–XIV вв., заключается, как уже отмечалось, в сохранении их полных форм, позволяющих с документальной точностью восстановить облик средневекового костюма населения Северного Кавказа, а также реконструировать его развитие во времени.

Изучение одежды, обуви и головных уборов следует начинать с восстановления кроя, которым пользовались средневековые мастерицы. Все детали и швы найденных предметов тщательно промерены. Приведенные в книге выкройки были составлены в масштабе 1:10. В чертежах используется современная система обозначений, применяемая для выкроек. Они строятся таким образом, чтобы была видна система соединения деталей в изделии. Выполненный на миллиметровой бумаге с тщательным сохранением размеров и углов деталей, чертеж позволяет воссоздать точную выкройку, на основании которой возможна не только графическая реконструкция, но и реконструкция изделия в материале. Схема изделия, построенная только с учетом его внешнего вида, зачастую приводит к фальсификации кроя из-за пропуска деталей или их неправильного соединения на чертеже.

Однако выполнить графическую реконструкцию костюма исторически достоверно точная выкройка позволяет лишь в совокупности с изучением средневековых изобразительных источников, где запечатлены костюмы жителей Северного Кавказа. Такими источниками являются каменные рельефы, изваяния, храмовые росписи. Изобразительный материал отражает наиболее типичную знаковую нагрузку костюма, отобранную сознанием художника в качестве этнических, социальных, половозрастных показателей.

Как правило, изобразительный материал рассматривают вместе с археологическими источниками. Однако по разным причинам некоторые детали убранства костюма в погребениях бывают смещены с места своего первоначального расположения. Одежда, обувь, головные уборы или детали убранства иногда встречаются вне единого комплекса. Художественно-изобразительные памятники в таких случаях являются ценным подспорьем для реконструкции полного комплекса костюма, манеры ношения и расположения деталей одежды: поясов, украшений, амулетов, аксессуаров, оружия и т.д. Повторение в изображениях того или иного элемента с наибольшей частотой позволяет говорить о типичности его бытования в среде данного этноса.

Археологические и художественные источники в значительной мере дополняются письменными свидетельствами, народными преданиями и фольклором.

Многие западные и восточные авторы оставили описания кавказского костюма, которые, по сути, передают восприятие иностранцами лишь внешнего вида одежды. Внутреннее содержание костюмных комплексов отражено в устных эпических преданиях и фольклоре народов Северного Кавказа. Изучая костюм по нартским преданиям, можно уточнить некоторые детали археологических форм костюма: манеру ношения, связь с идеологическими представлениями и социальной историей общества. В эпосе содержатся упоминания практически всех составляющих кавказского костюма в контексте погребального обряда, торговых взаимоотношений, экономической дифференциации общества. Нартские предания запечатлели историческую действительность, в которой и бытовал средневековый костюм.

Реконструкции археологического костюма в совокупности с этнографическими и палеоэтнографическими материалами способствуют установлению соотношения между автохтонными кавказскими, а также тюркскими и иранскими компонентами в формировании культуры народов Северного Кавказа. Проникновение тюркских и иранских элементов в культуру степной полосы Евразии и всех регионов Северного Кавказа имело место и привело в итоге к сложному синтезу, вопрос о котором не может быть решен однозначно. Этническая атрибуция отдельных элементов костюма как показателя культуры народов Кавказа способствует выявлению баланса всех ее составляющих.

Сопоставление этнографических материалов с археологическими, изобразительными, письменными и фольклорными свидетельствами способствует установлению соотношения этнических компонентов, составляющих культуру народов Кавказа, и позволяет рассматривать часть этой культуры — национальный костюм в качестве исторического источника.

Хронологическое развитие костюмных форм позволяет выделить надежные датирующие элементы не только для археологических находок, но и для мотивов нартского эпоса. Изменения костюма происходят в контексте общего изменения материальной культуры. Развитие различных ремесел и видов хозяйственной деятельности населения вызывает к жизни новые формы, материалы и украшения одежды.

Влияние на развитие костюма оказывали международные связи населения Северного Кавказа: торговые отношения, династические браки, военные союзы.

Воздействия на формирование костюмного комплекса нельзя считать односторонними. Некоторые детали средневекового кавказского костюма были восприняты другими народами. Сведения о таких заимствованиях немногочисленны, но вызывают интерес с точки зрения культурологии.

Роль костюма как знака-символа половозрастного, этнического, социального, экономического положения человека в обществе определялась социально-экономическим аспектом культуры.

Поскольку основной формой идеологии в обществе являлись религиозно-магические представления, декор костюма, его украшения и аксессуары выполняли функции оберегов и отражали, таким образом, идеологический аспект культуры.

В нашей работе мы придерживались традиции исследования костюма такими выдающимися специалистами в этой области, как П.Г.Богатырев, Н.И.Гаген-Торн, М.В.Горелик, Д.К.Зеленин, Б.А.Куфтин, Н.П.Лобачева, Е.Н.Студенецкая, О.А.Сухарева и др. Методологические принципы, разработанные этими исследователями, позволили критически взглянуть на трансформацию собственно одежды и ее убранства в хронологическом аспекте, выделить социальные, половозрастные и этнические показатели средневекового костюма, объективно оценить место и роль языческого мировоззрения и христианской идеологии в культуре изучаемого общества, использовать комплекс костюма в целом как источник, иллюстрирующий сложный процесс культурогенеза.

Описание предметов средневекового кавказского костюма связано главным образом с археологической литературой (Л.С.Уварова, В.А.Кузнецов, С.С.Кусаева, А.П.Рунич, С.А.Плетнева, В.П.Левашева, Т.Б.Мамакаев, В.Х.Тменов, И.М.Мизиев, Х.Х.Биджиев и др.).

Информативность костюмного комплекса привлекала к нему внимание ряда исследователей. Но подробных работ, касающихся собственно анализа кавказ-

ского костюма, не так много. Первое монографическое исследование костюмных комплексов на широком хронологическом отрезке (V в. до н.э. — конец XVII в.) принадлежит Т.Д.Равдоникас, которая собрала большой фактический материал на основании разного рода источников: археологических, изобразительных, письменных. К сожалению, не все имевшиеся к началу работы материалы были доступны автору, и по ряду объективных причин книга носит очерковый характер. Но тем не менее Равдоникас была первым исследователем, попытавшимся рассмотреть формирование кавказского костюма начиная с глубокой древности (см. [Равдоникас, 1990]).

Значительную роль в изучении кавказского костюма как исторического источника сыграли статьи С.А.Яценко, продолжившего работу в этом направлении. В поле зрения автора попала мужская плечевая скифская одежда, изображенная на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. и антропоморфных изображениях скифов VII–IV вв. до н.э. Должное внимание автор уделит прототипам мужской плечевой одежды осетин, женской плечевой одежде Сарматии и связям костюма кушан с сармато-аланскими традициями. Анализируя костюм, автор внес большой вклад в разработку методики синхронизации изменений материальной культуры ираноязычных кочевников в отдельных регионах с конкретными важными политическими событиями, отмеченными в письменных источниках. Работы С.А.Яценко интересны в плане установления генетических связей и культурных параллелей ансамбля кавказского костюма (см. [Яценко, 1977; 1984; 1985; 1993а; 1993б; 1993в]).

Место мужского скифского костюма в костюмном комплексе ираноязычных народов VI–IV вв. до н.э. определил М.В.Горелик. Автор считает, что выяснение системы комплексов иранского костюма не только позволит сделать конкретную этническую идентификацию, но может дать материал для реконструкции культурных и территориальных связей между отдельными частями массива ираноязычных племен (см. [Горелик, 1985; 1993; 1997]).

В поле зрения исследователей попадал, как правило, мужской костюм, так как основным источником для многих работ служили памятники изобразительного искусства, на которых изображения женщин встречаются очень редко. Новые археологические находки в курганах скифов позволили в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. провести интересные исследования скифских женских головных уборов. В этом контексте следует отметить работы Л.С.Ключко и Т.В.Мирошиной (см. [Мирошина, 1980]).

Анализ скифского костюма предложила Л.С.Ключко в своей диссертации, явившейся результатом большой работы в этой области. Она рассматривает женский скифский костюм как знаковую систему, считая, что именно в нем в большей мере, чем в мужском, отражаются нормы социальной и семейной жизни, эстетические, этические и религиозные представления. На материалах костюма автор показала неоднородность социального устройства скифского общества. Установив характерные комплексы костюмов для определенных районов степи и лесостепи, Л.С.Ключко выявила взаимодействие различных этнических групп на обширной территории Скифии.

Интересны разработки автора в области реконструкций скифских костюмов. Исследователь восстановила покрой и декор мужской и женской плечевой одежды, женских головных уборов и обуви (см. [Ключко, 1979; 1982; 1986; 1992а; 1992б; Ключко, Гребенников, 1982; Ключко, 1992]).

Попытка обобщения одежды народов Восточной Европы в раннем железном веке предпринята в статье Э.А.Рикмана, который рассматривает плечевую, поясную одежду, головные уборы и обувь скифов, сарматов и гето-даков (см. [Рикман, 1986]).

Большую работу по изучению кавказской одежды VII–VIII вв. проделала А.А.Иерусалимская, результатом чего явился ряд статей и монография. В центре внимания исследователя находится ткань как неотъемлемая составная часть всего комплекса костюма. Шелковые ткани являются важным доказательством связей племен Северного Кавказа с населением других стран. Именно с этой позиции подходит к рассмотрению шелков, найденных в средневековых могильниках Северного Кавказа, А.А.Иерусалимская. Целый цикл ее работ посвящен Великому Шелковому пути, проходившему через Северный Кавказ.

В этих работах рассматриваются проблемы транзита восточных и западных тканей через аланские владения.

На основании анализа находок костюмов А.А.Иерусалимская прослеживает все уровни дифференциации аланского общества по социальному признаку, ставя на один полюс вождя, облаченного в кафтан из шелковой ткани с изображениями Сэнмурва, на противоположный — бедняка в латаном холщовом рубище, а между ними — рядовых общинников, использовавших шелк в качестве отделки своих костюмов. При этом автор отмечает, что подобную поляризацию общества не удастся проследить ни в одном синхронном могильнике, где шелковые ткани не обнаружены (см. [Иерусалимская, 1963; 1967; 1972а; 1972б; 1975; 1983; 1992; Ierusalimskaĵa, Borkopp, 1996; Ierusalimskaĵa, 1996]).

Интересна работа А.Я.Кузнецовой «Народное искусство карачаевцев и балкарцев», в которой одна глава посвящена одежде. Автор пытается проследить истоки традиций кавказского костюма еще в скифскую эпоху, проводит некоторые параллели с кобанской культурой, использует археологический материал средневековья и рассматривает женскую и мужскую одежду XIX в. Интересны установленные Кузнецовой параллели между характером украшения вышивкой, аппликациями, металлическими пластинками половецких одежд и этнографических платьев карачаевок и балкарок. В некоторых случаях Кузнецова выясняет семантику отдельных деталей костюма.

В связи с тем, что книга Кузнецовой посвящена народному искусству карачаевцев и балкарцев, исследуемый костюм не связывается со всем регионом в целом. Поэтому общие истоки формирования кавказского костюма не рассматриваются (см. [Кузнецова, 1982]).

Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. освещается в монографии Е.Н.Студенецкой. Эта работа является обобщающей по вопросам этнографического костюма. В ней выявлены общие тенденции и этническое разнообразие его формирования, что наряду с другими источниками представляет важный материал для установления этнографических параллелей археологически засвидетельствованным формам костюмов. Методика систематизации и описания этнографического материала, картографирования и составления сравнительных таблиц наименований мужской и женской одежды у различных народов Кавказа является ценным вкладом исследователя в изучение проблем материальной культуры на примере одного из интереснейших ее проявлений — одежды (см. [Студенецкая, 1989]).

Настоящее исследование построено с учетом накопленной целым рядом авторов информации, касающейся археологических находок комплексов и элементов костюмов. В книге также использованы неопубликованные материалы, предоставленные в наше распоряжение Б.Х.Атабиевым, А.Б.Белинским, И.В.Каминской, В.А.Кузнецовым и В.Х.Тменовым, за что выражаю им благодарность. Искренне признательна А.А.Иерусалимской, В.А.Кузнецову, М.В.Горелику, С.А.Яценко за ценные консультации в процессе работы над книгой.

Глава 1

КОСТЮМ VII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА

1.1. Костюмный комплекс

Этнокультурная история автохтонных народов Северного Кавказа в раннем средневековье тесно связана с тюркоязычными племенами булгар и хазар. Наиболее мощным политическим объединением, под эгидой которого развивались местные народы, явился Хазарский каганат. Хазария просуществовала более 300 лет, с середины VII до второй половины X в. Она оставила заметный след в культурном развитии адыгов, нахских племен, алан и народов Дагестана, входивших в состав Хазарской империи.

Побережье Черного моря занимали адыги, которые консолидировались под началом племени зихов и создали союз племен причерноморских адыгов. Рядом с ним существовало еще два адыгских союза: Касожский на севере и Абазгский на юго-востоке.

Центральные районы Северного Кавказа были заняты аланами, которые постепенно продвигались и на смежные территории. Горные зоны современных территорий Осетии, Балкарии и Карачая были освоены аланами к X в. Кавказские племена, проживавшие на этих территориях, были включены в аланское военно-политическое объединение.

Вайнахские племена, согласно письменным средневековым источникам, локализовались на территориях их современного проживания в Чечне и Ингушетии.

Благодаря выгодному географическому положению в Центральном Предкавказье аланы имели тесные политические и культурные связи со своими соседями. Прочные союзнические отношения они поддерживали с Византией. Контакты устанавливались на политическом и идеологическом уровнях, а также посредством династических браков. Влияние на алан пытался оказать и сасанидский Иран.

Однако наибольшее воздействие на развитие северокавказских народов оказал Хазарский каганат. Аланская правящая династия состояла в родстве с хазарской, заимствовала у хазар их титулатуру, подражая хазарскому двору, носила их костюм, который в VII в. представлял собой базовый костюм мужского населения Северного Кавказа. В могильниках, связанных с алано-адыгским этносом, обнаружены целые формы одежды, обуви, головных уборов этого периода. Поскольку есть основания считать этот костюмный комплекс типичным для всего населения, он будет рассматриваться в качестве основного.

Аланский мужской костюм состоял из коротких штанов с широким шагом, чулок, утепленного кафтана без подкладки, мягкой кожаной обуви без подметок и головного убора. Одежда дополнялась кожаным поясом, ремешками для чулок и перчатками. Женская одежда состояла из таких же штанов, а также чулок, платья, тщательно продуманного головного убора и мягкой кожаной обуви. Женщины носили шубы, подбитые мехом, головные покрывала и перчатки.

Детская одежда, как и одежда для кукол, повторяла взрослый набор.

Наиболее характерным показателем, связывающим костюм с традиционным прошлым, является покрой одежды. Находки из могильника Подорванная Балка позволяют построить точные выкройки одежды, сшитой аланскими портнихами.

Мужской костюм

Конструкция мужского кафтана основывалась на распашном характере кроя. Он был отрезным немного ниже линии талии, имел левый запах и рукав, превышающий длину руки.

Холщовый кафтан, обнаруженный в Подорванной Балке В.Н.Каминским и И.В.Каминской, состоял из 20 деталей. Из выкройки видно, что аланским мастерам была известна система косого кроя и вытачек, позволяющая убирать излишки ткани в области торса, благодаря чему достигался эффект облегания туловища.

Отрезная по линии талии юбка слегка посажена по соединительному с лифом шву, который прикрыт узким отделочным кантом из основной ткани, свернутой руликом. Перегиб этого канта образует петлю для пуговицы. С правой стороны петля выходит наизнанку, с левой — налицо. Кант проходит по боковым частям шва, выходит на спину, но не соединяется. Таким образом, на спине остается в центре промежуток неприкрытого шва.

У кафтана нет проймы как таковой. Конструкция рукава отличается сложностью, обусловленной утилитарной необходимостью создать свободу движения руке при полном облегании кафтаном туловища. Юбка имеет разрезы по боковым швам, согласно конструкции смещенным назад. Над разрезами пришиты закрепляющие прямоугольники из основной ткани, которые не давали швам разойтись в процессе носки. Ворот кафтана оформлен шелковой бейкой, скроенной по косой. К бейке изнутри пришита петелька из толстой крученой нити и пуговка из шелковой ткани.

Внутренние швы бесподкладочного кафтана тщательно обработаны. Соединительный шов выполнен следующим образом. Край полочки подогнут наизнанку на 1,5 см, а верх юбки — на 0,8 см, они скреплены швом «через край». Край полочки отогнут вниз и закрывает соединительный шов. Затем он подогнут внутрь и подшит к юбке швом «через край». Благодаря подобному приему достигались и эстетическая отделка изделия, и технологическая крепость шва. По этой технологии выполнены практически все изделия, не имеющие подкладки. Утепленные и без подкладки мужские шелковые и холщовые кафтаны шились по одной схеме.

В могильнике Амгата VII–X вв. обнаружены фрагменты одежды из двухслойного холста, переложенного войлоком и простеганного. Мужские холщовые кафтаны, как правило, были отделаны шелком по вороту, обшлагам рукавов, низу и боковым разрезам.

Для костюмов населения Северного Кавказа запах — важная характеристика. Левый запах отличал «варварский» западный мир от цивилизованного Китая. Выделение левого запаха как признака варварского костюма случайным не было, так как в китайской одежде он символизировал потусторонний мир в погребальном обряде. И сегодня в Северном Китае нижняя одежда покойников изготавливается с запахом налево. «О древности этого обыкновения можно судить по следующей цитате из классической книги „Лунь-юй“ (Суждения и беседы): „Учитель сказал: Гуань-Чжун был первым министром в правление Хуань-Гуна. Благодаря ему Хуань, встав во главе всех князей, объединил страну и установил порядок в Поднебесной. До настоящего времени мы вкушаем плоды его деяний. Если бы не Гуань-Чжун, то мы носили бы волосы распущенными и запахивали бы халаты налево“ (т.е. были бы

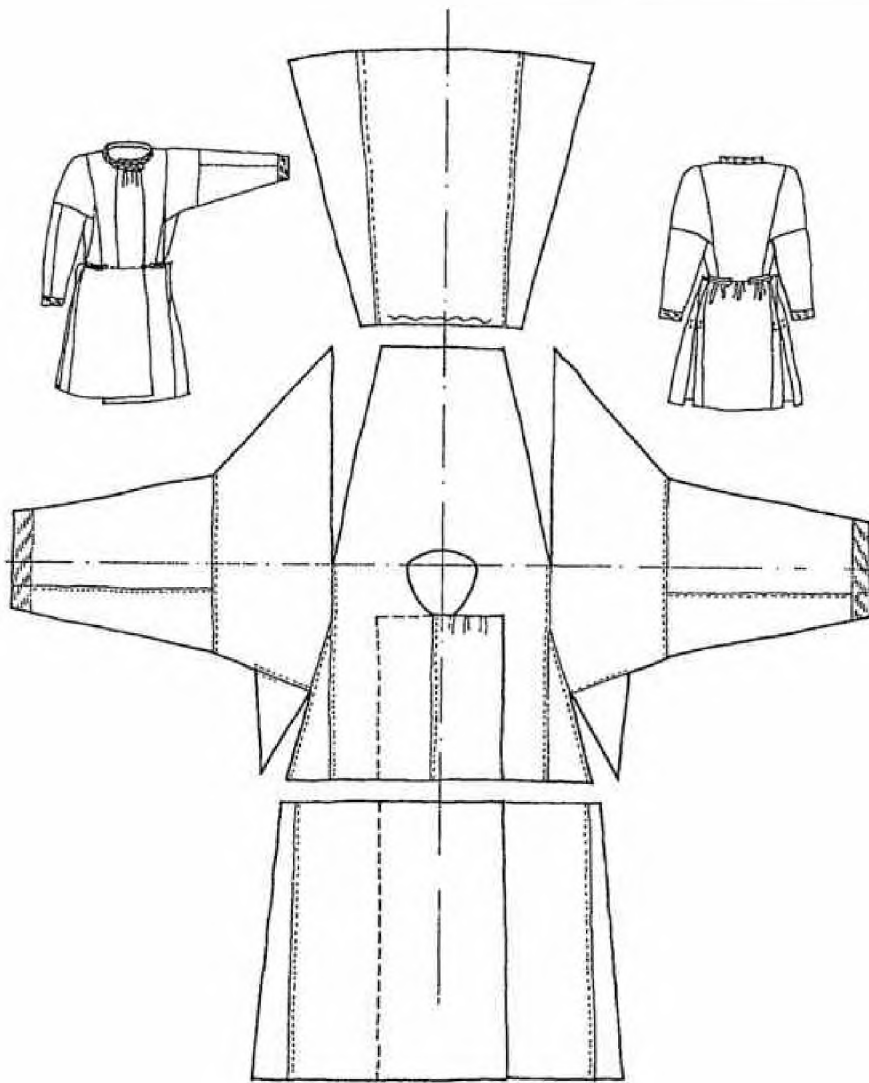

Рис. 3. Выкройка мужского кафтана из могильника Подорванная Балка

Fig. 3. Pattern of a man's kaftan from the burial mound of Podorvanная Балка

покорены варварами и переняли бы их обычаи» [Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975, с. 33].

Поясная одежда средневекового населения Северного Кавказа была однотипной для мужчин и женщин. Она включала штаны, чулки, ноговицы и кожаные носки. Короткие штаны кроили из трех квадратов. Этот покрой был распространен в кочевническом мире с гуннских времен. Верх обрабатывали крайне узким рубцом, в который невозможно было продеть шнур. Поэтому штаны закрепляли на поясе при помощи стягивающего ремня. Детали соединяли обметочным швом «через край». Технологически короткие штаны изготавливали небрежнее по сравнению с тщательной обработкой кафтанов. Видимо, это происходило потому, что штаны были скрыты под верхней одеждой.

Чулки также изготавливали из холста. В случаях, когда для больших размеров не хватало ширины ткани, в них вставляли клинья. Стопу выкраивали и шили отдельно, а затем пришивали к верхней части чулка. Встречаются экземпляры, у которых нижняя и верхняя части сшиты из холстов разного качества. Обычно ткань худшего качества использовалась для нижней части чулка, так как ее скрывала обувь. Верх чулка подшивали «вподгибку». В центр верхней части пришивали кожаный квадрат. В нем делали отверстие, через которое протягивался кожаный шнурок. С лицевой стороны, поверх кожаного квадрата, шнур завязывали узлом, а затем через отверстие вытягивали с изнаночной стороны и закрепляли на поясе. Возможно, на ноге чулок еще дополнительно закрепляли завязками крест-накрест. В Моценовой Балке найдены чулки, к которым пришиты завязки из полотняных полос.

В Подорванной Балке был обнаружен кожаный чулок, сшитый по модели холщовых образцов, только шов проходил по внутренней стороне голени. Голенище и ступня соединены вшитым треугольником. Верх чулка не сохранился.

Как показывают материалы раскопок, наряду с чулками в обиходе были распространены и войлочные ноговицы.

Обувь в VII–IX вв. представляла собой мягкие кожаные башмаки или сапоги без подметок и каблуков. Простейший вид обуви — *арчита* — шили из цельного куска сыромятной кожи, при надевании внутрь подкладывали сухую траву.

Интересный вид обуви был найден в Хасаутском скальном могильнике. Это хорошо сохранившийся высокий кожаный сапог с мысом, закрывающим колени. Он сшит по сложной схеме, особенно в местах соединения стопы с голенищем. Верх его, как и у других видов обуви, обшит шелковой тканью. Соединительные швы «имеют мелкую строчку, очень похожую на машинную» [Рунич, 1971, с. 174]. Сапог выполнен из кожи высокого качества и не имеет подметки. На серебряном венгерском блюде X в. охотник, держащий на руке сокола, обут в сапоги, идентичные хасаутскому экземпляру [Артамонов, 1962, с. 261].

Мужские головные уборы, бытовавшие в это время, представляли собой шлемовидные шапки из четырех клиньев с округлым или пирамидальным верхом. Длина назатыльника варьировалась от заканчивающегося под подбородком до спускающегося к плечам.

В Моценовой Балке была обнаружена шапка с округлым верхом. По низу ее пла опушка из чередующихся белых, желтых и коричневых полосок меха.

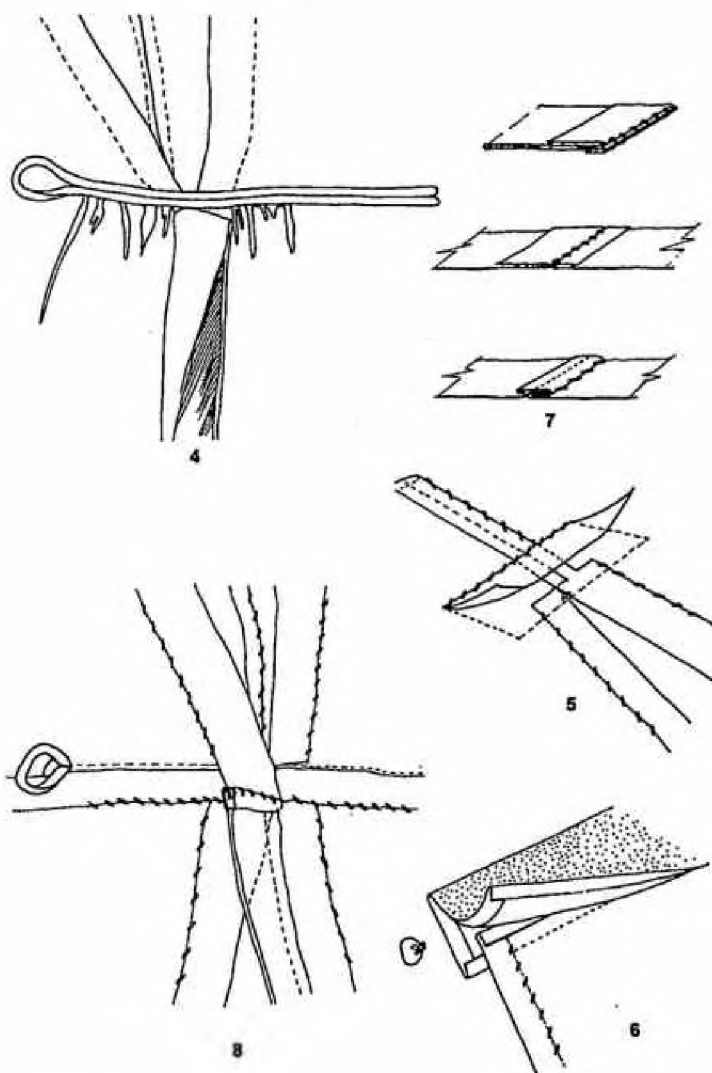

Рис. 4. Соединительный шов между лифом и юбкой прикрыт отделочным руликом, перегиб которого образует петлю для пуговицы

Рис. 5. Технология обработки боковых разрезов нашитыми сверху прямоугольниками из основной ткани

Рис. 6. Технология обработки ворота шелковой бейкой, сфороенной по косой нити

Рис. 7. Технология выполнения соединительного шва

Рис. 8. Технология изнаночной обработки изделия

Fig. 4. The joining seam between bodice and skirt is hidden under a decorative cord folded over to make a buttonhole

Fig. 5. Method of working side seams with overlaid rectangles of the main fabric

Fig. 6. Method of decorating the collar with a silk inset cut aslant

Fig. 7. Method of making a joining seam

Fig. 8. Method of finishing the inside of the clothes

Шапку застегивали петелькой, расположенной с правой стороны нижней ч: опушки, пуговка пришита слева.

Большое распространение получили мужские головные уборы с конским верхом. Оригинален головной убор из Мощевой Балки, изготовленный согдийской ткани с изображениями кувшинов. Схема кроя та же: верх из трех клиньев, низ в виде широкой полосы до плеч. Верх головного убора венчала небольшая деревянная палочка, обтянутая позолоченной кожей. Шапка по-

на на полотняно-кожаную подкладку. Такой головных уборов был широко распростран на Кавказе в раннем средневековье. Изображения подобных шапок встречаются и в Закавказье барельефах, где представлены строители цви Звартноц — каменщики и ваятели VII в.

Среди головных уборов башлыкообраз модели, видимо, были основными, так как в форме подчинены другие выкройки. В Мощевой Балке найден головной убор, спи из одного куска холста, верхняя часть котор вырезана в виде треугольных клиньев, спи вместе так, что получается коническая форма, а нижняя образует наизыльник. Края, обрабатывающие лицо, обработаны шелковой тканью

Важным элементом ансамбля мужского костюма был пояс. В кавказском костюме этот функциональный атрибут одежды нес не только конструктивную нагрузку, он содержал и определенную информацию, обусловленную различными историческими аспектами.

Народы Северного Кавказа, как, впрочем, и другие, издавна наделяли по как бы заключавшие человека в круг, охранительными функциями. Практически во всех аланских погребальных памятниках раннего средневековья встречаются поясные гарнитуры. В некоторых случаях в погребениях при наличии полного поясного набора в поясах отсутствуют пряжки. Этот факт исследователи называют с идеологическими представлениями средневековых людей, которые таким образом обезвреживали покойника: висящее на расстегнутом поясе оружие невозможно было использовать против живых [Плетнева, 1967, с. 161].

Скифы, например, придавали «поясу, на котором завязывалось несколько „мужских узлов“, важное очистительное значение» [Бессонова, 1983, с. 10]. В аланском могильнике Амгата был обнаружен орнаментированный бровыми бляшками кожаный пояс, на котором были завязаны узлы из кожаных шнуров. Народы Северного Кавказа считали, что узел — это оковы для души. Вероятно, данный аланский пояс можно соотносить со скифо-иранской традицией.

Пояса являлись тем отличительным знаком военного сословия, который прослеживается на территории от Китая до Византии [Ковалевская, 1970, с. 108].

В IV–IX вв., когда происходили непрерывные передвижения многочисленных племен и военные походы, возникали различные союзы, появилась объективная необходимость неязыкового средства опознавания, которое передавало бы максимум сведений минимальным количеством сигналов. Таким опознавательным средством в раннем средневековье стал пояс с металлическим набором [Ковалевская, 1970, с. 44]. Поясной набор указывал на заслуги и место владельца в административной и воинской иерархии.

Использование пояса в качестве знака, выделявшего человека знатного происхождения, встречается в разных традициях. Например, Анна Комнина сообщает о назначении Мономаха на пост дуки буквально следующее: «Получив письменные предписания о поясе дуки... на следующий день уехал из царственного города в Эпидамн и в область Иллирика» [Анна Комнина, 1996, с. 88]. В комментарии к этому тексту указывается, «что особый пояс был инсигнией носителей титулов новеллссима, куропалата и магистра. Согласно этому свидетельству Анны, передача пояса символизировала и сопровождала акт назначения на пост дуки» [там же, с. 462].

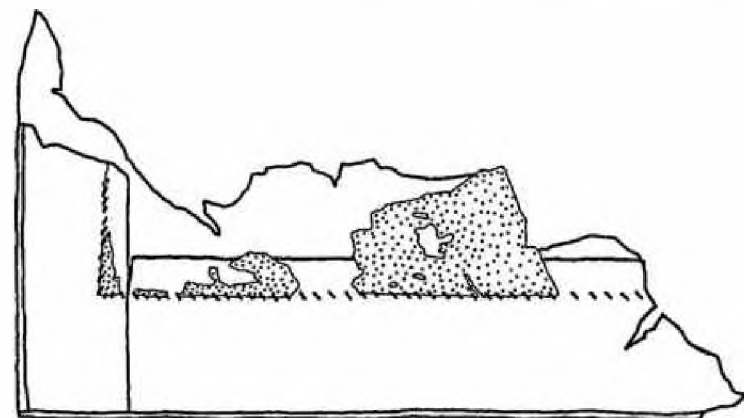

Рис. 9. Фрагмент изнаночной стороны халцового кафтана с кожаной (меховой?) подкладкой

Fig. 9. Part of the inside of a canvas kaftan lined with leather (fur?)

В книге «О церемониях византийского двора» говорится о порядке назначения «опоясанной патрицианки». Эта статья появилась по велению византийской императрицы Феодоры, которая хотела иметь высший чин при своем дворе для связей с чиновниками двора царского. Широкий пояс в виде португези стал в Византии отличительным знаком чиновников, находящихся на государственной службе, еще с IV в. и вошел в моду у женщин высших слоев общества [Кондаков, 1929, с. 182].

Пояс является отличительным символом и в Библии: «Он возвысил Аарона, подобного ему святого, брата его из колена Левина; постановил с ним вечный завет, и дал ему священство в народе; Он благословил его особым украшением и опоясал его поясом славы» (Сирах 45,7–8). Помазаннику своему Киру Господь говорит: «Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб открывались для тебя двери, и ворота не затворялись» (Исаия 45,1).

Очевидно, что поясной набор не должен был надевать никто другой, кроме владельца. Но известны факты, когда пояс становился предметом зависти. Феофилакт Симокатта, рассказывая об охоте византийского императора Маврикия в 592 г., описывает следующий факт. Юный телохранитель императора стал жертвой зависти одного из представителей свиты к своему поясу: «Когда же... лань со всей своей быстротой бросилась в какую-то заросль и скрылась в чаще деревьев, то двое бросились за нею дальше, в охотничьей горячке желая добиться своей цели. Тут гепид, увидев юношу верхом на златоуздом коне, одетого в блестящую одежду и подпоясанного золотым поясом с прекрасными украшениями, убил несчастного, совершив это страшное преступление в каком-то овраге. Так вместо оленя телохранитель сделался добычей злостного нападения со стороны своего же человека. Повод для этого был при нем: его золотое украшение стало для него льняною петлей и сетью охотничьей — сотоварищем разукрашенным и спутником коварным» [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 139].

На Северном Кавказе наборные пояса распространились, несомненно, под тюркским влиянием. Но аланы выработали собственную сигнальную систему украшений, предоставив ведущую роль бляшкам, в то время как авары, основные распространители тюркской моды в то время, эту роль отводили наконечникам. Если в поясном наборе воина бляшек не было, а украшали его наконечники на подвесных ремешках, то владелец, скорее всего, был аваром. Таким образом, помимо знака воинского достоинства пояс являлся показателем этнической принадлежности. В этнографическом костюме народов Северного Кавказа узкие кожаные пояса с металлическим набором оказались устойчивой деталью костюма, но указывали скорее на социально-имущественное положение владельца, чем на его этническую принадлежность.

В период раннего средневековья поясной набор в костюме народов Северного Кавказа наделялся максимальной смысловой информацией. Однако постепенно она стала угасать, и в результате сохранилось лишь утилитарное назначение пояса как конструктивного элемента костюмного ансамбля.

В VII–XI вв. рассмотренный покрой одежды был основным у населения Северного Кавказа, что подтверждают изображения людей на аланских памятниках того времени. Приталенно-расклеванный кафтан, остроконечные шапки и высокие сапоги составляют основной набор предметов мужского костюма персонажей, изображенных на стенах гробницы с реки Кривой, а также на каменной плите, обнаруженной в Кочубеевском районе Ставропольского края.

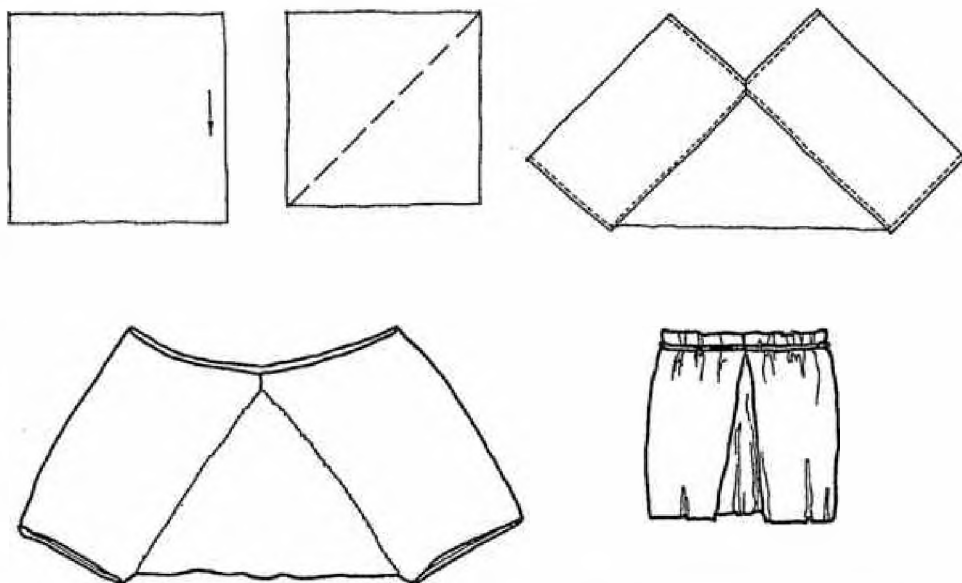

Рис. 10. Выкройка и внешний вид штанов с широким шагом — характерной мужской и женской поясной одежды северокавказского населения в VII–XI вв.

Fig. 10. Pattern and appearance of "wide stride" pants — typical unisex waist clothes used in the North Caucasus during the 7th–11th cc.

Женский костюм

Жительницы Северного Кавказа в раннем средневековье носили платья туникообразного покроя с перегибом по плечам. Рукав повторял конструкцию рукава мужского кафтана и пришивался под прямым углом к стану. Размеры платья варьировали, уменьшая ширину ткацкого куска или добавляя расширяющие клинья в боковые швы. Горловину округлой формы снизу обшивали хол-

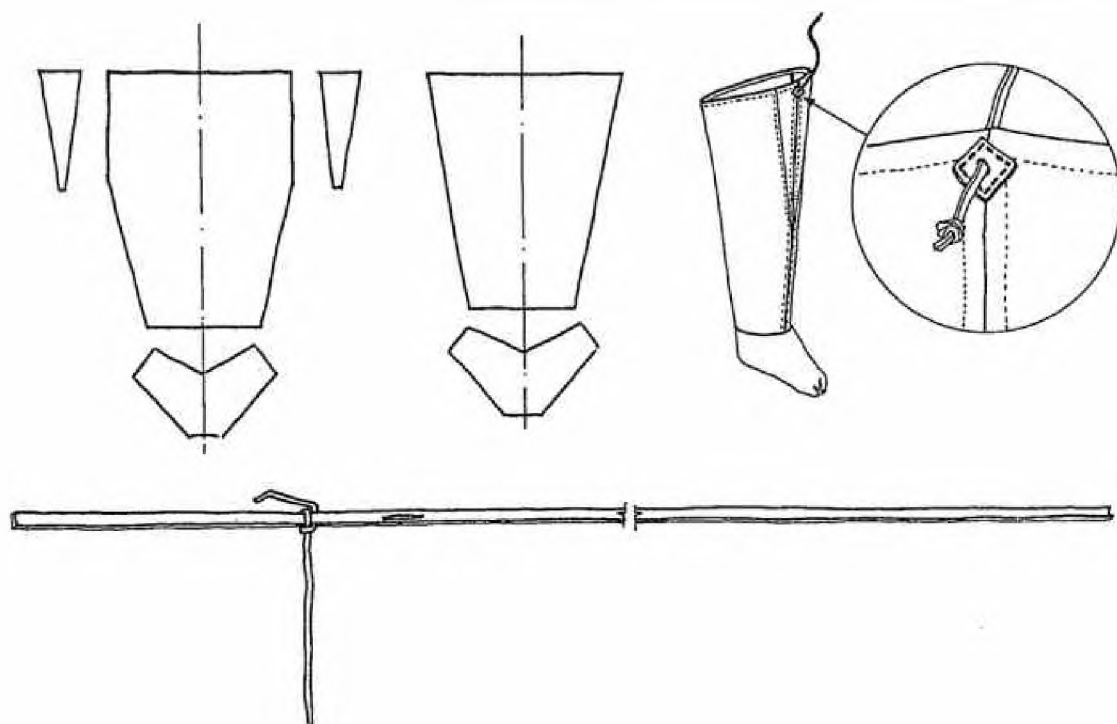

Рис. 11. Схема кроя мужских и женских чулок, крепившихся к нижнему поясу

Fig. 11. Tailoring of man's and woman's stockings that were attached to the lower belt

стом, а сверху — шелком. В некоторых случаях в качестве декора горловины использовали металлические бляшки. Застегивалось платье на левом плече. Пуговица располагалась сверху, а петля — снизу. В районе плеч, у горловины пришивали петли, в которых закрепляли концы ожерелий.

Интересной деталью женского платья служил запаушный карман прямоугольной формы, вшитый под горловину. Он перекрывал плечи и фиксировался в верхней части спины. Такая конструкция должна была придать карману жест-

кость и прочность, ведь его использовали в качестве вместилки, поскольку женское платье того времени не имело пояса, на который подвешивались бы сумочки и другие необходимые предметы. По обеим сторонам кармана располагались входы. Запаушный карман аланского женского платья VII–X вв. был типичным элементом. Его пришивали даже на платьица кукол.

Под карманом находился вертикальный разрез, высота которого варьировалась и зависела от семейного статуса женщины. Глубокие, почти до живота разрезы были характерны для платьев женщин-матерей. На девичьих платьях такие разрезы были неглубокими, достаточными для того, чтобы проходила голова. Различное оформление ворота, зависящее от семейного статуса женщины, зафиксировано в этнографическом материале народов Средней Азии.

Платья женщин всех возрастов, в том числе детские и кукольные, шили по одной схеме.

Холщовые женские платья, как и мужские кафтаны, украшали шелком по вороту, низу рукавов, подолу и боковым разрезам. Но шелковый декор женской и детской одежды был несравненно богаче. Ее украшали разного рода нашивки на плечах, рукавах или подоле. В позднеримской традиции вставки-медальоны называют *орбиклами* (лат. orbiculi), а вставки-квадраты — *таблионами* (лат. tabulae). Манера декора подола горизонтальной полосой, которая у боковых разрезов поворачивала вверх, называлась *гаммадий* (лат. gammadie). Мода украшать одежду таким образом была заимствована аланами у византийцев.

Подобный прием декора можно видеть также на коптских одеждах VII в., где места отделки постоянны вокруг ворота, по подолу и на рукавах. Интересен прием декора вертикальными полосами, которые начинаются на спине, проходят через плечи и заканчиваются на груди перехватом с круглой или копьевидной розеткой [Соболев, 1934, с. 99].

Женские шубы имели тот же покрой, что и платья. Они были не распашными, а с осевым разрезом впереди. Шубы подбивали овчиной, козьим мехом или пушиной и крыли холстом, а иногда шелком.

Женщины носили такие же короткие штаны и холщовые чулки, как и мужчины. Л.Н.Глушков, исследовавший парное захоронение в Нижнем Архызе, отмечает: «Обе женщины были положены на правый бок с согнутыми ногами, сверху были покрыты шубами с холщовым верхом на козьем меху, в холщовых панталонах и чулках»¹.

Женская обувь также была аналогична мужской. В Подорванной Балке обнаружен кожаный башмачок, верх которого отделан шелком. В соединительные швы мастерицы вставили кожаную бейку, сложенную вдвое и выпущенную на лицевую сторону в качестве отделочного канта. Наличие бейки объясняется технологией скрепления кожаных изделий. Ее отсутствие привело бы к быстрому разрыву кожи в местах прокола иглой и скрепления нитями. Детали обуви скреплялись лубяными нитками. Отделочный шелковый кант по верху женских башмаков мог быть более широким и даже фигурным. В этом могильнике встречено несколько экземпляров образцов такой обуви, которая подобна находкам в Моцевой Балке, где были найдены экземпляры, окрашенные в красный цвет. Обнаружена также пара женских чупяков с фигурным верхом, спитых из одного куска дубленой кожи со швом по подметке. В средневековых экземплярах сафьяновой обуви применяли холщовую подкладку и шелковую отделку.

Наряду с чупяками в могильниках встречаются и кожаные носки. В этнографии у разных народов Кавказа подобный вид обуви известен под одним корнем (меси, мес, мест, махъси). Это древнеиранский термин, восходящий к слову «овца» [Абаев, 1949, с. 171].

В VII–IX вв. на Северном Кавказе уже сформировались основные типы обуви, которые прослеживаются в этнографическом костюме: кожаная обувь без подметок, изготовленная из сыромятной кожи и кожи тонкой выделки в виде низких чупяков и высоких сапог, а также кожаные носки, чулки и войлочные ноговицы. Низкую обувь носили как мужчины, так и женщины. Высокие, закрывающие колени сапоги были, очевидно, элементом исключительно мужского костюма.

Систему кроя обуви и швов на ней А.А.Иерусалимская соотносит с этническими традициями: «Однотипную обувь типа чупяков разные народы Кавказа шьют по-разному: осетины — со швом по верху, адыгские народы — со швом по подметке» [Иерусалимская, 1992, с. 17]. Однако исследователь этнографического кавказского костюма Е.Н.Студенецкая указывает на однотипный характер изготовления обуви всеми народами Северного Кавказа. Автор настоящего исследования считает, что имеющийся на сегодняшний день археологический материал, соотносимый с этнографическими традициями, позволяет говорить о том, что обувь, как и весь комплекс костюма, формировалась на Северном Кавказе в рамках региона, а не этнических групп, что было обусловлено особенностями рельефа, климата и имевшегося у населения материала.

В погребениях обнаружены мужские и женские перчатки, холщовые и кожаные, с пальцами и типа митенок. Оригинальны перчатки из Моцевой Балки, спитые из кожи ягленка, с шелковой аппликацией в виде небольших кружочков у каждого пальца.

С достаточной степенью уверенности можно провести границу между головными уборами женщин-матерей и молодых девушек и девочек. До рождения

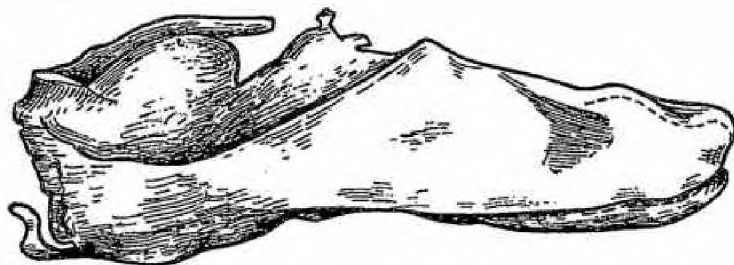

Рис. 12. Арчита — простейший вид обуви из сыромятной кожи, в которую закладывали сухую траву. Рисунок передал автору В.А.Кузнецов

Fig. 12. The archita, a primitive type of raw leather shoes that were lined with dry grass (drawing by V. Kuznetsov)

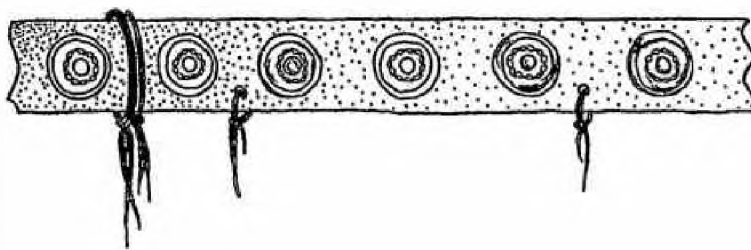

Рис. 13. Кожаный пояс, декорирован бронзовыми бляшками. На нем из кожаных шнуров завязаны узлы. Скифы придавали поясу с мужскими узлами важное очистительное значение

Fig. 13. Leather belt ornamented with bronze signets and leather knots on top. The Scythians considered a belt with "man's knots" to be of great purifying value

¹ Черновая записка Л.Н.Глушкова. Хранится в СГОКМ без номера.

ребенка женщины могли показывать волосы, что известно из этнографии, причем этнографические сведения стали известны раньше, чем данные археологии. Долгое время материалы из могильника Мошоева Балка считались этнографическими. Но когда исследователи установили хронологические рамки бытования памятника — VII—X вв. и провели культурно-исторические параллели с могильниками этого круга — Уллу-Кол, Эшкакон, Подорванная Балка, Амгата и др., стало возможным говорить о том, что различие между девичьими

и женскими головными уборами на Северном Кавказе имело место и в раннем средневековье. Об этом свидетельствуют археологические модели головных уборов аланов.

Девочки носили волосы открытыми, заплетенными в косички, лоб при этом перехватывала диадема из шелковой или шерстяной узорчатой ткани с нашитыми на нее брактеатами и индикациями. Среди головных уборов девочек встречаются глубокие округлые шапочки из четырех клиньев с опушкой, выполненные по той же схеме, что и округлые мужские шапки. Мелкие овальные шапочки

с собранными надо лбом складками, которые также изготавливали из четырех клиньев, имели завязки.

К этому же типу овальных шапочек можно отнести головные уборы из станицы Старокорсунской и городища Адиюх. У станицы Старокорсунской остатки шапочек такого типа обнаружил В.Н.Каминский. От головного убора сохранилось только убранство венчика: бронзовые бляшки в виде восьмерок нашиты по одной линии с расположенной надо лбом брошью с триквестром.

Фрагменты шапочек с городища Адиюх позволяют по аналогиям реконструировать оба головных убора. На черепе женского костяка сохранились остатки красного шелка, окантованные полосой из трех рядов мелких выпуклых позолоченных бляшек, нашитых на кожаную ленту, которая над теменной костью образовывала угол, характерный для шапочек из могильников Мошоевой и Подорванной Балки. Этот угол был декорирован трехлепестковой розеткой. Головной убор из Кисловодского могильника, обнаруженный А.П.Руничем, был, очевидно, подобной конструкции.

В могильнике Эшкакон найден колдовый головной убор, изготовленный из цельного прямоугольного куска ткани. В середине длинной стороны завязан узел. Это придает головному убору форму, сходную с башлыквидной.

В парном женском захоронении из Подорванной Балки сотрудник Ставропольского краеведческого музея Л.Н.Глушков обнаружил головной убор, сшитый по схеме мужских конических шапок, выполненный из шелковой ткани с аппликацией из золоченой кожи. Головной убор изготовлен из четырех радиально расположенных лоскутов ткани треугольной формы размерами $22 \times 22 \times 17$, $22 \times 22 \times 19$, $22 \times 22 \times 16,5$, $22 \times 22 \times 17$ см. Один лоскут сшит из двух кусков ткани: треугольного ($16 \times 16 \times 14,5$ см) и прямоугольного ($8,08 \times 14,6$ см). Соединительные швы, которыми детали сшиты между собой, выполнены следующим образом: подогнутые на изнанку на 1 см срезы ткани сшиты стежками «через край» по лицевой стороне (в 1 см — 8–10 стежков) нитками коричневого цвета. На отдельных лоскутах имеются фрагменты кромки ткани.

Кожаная аппликация, покрывающая 15 см от вершины убора, в верхней части представляет собой сплошные кожаные накладки треугольной формы, ниже — сложный растительный орнамент. В местах соединения части аппликации сшиты соединительным швом стежками с изнанки. Скрепленные таким образом куски кожи пришиты к четырем радиально расположенным лоскутам ткани соединительными стежками по всему периметру орнамента кожаной аппликации (на 1 см — 8–10 стежков). Нитки, которыми выполнены соединительные швы кожаных аппликаций, светло-коричневого цвета.

Радиальные отделочные швы, соединяющие между собой заготовки деталей кожаных аппликаций, выполнены крестообразными стежками. При этом

Рис. 14. Изображения мужских фигур, одетых в кафтаны, на каменной рельефной плите X—XI вв. Кочубеевский район Ставропольского края. Случайная находка

Fig. 14. Figures of men in kaftans carved on a stone slab of the 10th–11th cc. A chance find in Kocubeyevski Rayon, Stavropol' Krai

использовались нитки двух цветов — бежевого и зеленовато-коричневого. Две разноцветные нити связывались вместе узелком, затем нить одного цвета укладывалась между спиваемыми кусками, а нитью другого цвета сверху делали крестообразные стежки, через 4–6 мм нити менялись. Таким образом, получался отделочный шов шириной 2 мм с перемежающимися крестообразными стежками бежевого и зеленовато-коричневого цвета. Отделочные и соединительные швы верхней части головного убора выполнены натуральным шелком.

Ткань головного убора выполнена из нитей натурального шелка основным полотняным переплетением. Раппорт состоит из двух нитей основы и двух нитей утка. На полосках ткани имеются фрагменты кромки. Переплетение кромки не отличается от переплетения ткани. Однако кромка более плотная по основе. Нить утка непрерывна. Таким образом, кромка относится к классическому виду. Толщина нити ткани — 0,13 мм. Плотность ткани по утку — 83, по основе — 86 нитей на 25 мм длины. Перед нами тафта китайского производства, широко распространенная в тот период и известная по вещам из могильников Нижнего Архыза и Мощевой Балки.

Ткань была окрашена мареной красильной (*Rubia tinctorum*), экстракт которой носит название «крапп». Это растение известно с древнейших времен как природный краситель. Для окрашивания используются корни марены, в которых содержится основное красящее вещество — гликозид ализарин. Цвет окрашенной ткани может быть ярко-красным, желто-красным, коричневым, желтым. Растение окрашивает шелк и хлопок, при этом чистота оттенка сохраняется в течение многих лет. Химико-биологический анализ ткани с определенной степенью вероятности позволяет утверждать, что она была окрашена экстрактом корней марены красильной уже в готовом виде.

Кожа, из которой была выполнена аппликация, выделана местными скорняками. Она имеет толщину 1,8–2 мм. Проколы, с помощью которых кусочки кожи пришивали друг к другу и к ткани, выполнены шилом и представляют собой отверстия с ровным краем. Поверхность кожи около проколов гладкая, без повреждений, что свидетельствует о ее мягкости, прочности и гибкости в момент сшивания. Эти характерные свойства, а также особенности гистологического строения позволяют утверждать, что аппликация выполнена из овечьей или козлиной кожи. На поверхности кожи обнаружены частицы желтого металла. Эмиссионный спектральный анализ показал, что покрытие представляло собой сплав золота, серебра и меди.

К шапочке крепился назатыльник, выполненный из шелковой ткани несколько другого качества. Ее плотность по утку — 70, по основе — 58 нитей на 25 мм длины. Назатыльник заканчивался опушкой из разного по цвету меха животных семейства куньих (колонок, куница и норка). Опушка сшивалась из чередующихся между собой светлых и темных прямоугольных кусочков меха соединительным швом «через край».

Таким образом, анализ материала головного убора свидетельствует о большом искусстве не только древних швей, но и скорняков, и мастеров по металлу. Можно говорить о развитии животноводства и охотничьих промыслов среди местного населения. Ткань указывает на торговые связи с Китаем, а использование шелковых ниток для укрепления деталей изделия свидетельствует о том, что среди импортируемых товаров были не только ткани, но и нити, а возможно и шелк-сырец.

Эти два головных убора из Эшкакона и Подорванной Балки являются уникальными башлыкообразными формами, которые мы связываем с женским комплексом. Если в пользу такой атрибуции экземпляра из Эшкакона говорит

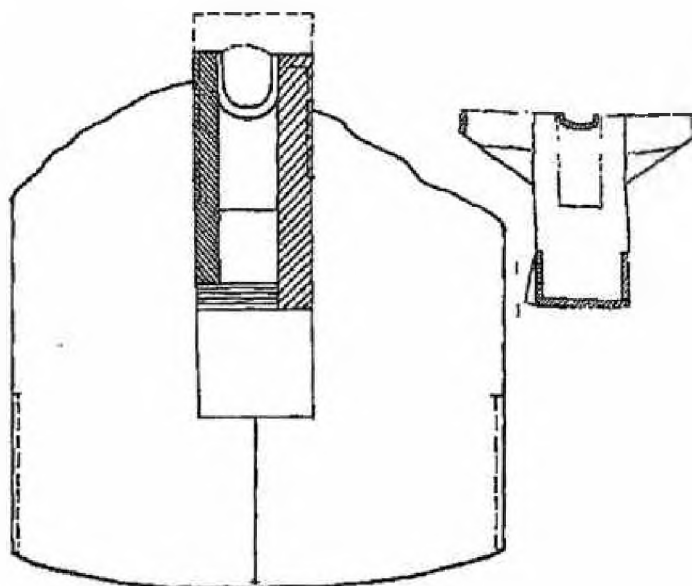

Рис. 15. Схема крой женского аланского платья с запаузным карманом

Fig. 15. Cut of Alanic woman's dress, with pouch pocket

символика узла, завязанного в теменной части, о чем речь пойдет ниже, то в Подорванной Балке головной убор был обнаружен в женском захоронении с типичным набором женского инвентаря. Наше мнение опирается также на археологические данные, сведения исследователей в этой области [Атаев, 1963, с. 113; Равдоникас, 1972, с. 163] и письменные источники.

Шлемообразные головные уборы были типичными для женщин Кавказа, считает Т.Д.Равдоникас. Она указывает на сходство покроев глубоких шапочек

с округлым верхом и шлемообразных головных уборов у мужчин и девушек, отмечая при этом, что такой обычай был характерен для многих народов: монголов, адыгейцев, осетин. Например, путешественники отмечали, что в XIII в. монгольских девушек и молодых женщин с большим трудом можно было отличить от мужчин, так похоже они одевались. При этом монгольских женщин выделяли совершенно особые головные уборы [Шано Карпини, 1957, с. 10]. В этой связи исследователь одежды народов Средней Азии О.А.Сухарева предлагает рассматривать единство покроя костюма как черту архаическую, а общие для обоих полов формы считать наиболее древними [Сухарева, 1979, с. 79]. На наш взгляд, вопрос о единстве форм шлемообразных головных уборов у мужчин и молодых девушек не должен ограничиваться констатацией факта древности их про-

исхождения, а может быть рассмотрен в контексте социального статуса обладательницы такого убора. К сожалению, на сегодняшний день мы не располагаем достаточным материалом, чтобы решить его однозначно.

Сложностью и тщательной продуманностью отличался головной убор женщин-матерей. Они должны были скрывать свои волосы, и эту задачу прекрасно выполняли разного покроя шапочки с накосниками. Например, шапочка из Мощевой Балки была выкроена из цельного куска ткани. Экземпляр, обнаруженный в Подорванной Балке, собран из отдельных деталей: двух прямоугольных половинок — собственно шапочки со скругленным верхом и прямоугольного накосника. Длину накосника варьировали, вероятно, в зависимости от длины волос. Под шапочку надевали нижнюю диадему, а сверху — верхнюю. Затем все покрывали шарфом или платком, выполненным из холста и отделанным шелковой каймой, обрамляющей лицо, подобным находке из Амгаты. Такой платок женщины иногда оборачивали вокруг головы вроде тюрбана. Согласно этнографическому материалу Средней Азии, такой головной убор женщина впервые надевала после рождения ребенка [Мешкерис, 1979, с. 16].

Возможно, что в качестве верхней диадемы использовали шарф, скрученный в жгут. В таком виде шарф из разреженной ткани типа марли с декоративными уплотненными вытканными полосками и бахромой из плетеных косичек найден в Подорванной Балке.

В убранстве своего костюма женщины использовали большое количество украшений, амулетов и аксессуаров. Для древности пограничная связь между украшениями и амулетами очень тонка. Часто любой элемент украшения был одновременно амулетом или талисманом¹. Изящно изготовленные предметы туалета (ногтечистки, флакончики, линзеты, копоушки) становились украше-

¹ Амулеты и талисманы наделялись различной силой. Первые были призваны оберегать владельца от злых сил, а последние — привлекать к нему удачу. Не случайно по-арабски слово *amulet* происходит от *amalin* — «отвращать», а араб. *tilsem* обозначает «чародейское изображение», отметил Г.Чурсин [Чурсин, 1929].

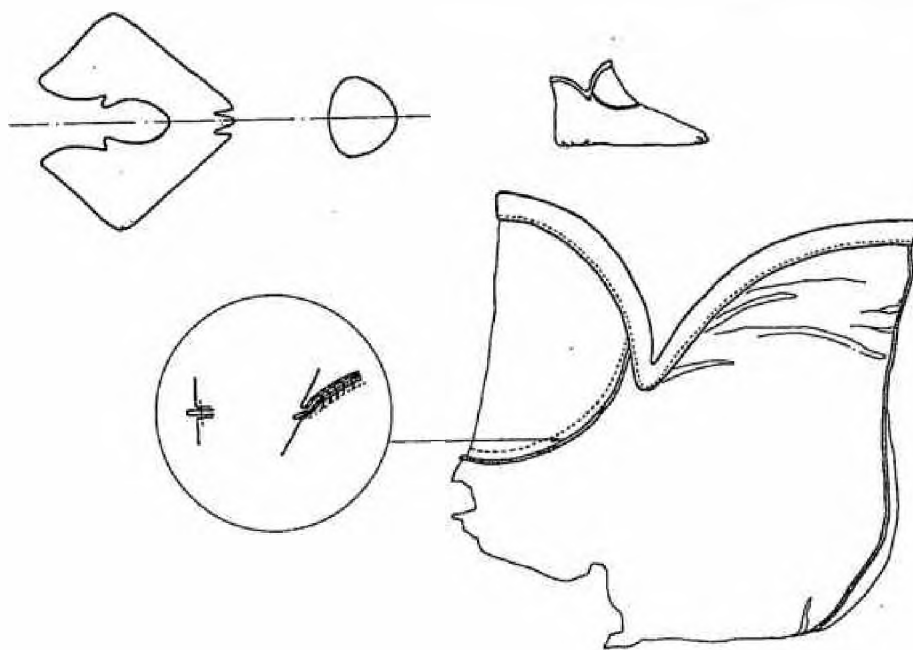

Рис. 16. Женский башмачок из мягкой кожи без подметки и каблука. Верх отделан шелком. В соединительные швы вставлена кожаная бейка. Могильник Подорванная Балка (находка В.Н.Калинского, И.В.Калинской)

Fig. 16. Woman's shoe of soft leather, without soles or heels. The top is decorated with silk. A leather inset was sewn into the joining seams

нием костюма, а придание им формы оберега (ногтечистка в виде когтя животного) наделяло их охранительными функциями.

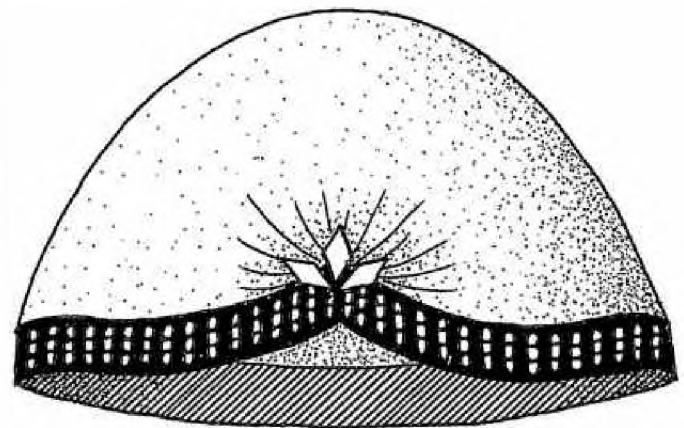
Сугубо женскими считались талисманы из костей зайца и лисы. В Мощевой Балке кости зайца найдены в карманах платьев, а также пришитыми с изнанки у бокового разреза. А.А.Иерусалимская связывает талисманы из костей зайца с женской магией плодородия. Обычай использования подобных талисманов известен среди представителей иранской культурной общности, проживавших за пределами Кавказа. С.А.Плетнева зафиксировала заячьи фаланги в связках по семь-девять косточек, прикрепленные к поясу погребенных женщин в могильниках салтово-маяцкой культуры. Вероятно, кости зайца использовали как талисманы для привлечения «фарна», обозначающего в иранской традиции удачу. Не случайно скифы, готовые вступить в бой против Дария, бросились за пробегавшим мимо зайцем. Геродот говорит о том, что Дарий расценил это как презрение к персам со стороны скифов и увел свои войска [Геродот IV, 134]. Но эллин Геродот не понял того, что понял иранец Дарий. Скифы поймали свою удачу, и поэтому смысл их даров¹ стал очевиден для персов: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зареетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» [Геродот IV, 132].

В этом же контексте следует рассматривать талисманы из мелких костей лисы. Их повсеместное бытование С.А.Плетнева отмечает в салтово-маяцкой культуре. Автор справедливо связывает такие амулеты с онгоном лисы как покровительницы женщин и девушек [Плетнева, 1967, с. 172]. Мотив лисы-помощницы нашел отражение в народных осетинских сказках, где она является своеобразным Котом в сапогах, помогает и покровительствует девушкам. Видимо, не случайно на погребальном покрывале из Сентинского храма, под которым покоилась совсем юная девушка, были вышиты лисицы (см. [Марковин, 1983, с. 70]). Мотив лисы — помощницы женщин прослеживается в адыгейских сказках, где она помогает зайчихе отомстить волку за смерть зайчат. Лисица и зайчиха называют себя сестрами. Эти животные в сказках народов Кавказа не противопоставляются, а объединяются общим началом материнства.

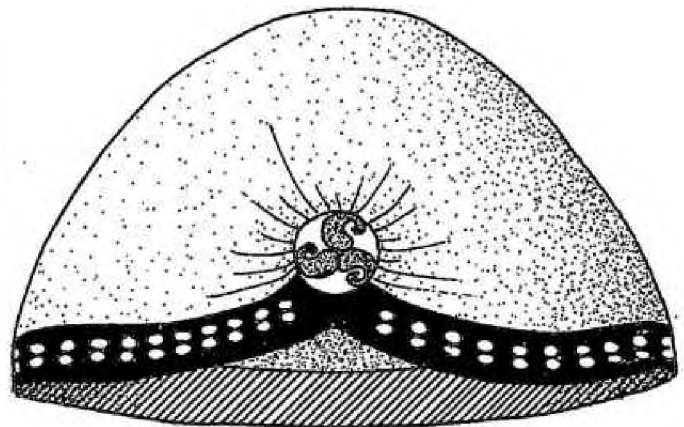
Использование мелких костей, зубов и изображений животных в качестве амулетов и талисманов связано с очень древними тотемными представлениями. Медвежьи когти, зубы и шерсть народы Северного Кавказа использовали как обереги, призванные оградить владельца от дурного глаза и злых духов. Медвежьи зубы и когти в качестве амулетов зафиксированы в аланских погребениях в Балке Балабанке в Отрадненском районе Краснодарского края (см. [Каминская, 1989]). В адыгейских сказках распространен мотив, в котором медведь воспитывает младенца, а затем, когда мальчик становится непобедимым батыром, возвращает его людям. Родственная связь медведя с людьми признавалась осетинами, о чем свидетельствуют такие фамилии, как Аршиевы, Арсоевы, что в переводе на русский язык означает Медведевы [Биджелов, 1992, с. 36].

В качестве оберегов использовались также зубы оленя. В ожерелья, найденные в Мощевой и Подорванной Балках, были включены просверленные зубы оленя. В Подорванной Балке обнаружена имитация зуба оленя, изготовленная из стекла.

¹ «Скифские цари... отправили к Дарию глашатая с дарами, послаа ему птицу, мышь, лягушку и стрелы» [Геродот IV, 131].

a

b

Рис. 17. Девичьи овалы шляпки из шелковой ткани, украшенные бронзовыми бляшками

a — из могильника Адиюх (находка Т.М.Минаевой)

b — из могильника станицы Старокорсунской (находка В.Н.Каминского)

Fig. 17. Girls' oval hats of silk ornamented with bronze fittings.

a — From Adiyukh (excav. by T.M. Minayeva).

b — From Starokorsunskaya (excav. by V.N. Kaminski)

Специфически женскими амулетами, связанными с растительной магией, являлись орехи. Они найдены повсеместно в шкатулках для рукоделия, карманах платьев, у изголовья. В основном это плоды лесного ореха. В могильнике Эпшакон встречаются плоды грецкого ореха с просверленной скорлупой, использовавшиеся в ожерельях. Скорлупа грецких орехов часто встречается в погребениях VII–X вв. и в более позднее время, например в Дзивгисском некрополе.

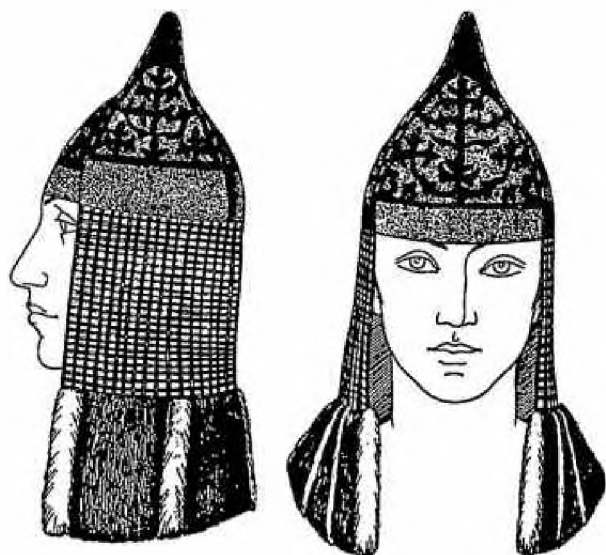

Рис. 18. Схема конструкции и прорисовка орнамента аппликации головного убора. Могильник Подорванная Балка (находка Л.Н.Глушкова)

Fig. 18. A drawing of pattern and ornament of the appliqué hat from the Podorvannaya Balka burial (excav. by L.N.Glushkov)

На Кавказе народные поверья наделяли ореховое дерево особыми магическими свойствами. Ему приписывали способность избавлять от недугов, женского бесплодия, детских болезней и т.п. Так, например, шапсуги, чтобы победить недуг, выкапывали ход под корнями орехового дерева и в течение месяца, каждую среду, натошак пролезали в этот ход [Лавров, 1959, с. 204].

В нартском эпосе орешник задержал Колесо Ойнона, которым он хотел убить Сослана: «Колесо Ойнона¹ спустилось убить Сослана. Когда Сослан увидел его, то стал преследовать, загнал в темный лес. Колесо сначала пробежало по ольховнику и, изрубив его на мелкие куски, проскочило; не задержал его [ольховник]. И тогда Сослан проклял его:

— Да будешь долей того, кто имеет плохого работника, кто имеет плохого быка!

Потом [Колесо] пробежало сквозь грабы, и те тоже его не задержали. И тогда проклял Сослан [граб]:

— Пусть по воле бога люди ищут тебя только для топлива!

Оттуда [Колесо] попало в орешник. А там ветки орешника переплелись с густым хмелем, опугали Колесо, и Сослан нагнал его.

— Пусть бог сделает вас полезными для людей! — сначала поблагодарил [он] орешник и хмель...» [Нарты, 1989, с. 163].

В более позднее время лесные орехи заключались в серебряные оправы и использовались в качестве подвесок, которые несомненно выполняли функции оберега. Известны подвески из сероватого камня, сделанные в форме лесного ореха [Чурсин, 1929, с. 211].

В Мощевой и Подорванной Балках зафиксированы обереги, напитые на одежду или закрепленные в специальных мешочках на поясе у мужчин или на левом плече платья у женщин. Они представляли собой палочки орешника или таволги. А.А.Иерусалимская связывает использование таких амулетов с культом плодородия.

Совершенно очевидно, что исследование амулетов и талисманов является самостоятельной темой, о чем свидетельствует многочисленная литература, касающаяся данного вопроса. Но в контексте истории костюма важно, что данный вид убранства можно рассматривать как свидетельство единства материального и духовного формирования Северо-Кавказского культурно-исторического ландшафта.

Несомненно, что до проникновения на Северный Кавказ христианства все население было языческим и поклонялось силам природы. Да и после того как верхушка аланского общества приняла христианство, основное население еще долго сохраняло языческие верования. Ибн Руста, арабский автор X–XI вв., отмечал, что «аланский царь — христианин в сердце, но весь народ его царства — язычники, поклоняющиеся идолам» (цит. по [Минорский, 1963, с. 221]).

Характерным украшением женского платья народов Северного Кавказа в раннем средневековье были бусы, хотя в этнографическом костюме они практически отсутствуют. Наиболее распространены в VII–X вв. низки из каменных и стеклянных бусин. Особенно эффектно выглядели стеклянные

¹ Здесь и далее транскрипция имен персонажей сказаний дается строго по цитируемому источнику.

бусины с внутренним золочением. Они отличались сложной техникой изготовления, которая «могла быть доступна только центрам с развитым стеклоделием и ювелирным ремеслом, а также только специализированным мастерским» [Алексеева Е.М., 1982, с. 18], где бусы производили главным образом на экспорт. Для своих низок аланки покупали на рынках квадратные бусины с ковровым мозаичным узором и овальные с узором из сложных глазков с ресничками. Центры изготовления этих бусин находились в Египте, Сирии и Палестине. Таких бус на Северном Кавказе найдено значительно больше, чем в центрах их производства [Деопик, 1961, с. 61]. В ожерельях раннего средневековья встречаются крупные бусины округлой формы из синего матового стекла со сложными глазками, состоящими из шести слоев, а также кольцевидные бусины из желтого непрозрачного стекла с синими и белыми вставками в пять слоев. Все эти бусы были распространены как в древности, так и в византийское время.

Бусины с глазками использовались, очевидно, как обереги от «дурного глаза». В нартском эпосе бусинка упоминается в качестве талисмана, освещающего путь: «Я сестра Уархага. Уже давно я здесь. Мой муж сотрапезничал с солнцем, и оно подарило ему ярко светящуюся бусинку. Каждый вечер я вешала ее на шею, и она освещала мне путь. Свет этой бусинки ты и видел» [Нарты, 1989, с. 457]. Бусины с глазками как бы получили второе рождение в качестве амулетов в этнографическом материале. Исследователи отмечали, что среди амулетов мусульманского населения Кавказа часто встречаются бусины древнего происхождения, так как найденная в земле вещь внушает к себе особое почтение [Чурсин, 1929, с. 216].

Помимо бусин в ожерелья входили и другие предметы, связанные с магическими представлениями. Сохранившееся в могильнике Подорванная Балка ожерелье наряду с глазчатыми бусинами из желтого и синего стекла включало зуб оленя, косточку персика, плод водяного ореха, камешек с отверстием в центре, амулет-печать из рога серны с солярным изображением, бляшки из раковин. Все составляющие были соединены кожаным шнуром с помощью особой системы узлов. Каждый предмет в этом наборе не случаен. Глазчатые бусины, изготовленные в Византии, были призваны охранять свою хозяйку от дурного глаза. Камешек с естественным отверстием в центре, вероятно, связывался с небесными силами.

Амулет из рога серны имел выраженное солярное значение. В средневековых памятниках встречается большое количество амулетов с солярной символикой — окружностями с точкой в центре, прочерченными на роге животного, считавшегося у кавказских народов тоже солнечным символом. Свое космическое происхождение народы Кавказа ведут от Солнца и, как дети Солнца, любят буйную радость жизни, пиры, песни, игры и пляски. Этот факт указывает на иранские корни происхождения кавказских мифов: о героях персидского эпоса говорится, что они любят бой и пир [Абаев, 1989, с. 64].

В русле лечебной магии осмысливались раковины моллюска. А косточку персика составитель ожерелья включил в него тоже не случайно. В Китае, где персик впервые стали культивировать 5 тысяч лет назад, этот плод и само персиковое дерево были наделены очистительными функциями, помогавшими избавиться от злых духов и болезней. Косточки персика китайцы использовали в качестве лекарства [Шефер, 1981, с. 243]. В средние века персик не произрастал в землях алан, очевидно, плоды попадали сюда с караванами шелка, а купцы, возущие экзотические товары не только из далекого Китая, но и из Самарканда, знакомили местное население со свойствами этого удивительного плода.

Плод водяного ореха мог заинтересовать хозяйку ожерелья своей экзотичностью и эстетическими качествами, но характер остальных компонентов говорит в пользу того, что и его включение имело магическую основу. По-видимому, плод попал на Северный Кавказ с караванами шелка, проходившими через Среднюю Азию, а затем по северному побережью Каспийского моря, где в низовьях Волги рос водяной орех.

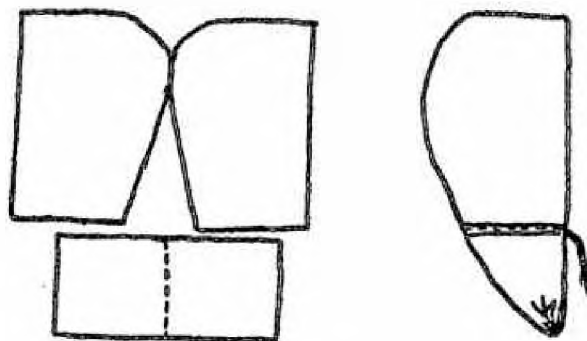

Рис. 19. Схема кроя шапочки с на-
косниками. Могильник Подорван-
ная Балка (находка В.Н.Камин-
ского, И.В.Каминской)

Fig. 19. A drawing of pattern for a
hat with a plait-pouch from
Podorvannaya Balka (excav. by
V.N.Kaminski, I.V.Kaminskaya)

Все предметы, входившие в ожерелье, были закреплены на кожаном шнуре с помощью особой системы узлов, а узел, как известно, препятствовал общению с духами.

Наличие в одной низке, наряду с предметами местного происхождения, византийских бус и косточки персика — плода из далеких восточных земель — позволяет рассматривать ожерелье как звено, связывающее два конца Великого Шелкового пути — Восток и Запад.

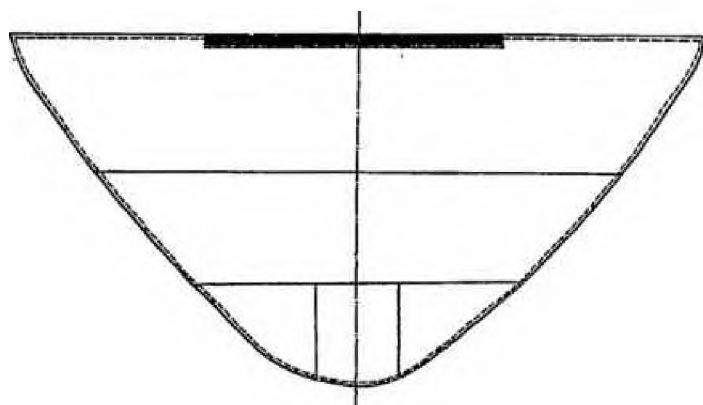

Рис. 20. Выкройка холщового головного покрывала, отделанного шелковой каймой, обрамляющей лицо. Могильник Амгата

Fig. 20. The pattern of a canvas headscarf with silk borders around the face (from the burial mound of Amgata)

В убранство женского костюма входили браслеты, перстни и серьги. Браслеты и перстни выполняли не только декоративную функцию. Крут вообще считался оковами для духов. Отголосок подобных представлений встречается у таджиков, населявших территорию древнего Согда, где руки женщины, на которых не было хотя бы одного кольца, считались ритуально нечистыми. В северокавказских памятниках VII–X вв. в Мощевой Балке, Хасауте, Нижнем Архызе, Усть-Теберде в большом количестве найдены стеклянные перстни из черного стекла. Исследователи связывают их с импортом из Закавказья, как и стеклянные браслеты из черного и коричневого стекла [Львова, 1960, с. 173]. Верхняя дата

бытования стеклянных перстней — IX век, позже этого времени они не встречаются. Однако форма таких колец очень неудобна для постоянного ношения. Толстый стеклянный валик, находящийся между пальцами, мешает работать. Может быть, они использовались только в погребальном инвентаре и были исключительной принадлежностью усопших?

Серьги — излюбленное женское украшение с глубокой древности. Их изготовляли из бронзы, серебра и золота. Наиболее ранними были серьги в форме калачика. В VII–VIII вв. распространены серьги в виде пирамидок, сплошь покрытых зернью, а также с подвесками из полых шариков.

Детский костюм

Детская одежда во многом повторяла набор взрослого ансамбля. Платья девочкам шили по одной выкройке с женскими. Поясная одежда и обувь были аналогичны взрослым образцам. Комплексы плечевой одежды мальчика представлен двумя шелковыми рубашками и двумя холщовыми кафтанчиками. Две шелковые рубашки 32-го размера из могильника Подорванная Балка, выполненные из китайской ткани, были надеты одна на другую. Нижняя рубашка прямого покроя. Плечи — сшивные. Рукав, пришитый к стану по прямой линии, сужается книзу. Правый рукав примерно в средней части имеет шов, обусловленный не конструктивными особенностями, а размером куса ткани. Рубашка запахивается на левую сторону. воротник-стойка и края рукавов обработаны согдийским шелком.

Поверх первой надевалась вторая рубашка, которую условно можно назвать курточкой, так как основная ткань была посажена на холщовую основу. Конструкция этой одежды подобна крою мужского кафтана, она приталенная и дает свободу руке. Оригинально оформление ворота: трапециевидный вырез обработан шелковой согдийской тканью. Так же отделаны и края рукавов. Низ курточки обшит согдийским шелком шириной 0,5 см. Из этого же шелка выполнена застежка. Запах левосторонний, на правую сторону пришиты бронзовые литые пуговицы в форме бубенчиков, на левую — петельки.

Детский кафтанчик из Мощевой Балки шит из домотканой отбеленной холщовой ткани. Рукава выполнены из холста более грубого качества. Крой сложный. Верхняя часть спинки и средние части левой и правой полы выкроены из одного куска ткани, как и у мужского кафтана. Ниже линии талии пришита отрезная часть спинки, которая представляет собой прямоугольник. Чтобы расширить спинку, к нижним боковым частям пришиты раскашивающие клинья. Полочки также подкройные. К основной ткани подкраивались раско-

шенные полы. В бока также вставлены клинья. По линии плеча — сгиб. Рукав с клинышком пришит по прямой к стану. Полы застегивались встык двумя парами галунов из шелка. К правой паре крепились пуговицы, к левой — воздушные петли. Края обеих полочек обработаны шелковой тканью, как и низ рукавов. Сам кафтанчик был подбит мехом, который образовывал опушку по горловине.

Фрагмент детского кафтана обнаружил в Хасаутском могильнике и передал в ГИМ М.М.Ковалевский. От одежды сохранилась передняя часть лифа и юбки; застежка от горловины до талии встык. К правой полочке пришиты воздушные петли, к левой — пуговицы. Кафтан утеплен войлочной прокладкой и посажен на подкладку из редкотканого холста. В качестве отделки использован синий и белый шелк.

С фрагментом кафтанчика М.М.Ковалевский передал остатки холщовой одежды с вышитой каймой. Вышивка в виде растительно-геометрического орнамента выполнена красными нитями, которые располагались по вертикали рисунка последовательно по счету нити утка. В одном месте на изнанке обнаружен узелок, в другом — закрепление оборванной нити. Аналогичный прием декора одежды, с совпадающим орнаментом, выявила А.А.Иерусалимская в могильнике Моцеевая Балка.

Мальчиковые шапочки представляли собой род тибетейки, сшитой из четырех клиньев и имеющей околыш, который иногда выполняли из меха. Найденные в Подорванной Балке экземпляры изготовлены из шелка и имеют холщовую подкладку. Мех околыша подбирали двух цветов — темного и светлого.

В могильниках Балкарии (в горах Терской области) были обнаружены интересные находки, которые еще в начале XX в. приобрел А.С.Собриевич для Музея народов Северного Кавказа¹. Этот материал был опубликован Г.Н.Прозрителевым (см. [Прозрителев, 1913]).

Среди находок отмечены: кожаная обувь, изделия из непряде-ного шелка и ткани, выполненной из смеси льняных и хлопковых нитей, а также рубаха, сшитая из пенькового полотна, которую Г.Н.Прозрителев назвал рубашкой-кофтой; она была снята с мужской мумии.

Рубаха Т-образного покроя с перекидным плечом выполнена из холста грубого качества. В боковые швы вставлены раскашивающие клинья. Рукав прямой, пришит к стану под прямым углом. Горловина вырезана в форме треугольника и обшита холщовой бейкой, скроенной по косой нити. Между бейкой и основной тканью вставлен сутаж, сплетенный из холщовых нитей. К горловине прикреплена веревочка из аналогичных нитей, выполненная путем S-образной крутки. Низ изделия подшит на 0,3 см. Аналогично обработан разрез на груди.

Там, где детали по соединительному краю имели кромку, швы выполнены встык, а там, где край был обрезан, — «бельевым» швом очень грубой работы. На правой полочке прослеживаются три отверстия. Видимо, куртка носилась долгое время. В подмышечной области ткань изрядно истерлась, и с изнаночной стороны в этих местах пришиты латки. Возможно, изделие было подбито мехом: на изнаночной стороне спинки сохранились фрагменты очень тонкой кожи с остатками волосяного покрова.

Вместе с этими вещами находился башмачок, выполненный из цельного куска кожи со швом по заднику и подметке. С внутренней стороны башмачок имеет две выточки — горизонтальную и вертикальную, выполненные для того, чтобы обувь облегалась ногу. Интересна трактовка, данная находкам Г.Н.Прозрителевым в своей публикации. Он связывает их с выходцами с Дальнего Востока и ставит перед читателями своей статьи вопрос: «Когда же они жили здесь?», оставляя его без ответа.

Сегодня на этот вопрос можно ответить определенно. Китайцы посещали Кавказ в раннем средневековье, во время функционирования Великого Шелкового пути, одно из направлений которого проходило через перевалы Северного Кавказа. В могильнике Моцеевая Балка был зафиксирован комплекс вещей, без сомнения связанный с пребыванием в этих местах китайских купцов. В него

Рис. 21. Реконструкция женского головного убора, выполненная на основании стеной росписи Пенджикента, VII в, изображающей богиню Луны. В Средней Азии такой убор женщины надевала впервые после рождения ребенка

Fig. 21. A woman could wrap a large shawl around her head, as a turban (a reconstruction). In the ethnographic context of Central Asia, the first time for a woman to wear such headgear was with the coming of her first-born child

¹ Находки хранятся в фондах СГОКМ.

входили: фрагменты китайских рукописей, буддийских флажка и иконы, написанной на шелке, а также фрагменты розовой бумаги с приходно-расходными записями, сделанными китайскими иероглифами [Иерусалимская, 1992, с. 7]. Но действительно ли находки, описанные Прозрителевым, являются принадлежностью дальневосточной культуры? Обнаруженные вне комплекса, они вряд ли могут быть надежными свидетельствами. Если покрой рубахи условно можно принять за китайский, то предположение, что здесь оказалась китаянка с де-

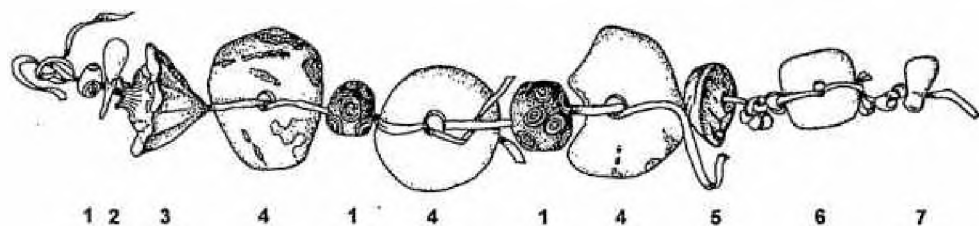

Рис. 22. Прорисовка состава ожерелья: 1 — глазчатые бусины, 2 — зуб оленя, 3 — плод водяного ореха, 4 — раковины моллюска, 5 — косточка персика, 6 — камешек с естественным отверстием, 7 — амулет из рога серны

Fig. 22. Layout of the necklace: 1 — "eye-beads"; 2 — deer's tooth; 3 — water nut; 4 — mollusk shells; 5 — peach stone; 6 — pebble with a natural hole; 7 — amulet of chamois horn

формированными ступнями ног, да еще и в башмаках, служащих этой цели, как пишет Г.Н.Прозрителев, все же напоминает сказку. Более того, выкройка башмачка скорее похожа на кавказскую обувь того времени, чем на китайские женские туфельки.

Последнее свидетельство, на которое опирается Г.Н.Прозрителев в своей гипотезе, — череп «с покрывающей его мягкой кожей и рыжими металлического блеска остриженными волосами, отчасти сохранившимися. Косой разрез глаз прямо говорит, что субъект был иной расы, Дальнего Востока». При научном исследовании оказалось, что череп принадлежал ребенку семи-восьми лет. Приведем заключение заведующей лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН Г.В.Лебединской: «О возрасте ребенка свидетельствует полное прорезывание второго постоянно большого коренного зуба на верхней челюсти. Определить пол ребенка в таком возрасте на основании только костных останков практически не представляется возможным, но хорошо выраженный рельеф черепа позволяет предположить, что это был мальчик. Не сохранились обе височные кости и нижняя челюсть. Отсутствуют также верхние медиальные и латеральные резцы и клыки. Лицевая часть черепа и частично его свод покрыты мумифицированными мягкими тканями. В результате их посмертной деформации создается впечатление уплощенного лица, характерного для представителей монголоидной расы. Это впечатление усиливается и тем, что правая глазная щель имеет приподнятый наружный угол („раскосые глаза“). Однако лучше сохранившиеся мягкие ткани левого глаза указывают на то, что глазная щель имела горизонтальное расположение, что более типично для европеоидных популяций. Кроме того, слегка приподняв мягкие ткани лица, удалось осмотреть строение самого черепа и выявить ряд морфологических признаков, характерных для европеоидной расы: глубокие клыковые ямки, широкие носовые кости, имеющие для данного возраста достаточно большой угол выступания, сильно развитая передняя носовая ость. Довершают картину и остатки светлых, мягких волос.

Реконструкция лица производилась на основе обвода черепа, выполненного на специальном приборе — диоптографе. В данном случае этот процесс был несколько затруднен тем, что в ходе работы приходилось слегка приподнимать остатки мумифицированных мягких тканей, мешавших видеть череп. Реконструкция недостающей нижней челюсти выполнена в соответствии с размерами альвеолярной части верхней челюсти» (СГОКМ, ф. 70, ед. хр. 85).

Таким образом, предположение Г.Н.Прозрителева о принадлежности башмачка не подтвердилось. Но его гипотеза о пребывании китайцев на Северном Кавказе была верной, и он высказал ее раньше, чем были опубликованы подтверждающие ее доказательства.

А мы из сегодняшнего дня можем посмотреть в лицо мальчику, видевшему торговые караваны, которые шли через перевалы средневекового Кавказа.

1.2. Внешность населения Северного Кавказа в раннем средневековье

Кавказские женщины тщательно следили за своей внешностью. Находки туалетных принадлежностей в погребальных комплексах носят массовый

характер. Археологически засвидетельствовано, что аланки использовали румяна из охры. Сохранившиеся в нахосниках волосы имеют оттенок, характерный для волос, окрашенных кной. В одном из погребений Змейского катакомбного могильника найдены останки мужчины с сохранившейся ярко-рыжей бородой. Возможно, мужчины тоже использовали хну при уходе за своей внешностью.

Что же отражали бронзовые зеркала, принадлежавшие прекрасным аланкам?

Севаста Константина IX Мономаха, которая вначале была заложницей, происходила из царского аланского рода, отличалась «белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами» [Михаил Пселл, 1978, с. 116]. Нежность женской кожи и шеи подчеркнута и в нартекском эпосе: «Как раз в это время жена нарта Сослана пила воду, и вода в ее горле была виднее, чем даже сквозь стенки стакана» [Нарты, 1989, с. 370].

О неподражаемой красоте Марии, сестры аланского царя Дургулея Борены, которая вначале была женой византийского императора Михаила VII Дуки, а впоследствии Никифора III Вотаниата, с восхищением пишут многие византийские авторы, которые говорят, что без украшений она была прекрасней, чем когда по необходимости их надевала [Михаил Пселл, 1978, с. 192].

Анна Комнина, которая до восьми лет воспитывалась при дворе Марии Аланской, очень образно и поэтично описывает ее внешность: «А была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению. Ни Апеллес, ни Фидий, ни какой-либо другой скульптор никогда не создавали подобных статуй. Как говорят, голова Горгоны превращала всех смотрящих на нее в камни, всякий же, кто случайно видел или неожиданно встречал императрицу, открывал в изумлении рот, а безмолвие оставалось стоять на месте, терял способность мыслить и чувствовать. Такой соразмерности членов и частей тела, такого соответствия целого частям, а частей целому никто никогда не видел в человеке. Это была одухотворенная статуя, милая взору людей, любящих прекрасное, или же сама Любовь, облаченная плотью и сошедшая в этот земной мир» [Анна Комнина, 1996, с. 119].

Даже мумифицированные останки в аланских скальных погребениях позволяют судить о красоте этих людей. «На руке и ноге кожа белого цвета, местами мягкая... Красивая изящная нога небольшого размера указывает, что принадлежала она женщине из какого-нибудь высшего сословия. Длинный ноготь на мизинце правой руки также свидетельствует, что рука эта служила когда-то не простому рабочему человеку... Правильно развитый череп и кости лица свидетельствуют, что покойник был кавказской расы, а хорошо сохранившийся нос с горбинкой и большие глаза дают выразительные и мягкие черты лица очень красивого человека» — так описал Г.Н.Прозрителев аланскую мумию, поступившую в Музей народов Северного Кавказа [Прозрителев, 1913, с. 1].

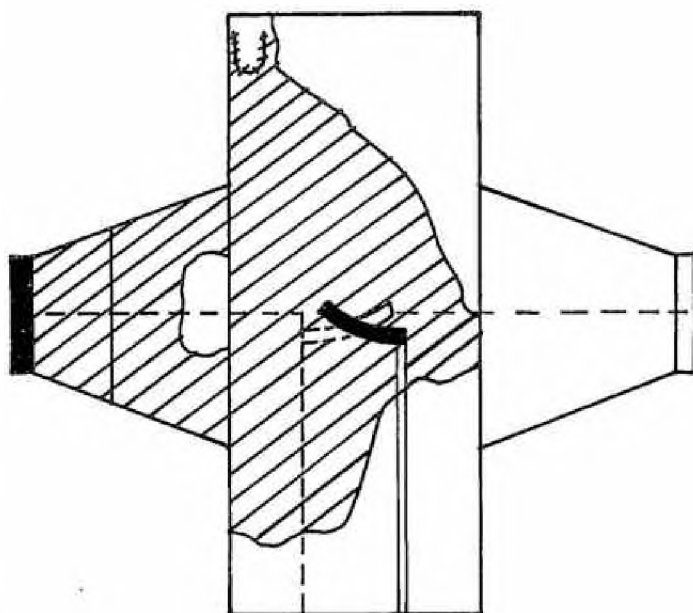
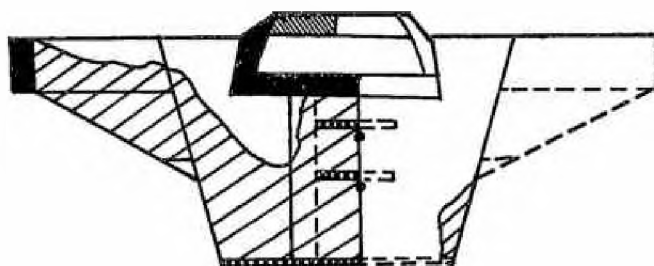

Рис. 23. Детские шелковые рубашечки. Крой этой одежды подобен крою мужского кафтана: приталенный и дающий свободу руке. Основная ткань — китайская камка, отделка — согдийский шелк. Могильник Мощевая Балка (находка В.Н.Каминского, И.В.Каминской)

Fig. 23. Children's silk shirts. The clothes are constructed similar to the pattern of man's kaftan: tight-waisted and with loose sleeves. The principal fabric used is Chinese damask trimmed with Sogdiana silk. From burial mound of Moschevaya Balka (excav. by V.N.Kaminski, I.V.Kaminskaya)

Римский историк Аммиан Марцеллин описывает алан IV в. как высоких ростом, красивых, с русыми волосами, грозным и свирепым взором (см. [Кулаковский, 1899, с. 20]).

«Среди племен этих мест нет народа более изысканной наружности, с более чистыми лицами, нет более красивых мужчин и более прекрасных женщин, более стройных, более тонких в поясе, с более ясной линией бедер и ягодиц, и вообще нет народа лучшей внешности, чем этот. Наедине их женщины, как

описывают, отличаются сладостностью», — отмечал в X в. арабский историк и путешественник Масуди (цит. по [Минорский, 1963, с. 206]).

Попробуем приоткрыть секреты красоты средневековых жительниц Северного Кавказа. При уходе за своей внешностью они, очевидно, использовали различные растения. Большинство из них и сегодня произрастает на территории Северного Кавказа. Ярко-рыжие волосы, о которых пишут многие авторы, конечно, могли быть окрашены хной, которую привозили из Ирана. Но население Северного Кавказа, очевидно, пользовалось не только импортным красителем. Для этой цели можно было применять ряд местных растений. В каштановый цвет

волосы окрашивали с помощью древесных опилок и листьев самшита. Если приготовить краску из цветов недотроги, то цвет волос получится красным.

Очевидно, что аланки, славившиеся своей свежей и нежной кожей, умывались отварами особых трав. Верхушки стеблей манжетки придают увядающей коже блеск и свежесть. Лицо будет свежим и румяным, если использовать молодило. Защищает от загара, сохраняя кожу чистой и белой, водный настой корневищ купены. Большое количество растений могло быть использовано в качестве румян. Это вербейник, синяк или румянка, красный сок мари, корни молодых растений воробейника, собранного ранней весной, и др. Интересно растение бедренец, сок которого вызывает покраснение щек (см. [Гроссгейм, 1946, с. 368]).

1.3. Костюмы персонажей рельефов Кяфарской гробницы

Интересно проанализировать, как сами современники изображали свой костюм, какие детали одежды выбирали художники как знаковые. В качестве источника здесь рассматривается Кяфарская гробница аланского правителя XI в.

Гробница и рельефные изображения на ее стенах привлекали внимание многих исследователей. Е.П.Алексеева, В.И.Марковин, Т.Д.Минаева, А.М.Тальгрэн, Е.Д.Фелицын решали проблемы датировки и назначения памятника. В.А.Кузнецов и Н.А.Охонько изложили свои гипотезы расшифровки сюжетов. Было бы интересно обратиться к анализу костюмов персонажей рельефных сцен. По костюму можно определить социальный статус изображенных, выполняемую ими роль и функции.

Следует сразу оговориться, что рельефные изображения из-за материала и техники исполнения не дают полного представления об одежде, а показывают

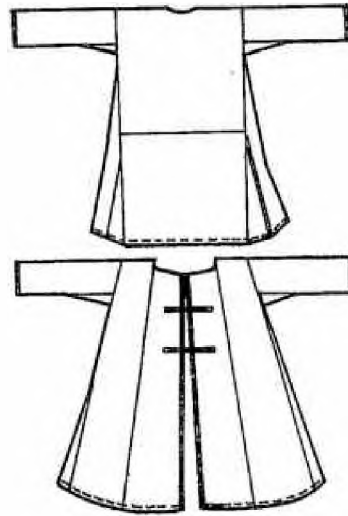
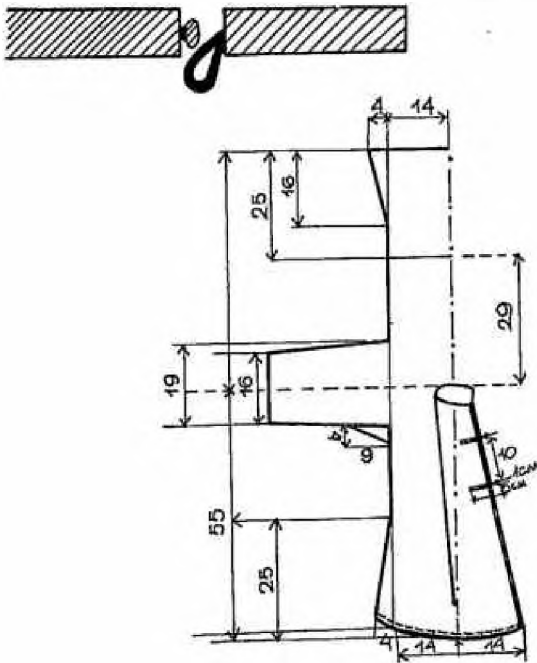

Рис. 24. Детский кафтанчик выполнен из отбеленного холста, рукава — из более грубого холста, подбит мехом, который образовал опушку вокруг горловины. Могилиник Мочеваля Балка (находка В.Н.Каминского, И.В.Каминской)

Fig. 24. A child's little kaftan is made of bleached canvas, while the sleeves are of coarser canvas; it is lined with fur that forms a circle around the neck. From the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by V.N.Kaminski, I.V.Kaminskaya)

только силуэт костюма. Сохранившаяся плечевая и поясная одежда, головные уборы и обувь того времени позволяют восстановить костюм средневекового населения Западной Алании и сопоставить его с изображениями костюмов на сценах гробницы. Особый интерес для сопоставления представляют данные о костюме, содержащиеся в нартском эпосе, ведь описание одежды, головных уборов и обуви в сказаниях оставлены теми народами, которые сами их изготовляли, носили и интерпретировали. Важным источником при сравнениях являются и фрески христианских храмов Западной Алании. Несмотря на то что одежда, обувь и головные уборы на рельефных сценах нанесены весьма условно, находки археологических комплексов костюмов в могильниках, синхронных Кыфарской гробнице, данные эпоса, фресковая роспись в аланских храмах (Зеленчукский, Сентинский) позволяют с достаточной полнотой реконструировать одежду персонажей рельефов, где запечатлены наиболее характерные формы костюма населения верховьев Большого Зеленчука, бытовавшие в VII–X вв.

Первым автором, попытавшимся проанализировать одежды на каменных рельефах гробницы, была Т.Д.Равдоникас [Равдоникас, 1990, с. 90–92, 100]. В качестве мужских одежд она выделила «короткие облегчающие кафтаны с длинными рукавами», «не опоясанные рубахи», шапочки-шлемы, штаны и сапоги. Женский костюм, по мнению Равдоникас, представлен платьем с длинными рукавами, головным убором «в форме мелкой шапочки» или платком. Одежда, закрывающая всю фигуру, и овально-конические головные уборы осмысляются автором как принадлежность жреческого облачения. В центральной сцене Равдоникас выделяет две мужские фигуры, а крайнюю справа считает одетой в женское платье. Персонажи в широкополых одеждах на среднем ярусе гробницы, по мнению исследовательницы, одеты в «не опоясанные рубахи». Совершенно справедливо отмечая разницу в покрое мужского и женского платья, Равдоникас, рассматривавшая костюмы персонажей вне контекста сюжетов рельефных сцен, на наш взгляд, заблуждалась в атрибуции некоторых видов костюмных комплексов, что привело ее к ошибочному выводу о существовании различных традиций в плечевой одежде у населения верховьев Большого Зеленчука и Прикубанья в средние века. Эти заблуждения вытекали из объективных причин. На момент написания Т.Д.Равдоникас «Очерков по истории одежды...» археологические костюмные комплексы, непосредственно характеризующие одежду, обувь и головные уборы населения, с культурными традициями которого связана гробница, еще не были введены в научный оборот.

Исследователи считают, что рельефы на стены гробницы нанесены аланами в период XI–XII вв. Более точную датировку памятника попытался дать В.А.Кузнецов, который, связывая Кыфарскую гробницу с именем аланского правителя Дургуделя Великого [Кузнецов, 1988, с. 86], отмечает, что все три фигуры на центральной плите олицетворяют главные достоинства захороненного в гробнице: щедрость и гостеприимство, храбрость и боевые подвиги, христианское благочестие [Кузнецов, 1984а, с. 98]. Каждое из перечисленных качеств художник передал с помощью соответствующих атрибутов, изобразив стакан и кувшин с вином, секиру, чашу для причастия и двуперстное знамение. Следуя гипотезе В.А.Кузнецова, необходимо вместе с тем признать, что в лице главного героя могут быть воспроизведены не индивидуальные черты погребенного, а образ идеального правителя и героя. Персонажи, представленные на плите, отличаются друг от друга ростом и одеждой. Разный масштаб фигур правителя и его окружения соответствует средневековым изобразительным канонам и подчеркивает социальный статус каждого. Перед нами три персонажа: виночерпий, правитель раннефеодального государства и священнослужитель. Таким образом, центральная сцена может олицетворять «те нормы и идеалы, которые пронизывали всю жизнь европейской феодальной аристократии» [Кузнецов, 1988, с. 85].

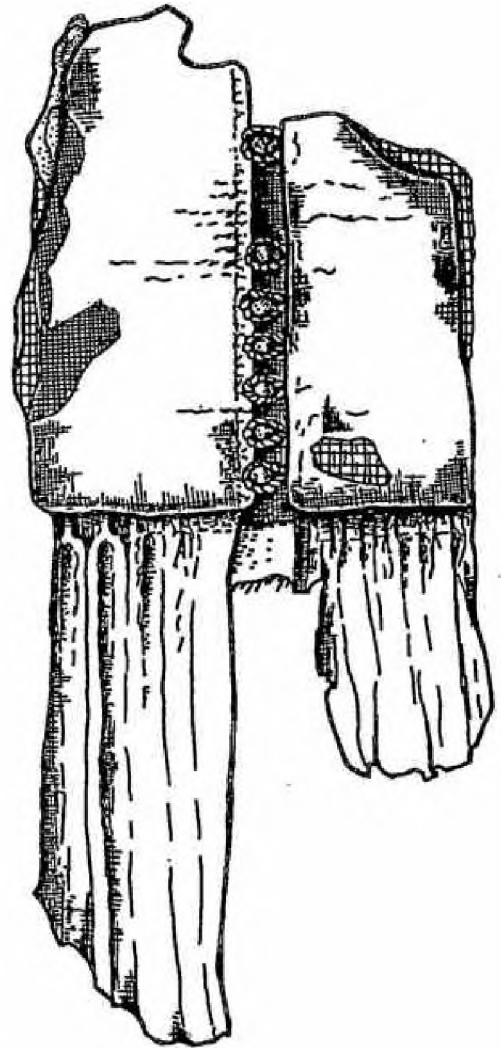

Рис. 25. Фрагмент детского кафтанчика: передняя часть лифа и юбки. Застежка встык. Кафтанчик утеплен войлочной прокладкой и посажен на подкладку из редкотканого холста. Могильник Хасаут (находка М.М.Ковалевского)

Fig. 25. Part of a child's little kaftan: the front bodice and skirt, with a straight fastener. The kaftan was lined with thick felt on thin canvas cloth. From the burial mound of Hasaut (excav. by M.M.Kovalevski)

Исходя из предположения, что правая фигура в центральной сцене на восточной стене изображает священнослужителя, обратимся к реконструкции его костюма. При отсутствии археологических находок облачений священников необходимо сопоставить этот персонаж с изображениями священнослужителей на храмовых фресках и мозаиках Византии и византийского круга X–XI вв.

Если согласиться с точкой зрения, что на рельефе изображен аланский правитель, то он должен был принимать благословение только от высшего духовного лица государства. Ко времени создания рельефов (XI в.) Алания была уже митрополией [Кузнецов, 1984а, с. 207], и в сцене причащения допустимо видеть аланского митрополита, благословляющего аланского правителя.

Согласно церковным канонам, архиереи облачались в фелонь, епитрахиль и омофор. Первоначально в Древнем Риме фелонь — широкий плащ без рукавов, покрывающий все тело, — была одеждой путников. Такую же роль она выполняла в облачении раннехристианских священнослужителей, странствовавших от общины к общине

[Мень, 1991, с. 20]. Фелонь оставалась в облачении архиереев до XV в., когда была заменена саккосом. На изображениях Отцов церкви в искусстве VI–XII вв. видно, что спереди это широкое, покрывающее все тело облачение доходило только до груди, что позволяло свободно двигать руками. На рельефе Кяфарской гробницы отчетливо проступающая чуть ниже области груди изображенного полоса может условно передавать приподнятую переднюю часть ризы. В мозаиках XII–XIII вв. «Отцы церкви» в Палатинской капелле в Палермо, «Исцеление скорченной» в соборе Успения Богоматери в Монреале, «Иоанн Златоуст» в соборе Святой Софии в Константинополе и ряде других эта деталь показана более реалистично.

Особую роль в облачении архиереев исполнял омофор — длинная широкая полоса, спускающаяся одним концом спереди, а другим сзади. Это был знак епископского сана. Рельефная линия в области правого плеча и шеи может быть стороной угла, образованного полосой омофора. На подоле одеяния рассматриваемой фигуры виден знак «вавилон». Возможно, это украшение епитрахили — спускающейся спереди донизу полосы ткани, которая надевалась на шею во время богослужения и была видна из-под фелони. Без епитрахили священник не мог совершить ни одного таинства.

На голове правого персонажа видна небольшая округлая шапочка, которую можно отождествить со скуфьей — головным убором священнослужителей, в котором священнодействие совершалось на открытом воздухе.

В связи с условным характером исполнения рельефов необходимо осторожно подходить к их расшифровке, но наше предположение подтверждается изображениями священнослужителей не только на памятниках византийского искусства, но и в росписях западноаланских христианских храмов. В фелонь и омофор облачены священнослужители на фресках северной стороны алтаря в Сентинском храме и в центральной апсиде среднего Зеленчукского храма, где на изображенном священнике отчетливо видна епитрахиль. Безусловно, аланские храмовые росписи подчинялись византийским канонам, поскольку в строительстве государственной и духовной жизни Алания ориентировалась на Константинополь. Облачение аланского архиерея должно было быть выдержано в тех же традициях, поэтому есть все основания предположить, что рассматриваемая фигура — митрополит, облаченный в фелонь, епитрахиль и омофор. В христианской символике каждая из одежд в составе облачения была наделена особым смыслом, который явно не учитывался художником, передавшим лишь общий силуэт широкополого платья и заменившим христианский крест «вавилоном». Этот популярный у алан символ часто соседствовал на Кяфарском городище с крестами.

Достаточно схематично автор рельефа изобразил и совершаемые митрополитом таинства. Подносимая к губам государя чаша, которую архиерей держит в правой руке, символизирует причастие. Изображен архаичный вариант

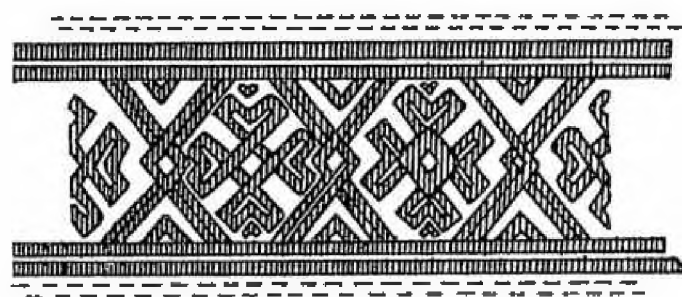

Рис. 26. Фрагмент каймы халицовой одежды. На кайме красными нитями вышит растительно-геометрический орнамент. Могильник Хасаут (находка М.М.Ковалевского)

Fig. 26. Part of the ornament of an embroidered edge on canvas clothes. The embroidery represents foliage in red threads. From the burial mound of Hasaut (excav. by M.M.Kovalevski)

обряда, когда причащающийся сначала принимал от архиерея на сложенные крестообразно руки Тело Христово, а затем вкушал из общей чаши Кровь Христову, что и видно на рельефе. В более поздние времена обряд причастия совершали посредством ложки, в которой находились оба священных символа.

Мастер высек на камне именованное благословение, при котором пальцы сложены так, что образуют начальные буквы имени Иисуса Христа. По церковным канонам благословение совершалось правой рукой, что запечатлено в памятниках искусства Византии VI–XII вв. Однако на рельефе из Кяфарской гробницы архиерей благословляет главного героя левой рукой. Видимо, облачение служителя культа и атрибуты христианского таинства были для автора рельефов лишь внешним знаком, лишенным глубокого христианского содержания, в отличие от привычных ему символов дохристианских верований или повседневного светского костюма. Изображение архиерея, благословляющего правителя, на фоне остальных сцен гробницы, выдержанных в духе язычества, свидетельствует о том, что социальная верхушка Алании была тесно связана с христианской церковью, тогда как в идеологических представлениях местного населения христианство еще не занимало доминирующего положения. Фигура священнослужителя изображена второстепенной по отношению к главному герою, как и другие персонажи рельефных сцен.

Археологические находки, сделанные недалеко от местности, где расположена Кяфарская гробница (Подорванная Балка, Мощевая Балка), позволяют судить о костюме правителя и сопровождающих его лиц. Переданный художником силуэт мужского платья типичен для базового аланского костюма. На рельефах кафтаны показаны прилегающими в области торса и расклешенными в подоле. Это соответствует и археологическим данным, которые свидетельствуют о том, что шелковые и холщовые кафтаны шили по одной схеме. Покрой не являлся признаком общественного положения владельца, поэтому на рельефах и сам государь, и виночерпий, стоящий ниже на социальной лестнице, изображены в кафтанах одинакового силуэта. Короткие штаны, как правило, были скрыты полами кафтана. Высокие сапоги, сшитые по сложной схеме из кожи хорошего качества, обнаруженные в Хасаутском могильнике, совпадают с теми, что входят в костюм правителя.

При общем сходстве силуэтов одежды и обуви на рельефах видна разница в головных уборах персонажей. Так, у государя он имеет отчетливое навершие, что дает основание видеть в нем конусообразный головной убор, подобный находке в Мощевой Балке. А.А.Иерусалимская считает, что такие образцы были принадлежностью костюма воина, вождя. Обнаруженный в Мощевой Балке, изготовленный из шелковой ткани на кожаной основе головной убор, увенчанный деревянной палочкой, обтянутой позолоченной кожей, представлял, очевидно, значительную ценность. В могильниках Нижнего Архыза найдены спитый по той же схеме холщовый головной убор и похожая племобразная шапочка, являющаяся атрибутом женского костюма. Показателем, выделявшим вождя из рядовых общинников, видимо, был не покрой головного убора, а качество его материала и наличие навершия. В одном из эпизодов нартского эпоса доблесть Сосрука воспевается через описание его доспехов, в том числе и головного убора, который можно отождествить с находкой из могильника Мощевая Балка [Нарты, 1974, с. 210]. На виночерпии, изображенном на рельефе, вероятно, надет шлемовидный головной убор с округлым верхом, скроенный по тому же принципу, что и у правителя, но мягко облегающий голову. Подобные головные уборы из Мощевой Балки имели опушку из разноцветного меха.

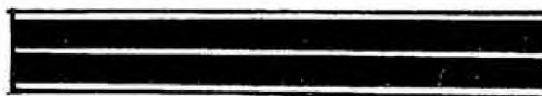
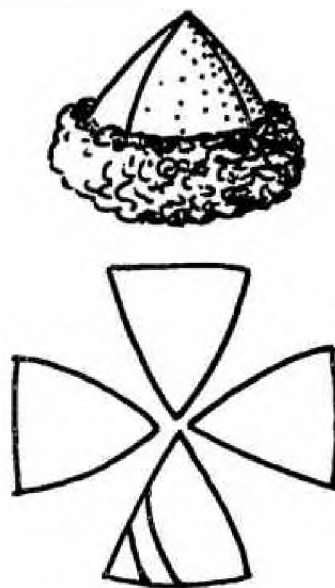

Рис. 27. Внешний вид и конструкция мальчишковой шапочки с меховым окалышем из меха двух цветов. Могильник Подорванная Балка (находка В.Н.Каминского, И.В.Каминской)

Fig. 27. Construction of a boy's hat with two-colored fur trimming. From Podorvanmaya Balka (excav. by V.N.Kaminski, I.V.Kaminskaya)

Шлемообразные головные уборы с навершием у средневекового населения Западной Алании справедливо было бы связать непосредственно со шлемом как атрибутом оборонительного доспеха. Шлем также являлся знаком социального статуса воина — шлемоносец символизировал силу военной организации, к которой принадлежал [Горелик, 1993, с. 154].

Можно считать, что в средневековой Алании позолоченное навершие головного убора выделяло вождя среди его дружинников. Не случайно в схема-

тичном изображении на рельефе выделено именно навершие. В совокупности с секирой — символом царской власти — это подчеркивает высокий социальный статус главного персонажа.

В среднем ярусе северной стены гробницы изображен правитель, собирающийся отправиться в загробный мир: он облачен в широкополую одежду и большую конусообразную шапку. В данном случае широкополые одежды можно отождествить с буркой или большой шубой, силуэты которых практически одинаковы. Персонажи, одетые в бурки и большие шапки, в контексте рельефных сцен должны собираться в дорогу или находиться в пути. Бурка и большая шапка были неизменными атрибутами костюма путника на Кавказе. В эпосе бурка и «большая шуба» упоминаются наиболее часто, и это неудивительно: нарты почти всю жизнь проводят в странствиях, в которых эти виды одежды заменяли всаднику кров и постель: «А он спит, накрытый черной буркой, седло под головой, и конь вокруг него зеленую траву щиплет» [Нарты, 1989, с. 62]. Большие шубы в нартском эпосе также упоминаются в контексте путешествий: «Не вам следует лисья шкура, а мне, —

говорил Сосырыко. — Я человек странствующий, и мне следует из нее сделать себе шубу» [там же, с. 448]. Шубу иногда носили внакидку: «Шуба старого Насрена — из шкуры волка. / Шуба на нем — внакидку» [Нарты, 1974, с. 282]. Поэтому на рельефе «большая шуба» и бурка должны быть изображены практически одинаково. В.Ф.Миллер, исследователь Эльхотовского креста, на котором изображены сцены, подобные тем, что украшают аланский мавзолей, отметил, что главного героя, отправлявшегося в мир иной, встречают «личности в больших шубах и сафьяновых шляпах» [Миллер, 1893, с. 131]. Походный характер одежды на парных фигурах, изображенных на Эльхотовском кресте, не вызывает сомнений, как и облачение священнослужителя, отмеченного изображением крестов.

Вопрос об атрибуции широкополых одежд как бурок или шуб не является принципиальным. Важно, что эти одежды на рельефах гробницы соответствуют костюму путника. Идея о том, что это изображения священников в высоких монашеских головных уборах и архиерейском облачении, высказанная В.Ф.Миллером и поддержанная Н.А.Охонько, представляется нам малоубедительной [Охонько, 1994, с. 24]. В ризу священнослужителя облачались только для богослужения. Весьма сомнительно, чтобы представители христианского культа присутствовали в сценах, связанных с языческими обрядами. Вряд ли можно видеть в этих костюмах одежды, необходимые для отправления культовых действий. При всей условности и стилизации изображений мастер нарочито подчеркнул в этих просторных одеждах широкие прямые плечи, что никак не соответствует силуэту фигуры священнослужителя, даже одетого в фелюнь. Также трудно отождествить и высокие островерхие шапки с каким бы то ни было известным головным убором христианских священников. Скорее в них

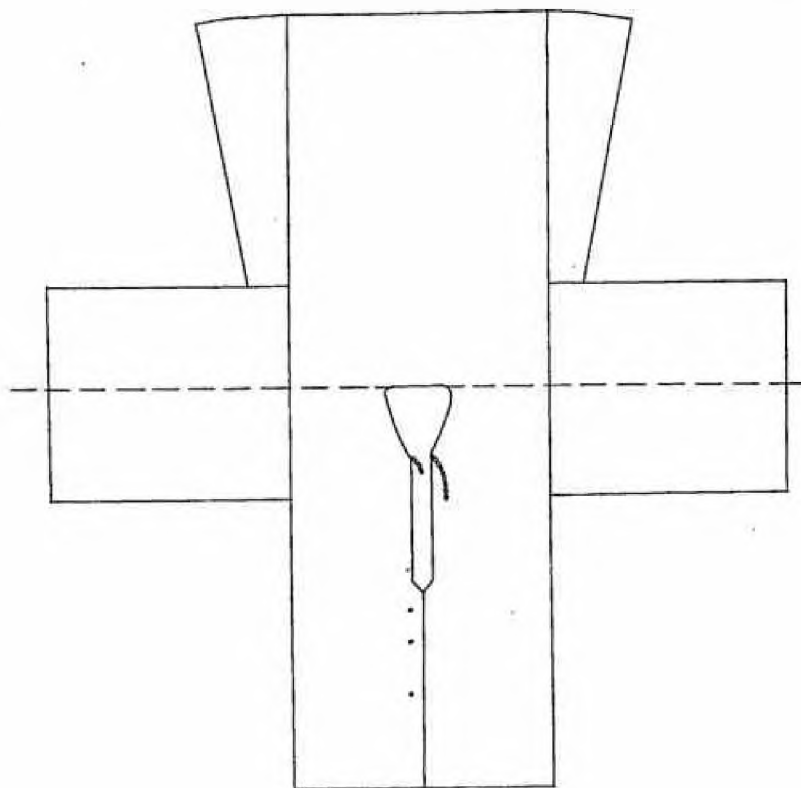

Рис. 28. Конструкция рубашки из грубого холста, снята с мужской мумии. Могильник в Балкарии (находка Г.Н.Прозрителева)

Fig. 28. Construction of a rough canvas shirt found on a male mummy. From a burial mound in Balkaria (accou. by G.N.Prozritelev)

можно видеть именно меховые шапки-папахи. Фигуры в широких одеждах участвуют в сценах пути в загробный мир, когда герои находятся между миром живых и миром мертвых. Таким образом, персонажи, сопровождающие главного героя в переходе от земного бытия к небесному, находятся в дороге, а следовательно, нуждаются в походной одежде. Возможно, они выполняют сакральные функции, но их одеяние не связано с культовым христианским облачением.

Упоминание в эпосе костюма христианского священнослужителя связано со следующим эпизодом:

«— Так если ты Сослан нартовский, а это твоя жена, то отчего вы носите такие черные платья, как сауджыны? — спросил Крым-Султан.

— А вот отчего, — сказал Сослан, — я тебе расскажу, отчего мы носим такие черные платья, не потому, что мы были сауджыны, а потому, что мы носим сау по сыну нартовского снежнобородого Урызмага — Крым-Султану, который сделался абреком и скрылся неизвестно куда» [Нарты, 1989, с. 384]. «Сау» по-осетински — «черная», «траур», отсюда и «сауджын» — «носящий черное платье»; так осетины называют христианских священников. В данном эпизоде речь идет не о богослужебной одежде. Сведений о костюме служителей языческого культа в кавказских письменных, изобразительных и археологических источниках не содержится.

Одежда крайней справа фигуры в среднем фризе южной стены гробницы имеет принципиально иные очертания, чем у рассмотренных выше персонажей. Это длинное платье Т-образного покроя, оно цельнокроеное, т.е. не отрезное по линии талии и без пояса. Очертания головы фигуры свидетельствуют о том, что на ней надет сложный головной убор. В целом силуэт соответствует женскому костюму, археологически засвидетельствованному в скальных северокавказских могильниках VII–X вв. — Мощевой Балке, Нижнем Архызе, Амгате.

Особой сложностью отличались женские головные уборы, которые были в тот период половозрастным и социальным показателем статуса женщины в обществе. В могильнике Амгата археологи обнаружили холщовый платок, отделанный шелковой каймой, обрамляющей лицо. Такой платок женщины могли носить обернутым вокруг головы наподобие тюрбана. В такой манере ношения платка можно заметить восточное влияние. Чалмообразные головные уборы среднеазиатских женщин, выявленные по материалам средневековой коропластики, исследователи связывают с головным убором женщины-матери (см. [Мешкерис, 1979]). В настенных росписях Пенджикента хорошо видна подобная манера оборачивания платка вокруг головы в символическом изображении Луны, где ясно виден пышный, похожий на чалму убор (см. [Беленицкий, 1973, с. 54, рис. 1]).

То, что этот персонаж рельефа — женщина, выявлено на основе анализа костюма. Это вполне соответствует трактовке сцены как героического сватовства главного героя, добывающего себе жену в борьбе с чудовищем. Чалмообразный головной убор соответствует статусу замужней женщины. Но известно, что нартовские герои женились на женщинах, уже побывавших замужем, о чем свидетельствует сказание о Сосруко, взявшем в жены Адиюх, вдову Псадыба [Нарты, 1957, с. 122–131].

Прямой свободный силуэт платья бытовал в женском аланском костюме до второй половины XI в. Археологические данные из могильников Змейского и Рим-Гора свидетельствуют, что с этого времени покрой женского платья

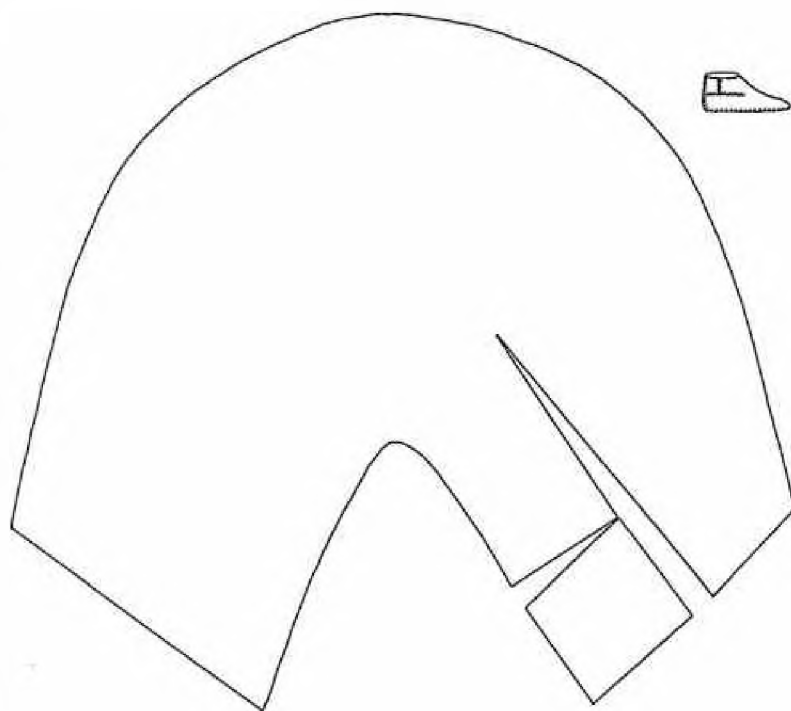

Рис. 29. Схема кожаного башмачка, обнаруженного Г.Н.Прозрителевым в могильнике Балкарии. См. также ил. 12

Fig. 29. A leather shoe from a mound in Balkaria (found by G.N. Prozritelev). See Pl. 12

меняется, становится приталенным, приобретая силуэт, максимально схожий с мужским. Развитие этой тенденции продолжилось в этнографическом костюме. На сегодняшний день нет археологических данных о том, какой была одежда населения верховьев Большого Зеленчука в XI–XII вв. Но изображение Т-образного женского платья в гробнице, сооруженной в 70–80-х годах XI в., свидетельствует о том, что традиционные формы отмирали постепенно, в течение длительного времени и новый силуэт бытовал параллельно с прежним свободным покроем.

Рис. 30. Внешний облик мальчика, захороненного в могильнике Балкарлии (находка Г.Н.Прозрителева). Реконструкция заведующей лабораторией антропологической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН Г.В.Лебединской

Fig. 30. The appearance of a 7 or 8 year-old boy buried in a mound in Balkaria (found by G.N.Prozritelev). Reconstruction by G.V.Lebedinskaya, Laboratory for Anthropological Reconstruction, Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

Итак, среди изображенных на стенах гробницы костюмов выделяются, во-первых, мужские и женские одежды, во-вторых, облачение служителя христианского культа и две разновидности светского костюма. Походные одежды персонажей, женское платье и головной убор на одной из фигур в сцене героического сватовства, островерхие и округлые головные уборы, приталенные распашные кафтаны и мягкая кожаная обувь находят аналогии среди археологических находок и в нартских сказаниях. Расшифровка костюмов персонажей уточняет их роль в сюжетах каменных рельефов и подтверждает семантику изображенных сцен.

1.4. Кавказский текстиль VII — первой половины IX века¹

Технологический аспект изучения текстильного материала в некоторых случаях позволяет получить историческую информацию о культурах народов, которые не оставили письменных свидетельств. Обнаруженные в скальных могильниках Кавказа сохранившиеся экземпляры одежды, головных уборов и аксессуаров говорят о том, что основной тканью для изготовления базового средневекового костюма народов Предкавказья служили холсты полотняного переплетения.

Вопрос о характере и происхождении текстильных волокон имеет важное значение для истории хозяйственно-культурного развития северокавказских народов в раннем средневековье. Волокна, пригодные для изготовления тканей, дают многие растения. И прежде чем человечество создало современный комплекс основных прядильных культур, оно «с успехом использовало для этих целей различные виды самых разных семейств» [Купцов, 1975, с. 253].

Флора Кавказа состоит из 6000 видов, среди которых 33 вида — волокнистые растения. Общеупотребительные волокнистые растения — хлопок, рами и джут — на Кавказе не произрастают. В то же время из широко освоенных человечеством прядильных растений Кавказ богат коноплей, крапивой, кендырем и канатником. Помимо этого среди кавказской флоры отмечаются еще несколько видов растений, пригодных для изготовления волокна: хмель, хатьма, обвойник и донник белый. В наши дни в кавказской флоре представлен вид льна многолетнего, совершенно непригодный для прядения².

¹ Шелковый импорт подробно исследован в работах А.А.Иерусалимской. Мы предлагаем читателю в данной книге анализ холщовых тканей местного производства. Исследование текстильных волокон было проведено в Ставропольской лаборатории судебных экспертиз ведущим экспертом Н.М.Доскиной, старшим экспертом И.А.Сергеевой и зав. отделом криминалистических исследований материалов, веществ и изделий В.Н.Карпенко.

² По сравнению с другими прядильными растениями волокна его очень коротки — 6,4–9,9 мм, в то время как прядильные сорта льна имеют среднюю длину элементарных волокон 4–60 мм, рами — 5–350, джут — 8–42, конопля — 8–40, крапива — 20–87, кендырь — 25–90, донник белый — 5–18 мм.

Волокнистые растения равномерно произрастают на всей территории Предкавказья. Для выявления характера волокон, которые использовались средневековым населением Предкавказья в качестве прядильных, было отобрано 214 образцов тканей полотняного переплетения из могильников VI–IX вв. Балкарии, Нижнего Архыза, Мощевой Балки, Эшаккона и Уллу-Кола.

Визуальный осмотр холщовых тканей не позволяет определить характер волокон. О схожести конопляных и льняных тканей писал еще древнегреческий писатель Геродот: «В Скифской земле произрастает конопля — растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготовляют из конопляной даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит — льняные они или из конопляной. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную» [Геродот IV, 74].

Однако биологические особенности развития конопляной и льняной позволяют определить различия в их морфологическом строении. Лубяные волокна конопляной образуются из перидермы, который представляет собой образовательную ткань и способен к увеличению числа слоев составляющих его клеток [Александров, 1966, с. 200]. Поэтому в отличие от стеблей льна в стебле конопляной волокнистые пучки делятся на первичные и вторичные. Пучки вторичного происхождения состоят из более мелких и очень коротких элементарных волокон. Для прядения пригодны первичные волокна, дающие самое ценное длинное волокно (от 8 до 55 мм). Вторичные волокна (до 4 мм) даже при современных способах обработки конопляной целиком уходят в паклю.

Лубяные пучки льна образуются из прокамбия (протофлоэмы), а не из перидермы. Клетки прокамбия представляют собой проводящую ткань. Перидерма же как образующая ткань отличается от проводящей «как по своему топографическому положению, так и онтогенетически» [Эссу, 1969, с. 540].

У льна наиболее ценное, тонкое, прочное и длинное волокно находится в средней части стебля. Волокна, вырабатываемые из нижней прикорневой части, называются гипоктиловыми. Они отличаются от срединных волокон по морфологическим признакам.

Таким образом, различия в образовании и строении лубяных волокон льна и конопляной позволяют выявить видовую принадлежность сырья, использовавшегося в полотняных тканях. Исследование проводилось на основе методики определения растительных волокон, разработанной во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертиз. Определение видов волокон, образующих ткани, проводилось с помощью микроскопа Amprival в проходящем свете при 250-кратном увеличении и в поле зрения поляризационного микроскопа Полам-211 в проходящем свете при 250-кратном увеличении.

Чтобы установить волокнистый состав, из основы и утка лоскутов были выделены отдельные нити. Из составляющих их волокон приготовили препа-

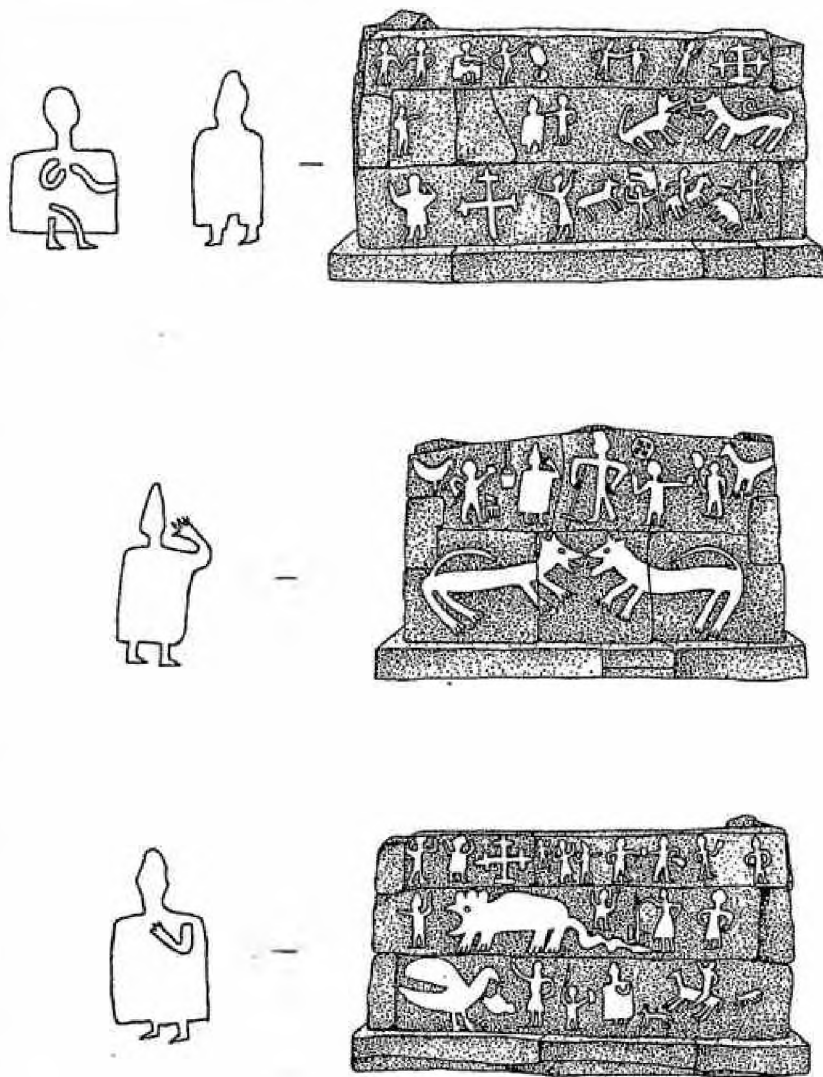

Рис. 31. Изображения широкопальных одежд и конусообразных шапок на персонажах Кафарской гробницы. В соответствии с рельефным повествованием эти одежды принадлежат путникам

Fig. 31. Pictures of full-skirted dresses and cone-shaped hats worn by the persons of the middle tier on the northern side. The clothes represent a traveller's attire, in line with the narrative of the bas-relief

раты в водно-глицериновой смеси (1:1), которые изучались в поле зрения микроскопов.

В результате исследования под микроскопом установлено, что основная масса волокон в препаратах представлена пучками, которые состоят из сросшихся толстостенных клеток элементарных волокон. Волокна имеют трубчатое строение с каналами различной формы: узкой и щелевидной. В волокнах наблюдаются остатки протоплазмы в виде зернышек неправильной формы. На поверхности хорошо прослеживаются сдвиги и утолщения, являющиеся результатом механических воздействий на волокно при его получении. На продольных срезах волокон заметны темные поперечные штрихи, следы изломов и изгибов, возникающие в процессе развития растения. Концы волокон заострены или раздвоены. Данный тип строения характерен для класса лубяных волокон.

Однако в образцах 5, 12, 13, 20, 70, 114, 202, 203, 206 и 208 волокна имеют другое строение. Волокна, входящие в состав ткани 12, неравномерной толщины в различных участках, что характерно для натурального шелка. Волокна из образцов тканей 5, 70, 202 имеют лентообразную форму; они извитые и с заостренными концами, что характерно для хлопка. Для волокон из образцов тканей 13, 114, 203, 206, 208 характерна цилиндрическая форма с черепицеобразной кутикулой на поверхности, как и у волокон шерсти.

Чтобы установить принадлежность волокон, отнесенных к классу лубяных, к конкретному виду (лен, конопля, крапива, канатник, кендырь), были отобраны контрольные образцы указанных видов волокон из коллекции Ставропольской лаборатории судебных экспертиз. В результате сравнительного изучения археологических и коллекционных образцов в поле зрения микроскопа в исследуемых волокнах тканей морфологические признаки крапивы, канатника, кендыря не выявлены.

Определить, какими волокнами — льна или конопли, являются лубяные волокна, входящие в состав тканей археологических образцов, помогли микроскопические исследования их в поляризованном свете, не изменяющие рассматриваемый объект, а также химические методы, вызывающие изменение (окрашивание) и разрушение (растворение) изучаемых образцов¹.

В результате исследования в поле зрения поляризационного микроскопа Полам-211 было установлено, что волокна одной части препаратов имеют следующие морфологические признаки: они гладкие, цилиндрической формы, на поверхности видны поперечные

линии и утолщения. Канал узкий, проходит по всей длине. Концы волокон острые. В поляризованном свете хорошо просматриваются сдвиги в виде двойных крестиков белого цвета X-образной формы на фоне достаточно равномерной окраски (наблюдается чередование светло-зеленой, фиолетовой,

¹ Поскольку для исследования были взяты небольшие фрагменты нити, сохранность самого предмета не нарушалась.

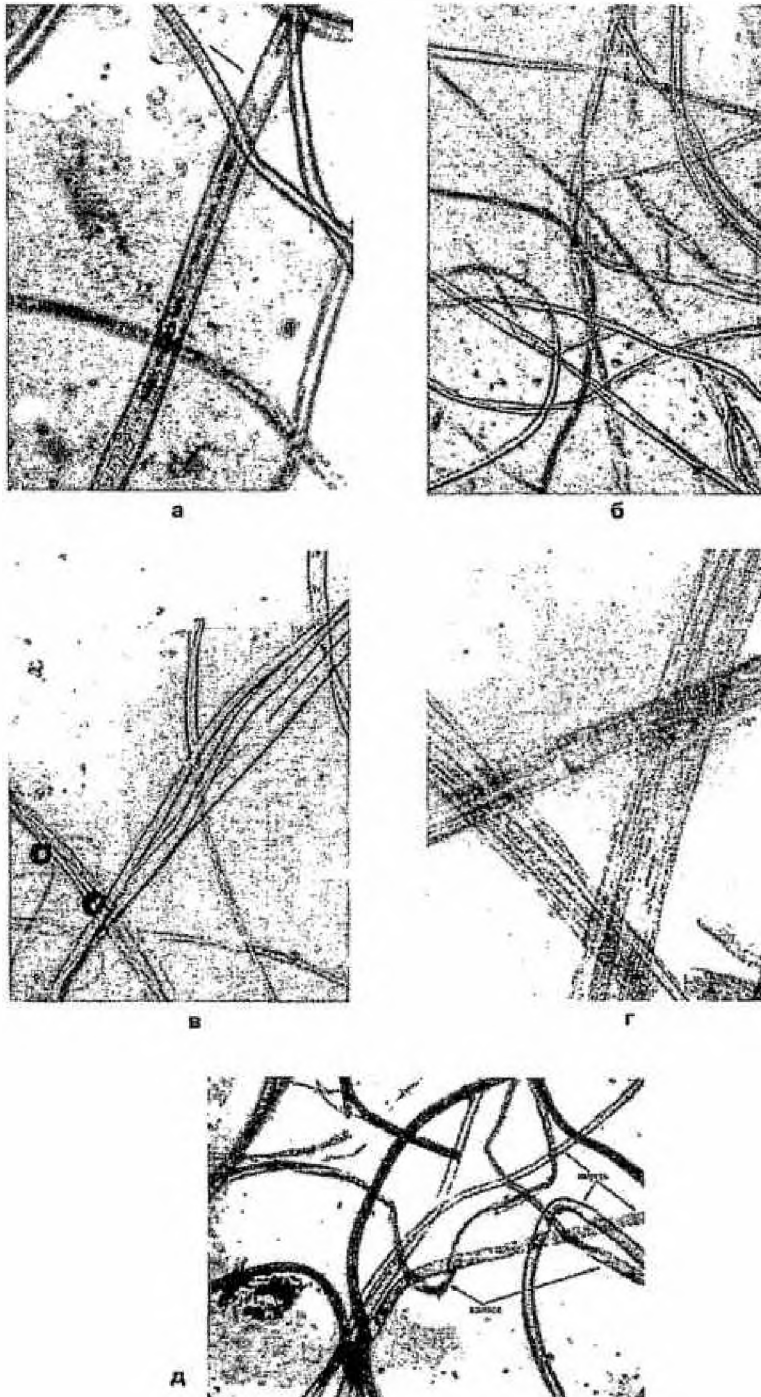

Рис. 32. *Натуральные волокна под микроскопом: а — волокна шерсти, б — волокна хлопка, в — волокна льна, г — волокна конопли, д — шерсти и хлопка*

Fig. 32. *Fibres of wool, cotton, flax and hemp*

желто-коричневой окраски). Указанные морфологические признаки характерны для волокон льна.

Другая часть исследуемых препаратов состоит из волокон иного строения: они овальной формы и неравномерной толщины. На них имеются поперечные утолщения (поперечные кольца роста), поперечные линии (сдвиги) и продольная штриховатость. Канал щелевидный, неравномерной толщины. Концы волокон закруглены и вилообразно раздвоены. В поляризованном свете хорошо просматривается продольная слоистость в виде окрашенных в яркие цвета полос — ярко-желтых, синих, бирюзовых и сиреневых. Утолщения более ярко выражены и придают волокну вид «бамбука». Поперечные сдвиги напоминают сдвоенные белые крестики X-образной формы. Эти признаки характерны для волокон пеньки. Итоги исследования под микроскопом были полностью подтверждены результатами химического воздействия специфическими реагентами на волокна исследуемых образцов. При этом в поляризованном свете для волокон льна и пеньки наблюдались различные картины.

Под действием хлорцинкиода волокна льна окрашиваются в розовато-фиолетовый цвет, а конопля — неравномерно в желто-фиолетовый. Флюоресцин окрашивает волокна льна в сиреневый цвет, а пеньки — в светло-розовый [Криминалистическое исследование, 1983, с. 244]. При воздействии на исследуемые образцы хромовой смесью (реакция Ганаусека) волокна льна быстро набухают, образуя членики, на которые постепенно распадаются. Канал приобретает извилистую форму. А волокна пеньки под тем же воздействием набухают медленно, образуют волнообразную складчатость. Канал остается прямым, на конце волокна возникает веерообразное расширение.

При растворении льна в реактиве Швейцера по всей длине волокна с двух сторон образуются расположенные параллельно друг другу перетяжки, которые по мере набухания сжимаются к центру и отделяются в виде члеников. Узкий канал приобретает извилистую форму. Волокна конопля под воздействием реактива Швейцера, напротив, набухают неравномерно по всей длине, образуя вздутия и перетяжки, приобретают волнообразную складчатость и становятся похожими на бусы. При этом поперечная слоистость (полосы ярких цветов) сохраняется. Концы волокон набухают, расширяются, выравниваются и приобретают вид букета.

Таким образом, в результате исследования 213 текстильных образцов установлено, что 143 из них (67,1%) выполнены из лубяных волокон льна, 28 (13,1%) — конопля, а 31 (14,5%) являются смеской конопля и льна. Небольшой процент составляют хлопковые ткани, смески хлопка и льна, льна и шерсти.

Для исследования представляет интерес происхождение растительных волокон. Поскольку конопля и сегодня произрастает на Кавказе, ее местное происхождение не вызывает сомнения. Лен, как уже говорилось, представлен видом многолетнего растения, непригодного для прядения. Но такова ли была местная флора в рассматриваемый период?

Преобладание льняных тканей вызывает сомнение в том, что население Предкавказья импортировало льняное сырье.

Археологически культура льна прослежена в Закавказье с середины II тысячелетия до н.э. По льноводству древняя Колхида стояла на втором месте после Египта, и весь Восток пользовался колхидскими льняными тканями. Геродот указывал на то, что «колхидяне и египтяне готовят полотно одинаковым способом» (цит. по [Сизов, 1956, с. 404]).

Эти сведения согласуются с данными ботаники. Исследователи отмечают, что «в Колхиде до сих пор сохранился реликтовый озимый лен, который культивировался в Малой Азии» [Синская, 1969, с. 54]. При этом совершенно очевидно, что разнообразие льняных тканей, которые не только изготавливали для собственного потребления, но и поставляли на рынок, говорит о том, что лен возделывался на месте, ибо дикорастущие растения вряд ли могли дать значительное количество и хорошее качество прядильного волокна.

Палеоботаники считают, что колхидский лен постепенно распространился с юго-запада на северо-восток и северо-запад, вплоть до Украины. Таким образом, памятники, давшие находки льняных тканей, входят в ареал распространения этой культуры в пределах Кавказа.

Что касается климатических условий, необходимых для произрастания льна, то в VI–IX вв. зона, где располагаются памятники, давшие находки тканей, была

для этого достаточно увлажнена [Гумилев, 1993, с. 287]. И только с XIV по XX в. отмечается ее усыхание [там же], ставшее, очевидно, причиной постепенного сокращения, а затем и исчезновения льноводства из культуры местных народов.

Данная территория вполне подходила не только для выращивания льна, но и для его обработки. Поселения, с которыми связаны находки льняных тканей, локализовались в долинах рек, которые служили хорошим местом для вымачивания и стланья стеблей льна. Обилие ночных рос и туманов вблизи водных бассейнов обеспечивает естественный бактериальный процесс при мочке и стланье льна. Благодаря рекам этот процесс упрощался, так как не требовалось специальных сооружений [Сизов, 1956, с. 442].

Сведения о том, что население Предкавказья культивировало лен, содержатся как в средневековых, так и в более поздних, чем исследуемый нами период, источниках. По сообщению арабского историка Масуди (X в.), черкесы выращивали лен, из стеблей которого выделяли высокосортное полотно: «В их стране производят различные ткани из льна того сорта, который именуется тала, „золото“, и который более тонок и носок, чем сорт дабики, один отрез его стоит десять динаров, и он вывозится в соседние страны ислама. Такие же ткани вывозятся и смежными народами, но славится сорт, вывозимый этими (кашаками)» (цит. по [Минорский, 1963, с. 207]).

По свидетельствам авторов конца XVII в. не только абхазы продолжали выращивать и вывозить на продажу «хорошую льняную пряжу для простого полотна» (Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии, цит. по [Лавров, 1952, с. 216, 217]), но и адыги, проживавшие на побережье Черного моря [Шарден, 1902, с. 20].

Однако осетины в этот период не знали волокнистых растений для производства тканей. «В здешней стране нет льна, конопли, хлопка и шелка, чтобы из всего этого приготовить себе одежду, и потому большая часть овец [осетин] обходится овечьими шкурами», — писал в XVIII в. грузинский царевич Вахушти об Осетии [Вахушти, 1904, с. 143].

Из этнографических данных следует, что карачаевцы не выращивали растений, дающих текстильное сырье. Однако наличие в карачаевском языке термина «кетэн», обозначающего льняную или конопляную ткань, говорит в пользу того, что подобные ткани все же были в обиходе. Народы, проживающие в западной части Малой Азии, словом «кетэн» называют лен.

Судя по сравнительной карте размещения площадей посева льна в европейской части СССР в 1913 и 1938 гг., составленной профессором И.Ф.Макаровым, на Северном Кавказе еще в 1938 г. выращивали лен, но площади под его посевы значительно уменьшились по сравнению с 1913 г. [Сизов, 1956, рис. 15]. Культура льна ощутимо сократилась и в Закавказье, где ко времени составления карты уже начали исчезать современные грузино-армянские сорта и практически исчезли дагестано-азербайджанские предгорные межеумки [Синская, 1969, с. 57].

Постепенное снижение использования льняного сырья на протяжении последующих веков не противоречит факту выращивания льна населением Предкавказья в средневековье. С уверенностью можно сказать, что тогда лен здесь был сырьем для одежды основной массы населения, как и в Европе, в отличие от Востока, где он являлся продуктом роскоши.

Конопля, которую впервые начали возделывать в Центральной Азии, распространилась на Запад через скифов двумя путями. Первый проходил через районы, лежащие севернее Черного и Каспийского морей, и вел в центральные и северные районы современной России. Второй — через Малую Азию в Европу. Индо-персидские племена получали коноплю из древних арало-каспийских стран — Бактрии и Согдианы. О высоком качестве конопляного полотна, изготовлявшегося фракийцами, писал Геродот [Геродот IV, 74]. Но в европейских источниках I–VI вв. сведения о конопле отсутствуют, и «нить в истории развития культуры конопли на территории Европы как бы обрывается» [Минкевич, 1968, с. 37].

Исследования показали, что в VI–IX вв. конопляное сырье даже в совокупности со смесовыми волокнами значительно уступает льну. Причины этого, по нашему мнению, связаны с антропогенным фактором. Количество сорных трав, содержащих лубяные волокна (крапива, конопля, кендырь и др.), зависит от посевных площадей, так как обработка почвы благоприятствует распространению этих видов растений. В раннем средневековье земледелие в Предкавказье все больше уступает место скотоводству. И если культура возделывания конопли была к этому времени утрачена, то в условиях сокращения земледелия требо-

вался значительный период времени для ее восстановления. Очевидно, это произошло уже после монгольского нашествия, когда в степях и предгорьях стало развиваться пахотное земледелие. Кроме того, расчеты показали, что культивирование льна было более экономичным. Реконструированные выкройки позволили установить, что на изготовление одного мужского кафтана уходило примерно 2,3 кв. м полотна (приблизительно один кусок ткани при ширине 50 см и длине 5 м). Известно, что из 1 кг льняной пряжи получается 1,6 кв. м ткани. Таким образом, необходимое количество пряжи для изготовления одного кафтана составляло 1,4 кг.

Урожайность льна в современных условиях равна приблизительно 3,7 ц с 1 га. В прежние времена она, очевидно, была ниже — приблизительно 2 ц с гектара. Посевная площадь для выращивания волокна на одно изделие (кафтан) составляла, таким образом, 70 кв. м. Следовательно, из волокна, собранного с 1 га, можно было изготовить 142 кафтана.

Урожайность конопли с 1 га выше и составляет около 7–8 ц с 1 га. Однако посконь — мужские растения с тонким стеблем, пригодные для изготовления волокна, составляют лишь одну треть урожая, т.е. приблизительно 2 ц с 1 га, как и лен. Но в отличие от последнего из 1 кг посконной пряжи выходит 0,7 кв. м полотна. Таким образом, на один кафтан требовалось 3,2 кг пряжи.

Посевная площадь, необходимая для получения конопляного волокна на один кафтан, рассчитывается аналогично и составляет 160 кв. м. Из волокна конопли, собранного с 1 га, можно было произвести ткани на 62 кафтана.

Таким образом, для изготовления одинакового количества изделий производство конопли требовало в 2,3 раза больше посевных площадей, чем производство льна.

Характерно, что в нартском эпосе в качестве растительного текстильного сырья упоминается конопля: «Тут во двор въехал один из несчастных женихов, и на него со всех сторон кинулись собаки.

— Если я что скажу, вы с отцом меня браните! Если даже поклянусь — не поверите. А вот я вижу: молодого жениха в конопле окружили собаки, того и гляди разорвут! — воскликнула Малечих.

Мать посмотрела на всадника, окруженного собаками, но не заметила никакой конопли.

— Откуда же в нашем дворе возьмется конопля? — сердито спросила она у дочери.

— Да ведь на нем вся одежда конопляная! — крикнула Малечих. И в самом деле, юноша оделся так, потому что был знойный летний день» [Нарты, 1957, с. 385].

К сожалению, нельзя точно датировать этот мотив, чтобы определить время бытования указанных в эпосе одежд. Здесь следует заметить, что в булакском издании труда Масуди о Кавказе сказано, что материалом, из которого черкесы изготавливали свои ткани, является «канб» — конопля, а не лен (см. [Минорский, 1963, с. 207]).

Об алаванской одежде из могильника в ущелье реки Амгаты А.Н.Дьячков-Тарасов писал, что она была сделана из конопли: «Найдена замечательно хорошо сохранившаяся одежда из волокон конопли — рубахи, штаны» (цит. по [Кузнецов, 1992, с. 296]). Но, принимая во внимание трудность визуального различия конопляных и льняных тканей, эта одежда могла быть изготовлена и из льна. Расширились ли посевы конопли по мере сокращения посевов льна — неизвестно.

Более низкий процент использования конопляного сырья можно объяснить еще и тем, что его обработка более трудоемка, поскольку лубяные волокна конопли частично одревесневают и не имеют той мягкости и эластичности, которые характерны для льна. Однако проведенные исследования показывают, что по основным параметрам, определяющим качество (толщина, плотность), конопляные ткани несколько не уступают льняным, а в некоторых случаях превосходят их. Но для изготовления конопляных тканей высокого качества требовалось больше затрат, чем для изготовления льняного текстиля.

В то же время клеточные оболочки конопляных волокон значительно толще льняных, что обуславливает их большую прочность и устойчивость к гниению [Пристула, 1973, с. 78]. Вероятно, благодаря этим качествам в смесовых тканях содержится значительный процент волокон конопли.

Однако характер образцов в рассматриваемой коллекции не позволяет в большинстве случаев атрибутировать швейные изделия. Но можно отметить, что среди изделий, выполненных из конопляных тканей, преобладают кафтаны. Элементы костюма, которые подвергались наибольшему истиранию и были скрыты верхней одеждой (чулки, завязки, шнурки, начельные диадемы), обычно изготавливали из смесовых тканей. Принимая во внимание тот факт, что одежду носили очень долго, прочность тканей, из которых ее шили, имела большое значение.

Образец 203 представляет собой фрагмент ткани полотняного переплетения, окрашенной красным пигментом и декорированной геометрическим орнаментом из серой (первоначально белой?) ткани. Это единственный среди исследованных образец, выполненный из смеси шерсти и льна. Очевидно, он западного (европейского?) происхождения. Малоазийское происхождение для него маловероятно, так как в этом регионе были широко распространены иудейские религиозные запреты на смешивание растительных и животных волокон: ткани из них ткали на разных станках. Европейская средневековая текстильная традиция таких запретов не знала [Арутюнов, Жуковская, 1987, с. 43].

Анализ технологических параметров нитей, из которых изготовлены рассматриваемые ткани, выявил устойчивый показатель местного производства. Им является правосторонняя крутка (Z), хотя здесь есть и исключения. В пяти образцах (два из них — смеси конопли и льна) выявлена левосторонняя крутка нити (S). Однако нет оснований связывать их с импортом. Они составляют всего 2,4% от общего количества полотняных тканей, и их отличия могут объясняться даже индивидуальными особенностями пряжи.

Два образца — 10 и 28 — являются явно привозными. Ткани выполнены из нитей с левосторонней круткой и окрашены индиго. Местные холщовые ткани, как правило, не окрашивали. Очевидно, потому, что в этот период северокавказское население еще не знало технологии использования протравы, способствующей окрашиванию и закреплению пигмента на волокне. Не было и красителей, подобных индиго¹. Особенности строения льняного волокна (толстые плотные стенки, узкий замкнутый канал), а также посторонние примеси (лигнин и пектиновые вещества) затрудняют его окрашиваемость.

Интересной является ткань, выполненная из нитей льна и хлопка, с узорчатым крашением (образец 202). Красным пигментом на холст с помощью штампа нанесен геометрический рисунок в виде елочек. Несмотря на правостороннюю крутку нити, мы склонны рассматривать этот образец как импортный. Об этом свидетельствуют наличие хлопковой нити и использование техники набойки, характерной для восточных центров производства текстиля.

В двух образцах (5 и 70), выполненных из чистого хлопка, отмечена правосторонняя крутка нити, но они явно являются привозными. Среди исследованного массива импортные хлопковые ткани составляют 2,3%. Если они и являлись объектом пошлины наряду с шелком, то в очень незначительной пропорции. Скорее всего, их появление не связано с торговым обменом.

Шелк появился на Кавказе в VI в. Тезис В.М.Массона о том, что товары, двигаясь по Великому Шелковому пути, не затрагивали основы производительных сил [Массон, 1990а, с. 14], вполне может быть применен и к анализу соотношения привозных тканей и местного текстиля. Шелк не стал основной тканью в костюме народов Предкавказья в раннем средневековье. Предпочтение отдавалось кендырным полотнам, сырье для изготовления которых выращивали и обрабатывали на месте.

Автохтонные народы Предкавказья были знакомы с культурой растительных волокон еще до появления алан на исторической арене региона. Изменение системы хозяйствования у алан, вызванное гуннским нашествием, и приближение их к земледельческим традициям живших здесь в древности народов посредством постоянных связей с Абхазией, установившихся еще в первых веках н.э., стимулировали этот процесс.

Развитие земледелия у народов Предкавказья привело в конечном счете к исчезновению волокнистых растений из хозяйства. Более точные сведения о соотношении посевов льна и конопли на длительном хронологическом отрезке времени будут получены при накоплении базы данных по этому вопросу.

¹ Индиго окрашивает ткани в устойчивый постоянный цвет, не требуя протравы.

Установить ареалы выращивания волокнистых растений теоретически возможно. Для этого надо сравнить текстильные образцы с хранящимися в гербариях экземплярами волокнистых растений из определенных районов Предкавказья. Показателем района произрастания растения и степени его зрелости (времени сбора) в волокне является фибриллярная структура, причем фибриллярный рисунок волокон льна и пеньки различен [Берестенев, Флексер, Лукьянова, 1982, с. 163].

К сожалению, на данный момент необходимые для анализа коллекции растений недоступны и провести такое исследование затруднительно.

Производство пряжи и холста исторически всегда было делом рук самих земледельцев. Частые находки деталей ткацких станков и пряслиц в женских захоронениях свидетельствуют о том, что прядение и ткачество повсеместно являлись домашними ремеслами. Очевидно, и выращивание растений, из которых получали волокна, было женским занятием.

Динамика культивирования волокнистых растений в хозяйстве народов Предкавказья интересна с точки зрения изучения экономического развития и изменений в процессе формирования основного хозяйственного уклада современных народов, населяющих эту территорию.

Таблица 1
Результаты микроскопического исследования волокон

Параметры сравнения	Лён	Кововля
Исходные образования волокон	Прокамбий (проводящая ткань)	Перицикл (образующая ткань)
Морфологические признаки волокон	Элементарные волокна представляют собой растительные клетки трубчатого строения с узким каналом; средняя длина 32–33 мм, диаметр 20–30 мкм	Первичные дубяные волокна представляют собой вытянутые толстостенные клетки; длина 5–55 мм
Микроскопическое исследование продольного вида волокна	Волокна длинные, гладкие, цилиндрической формы; на поверхности видны сдвиги в виде узких поперечных линий и утолщений; нитевидный канал проходит по всей длине; концы волокон острые	Волокна овальной формы, неравномерной толщины; на них поперечные утолщения и поперечные линии; продольная отриховатость; канал целевидный, неравномерной толщины; концы волокон вилкообразно раздвоены
Микроскопическое исследование формы поперечных срезов	Многоугольная, четыре-шесть сторон с точечным каналом в середине	Неравносторонняя многоугольная со целевидным каналом
Исследование в поляризованном свете	Хорошо видны сдвиги в виде двойных крестиков белого цвета X-образной формы на фоне равномерной окраски (чередование светло-зеленой, фиолетовой и желто-коричневой)	Хорошо видны продольная слоистость в виде полос, окрашенных в яркие цвета (ярко-желтый, синий, бирюзовый, сиреневый); ярко выраженные утолщения придают волокну вид бамбука; поперечные сдвиги напоминают двойные белые крестики X-образной формы
Изменение окраски при воздействии хлорцианидом	Темно-фиолетовая	Неравномерная желто-фиолетовая
то же в поляризованном свете	Розово-фиолетовая	Желто-фиолетовая
то же в поляризованном свете	Бледная красно-фиолетовая	Фиолетово-красная
то же в поляризованном свете	Розово-фиолетовая	Светло-розовая
Изменение волокон при воздействии на них хромовой смесью в поляризованном свете	Быстро набухают, образуя членики, на которые постепенно распадутся; канал приобретает извилистую форму	Набухают медленно, образуя волнообразную складчатость; канал сохраняется прямым, на концах волокна образуется востребное расширение
реактивом Швейцера	Набухают неравномерно; стенки укорачиваются; канал становится эктагообразным	Набухают с образованием поперечной складчатости
то же в поляризованном свете	По всей длине волокна с двух сторон образуются параллельные перетяжки, которые по мере набухания волокна сжимаются к центру и отделяются друг от друга в виде члеников; узкий канал приобретает извилистую форму	Неравномерно набухают по всей длине с образованием вздутый и перетяжек; приобретают волнообразную складчатость, напоминая бусь; сохраняется поперечная слоистость; концы волокон набухают, растягиваются, выравниваются и становятся похожими на букет

№ п/п	Место находки	№ хранения	Атрибуция предмета	Цвет ткани	Толщина ткани (мм)	Вид переплетения	Раппорт
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Эшакон	СГОКМ, оф.16900	ф.т.	коричневый	0,62	полотняное	1:1
2	Эшакон	СГОКМ, оф.16900	ф.т.	бежевый	0,73	полотняное	1:1
3	Эшакон	СГОКМ, оф.16900	ф.т.	серовато-белый	0,57	полотняное	1:1
4	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.о.т.	коричневый	0,49	полотняное	1:1
5	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.п.т.	коричневый	0,81	полотняное	1:1
6	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	грязно-белый	0,60	полотняное	1:1
7	Эшакон	СГОКМ оф.16900	завязка	темно-коричневый	0,52	полотняное	1:1
8	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	бежевый	0,88	полотняное	1:1
9	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	-	-	-
10	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	темно-голубой	0,49	полотняное	1:1
11	Эшакон	СГОКМ оф.169000	нить из шва	бежевый	-	-	-
12	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	-	-	-
13	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	серовато-белый	1,33	полотняное	1:1
14	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	темно-коричневый	0,40	полотняное	1:1
15	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	бежевый	0,44	полотняное	1:1
16	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	бежевый	0,45	полотняное	1:1
17	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	0,57	полотняное	1:1
18	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-коричневый	0,56	полотняное	1:1
19	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	0,46	полотняное	1:1
20	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	0,36	полотняное	1:1
21	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	бежевый	0,46	полотняное	1:1
22	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	серовато-белый	1,13	полотняное	1:1
23	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	бежевый	0,54	полотняное	1:1
24	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
25	Эшакон	СГОКМ оф.16900	салфетка	серовато-белый	0,59	полотняное	1:1
26	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	серовато-белый	0,54	полотняное	1:1
27	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	коричневый	0,47	полотняное	1:1
28	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.л.	темно-голубой	0,62	полотняное	1:1
29	Эшакон	СГОКМ оф.16900	чулок	коричневый	0,68	полотняное	1:1
30	Эшакон	СГОКМ оф.16900	веревка	серо-коричневый	-	-	-
31	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	серовато-белый	0,41	полотняное	1:1
32	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	коричневый	0,42	полотняное	1:1
33	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серый	0,66	полотняное	1:1
34	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,41	полотняное	1:1
35	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серый	1,03	полотняное	1:1
36	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,37	полотняное	1:1
37	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,52	полотняное	1:1
38	Нижний Архыз	без №	ф.т.	грязно-серый	0,35	полотняное	1:1
39	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серый	0,95	полотняное	1:1
40	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,68	полотняное	1:1
41	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,52	полотняное	1:1
42	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,44	полотняное	1:1
43	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,44	полотняное	1:1
44	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,52	полотняное	1:1
45	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,49	полотняное	1:1
46	Нижний Архыз	без №	ф.т.	темно-коричневый	0,54	полотняное	1:1
47	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,59	полотняное	1:1
48	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	0,79	полотняное	1:1
49	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	0,74	полотняное	1:1
50	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,33	полотняное	1:1
51	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	0,44	полотняное	1:1

Результаты исследования технологических параметров и волокнистого состава представленных образцов ткани

Волокнистый состав	Количество нитей на 1 см		Толщина нитей продольного и поперечного направлений (мм)		Направление крутки	Число сложений	Примечание
	По утку	По основе	12	13			
9	10	11	12	13	14	15	16
лен	17	13	0,17	0,14	Z	одно	-
лен	13	13	0,26	0,26	Z	одно	-
лен	17	10	0,18	0,26	Z	одно	имеется кромка
пенька	17	11	0,16	0,23	Z	одно	-
хлопок	7 на 5 мм	5 на 5 мм	0,17	0,28	Z	одно	разволокнено
лен	18	11	0,18	0,22	Z	одно	-
пенька	25	18	0,14	0,14	Z	одно	скрученное, очень тонкое
лен	17	11	0,41	0,14	Z	одно	имеется кромка
лен	-	-	0,52 в 2 сл.	0,24 единая нить	S Z	двойное одно	-
лен	25	8 на 5 мм	0,09	0,12	S	одно	очень мягкая ткань
лен	-	-	0,16	-	S Z	двойное одно	-
шелк	-	-	0,8	-	Z	одно	разволокненная нить
шерсть	10	6	0,42	0,58	Z	одно	типа мешковины
лен	16	12	0,19	0,26	Z	одно	имеется кромка
лен	22	13	0,17	0,17	Z	одно	-
лен	12 на 5 мм	9	0,08	0,18	Z	одно	-
лен и пенька	19	13	0,17	0,19	Z	одно	-
пенька	27	15	0,20	0,18	Z	одно	-
лен	23	8 на 5 мм	0,17	0,14	Z	одно	очень плотная ровная ткань
лен	22	11	0,11	0,14	Z	одно	-
лен	20	12	0,11	0,17	Z	одно	-
пенька	10	6	0,42	0,32	Z	одно	-
лен	20	6 на 5 мм	0,20	0,17	Z	одно	-
лен	25	14	0,20	0,12	Z	одно	-
лен	17	11	0,32	0,25	Z	одно	-
лен	14	11	0,14	0,14	Z	одно	-
лен	26	6 на 5 мм	0,13	0,15	Z	одно	-
лен	20	6 на 5 мм	0,21	0,27	S	одно	-
лен	20	6 на 5 мм	0,20	0,17	Z	одно	-
древесные частицы	-	-	-	-	крутки нет	-	-
лен	32	17	0,11	0,09	Z	одно	-
лен (хорошо выделанный)	17	13	0,20	0,17	Z	одно	-
пенька	8	6	0,58	0,44	Z	одно	редкое плетение
лен	19	10	0,08	0,10	Z	одно	фрагменты тканей из Н.Архыза были взяты на анализ В.Н.Каминским
пенька	8	6	0,50	0,45	Z	одно	редкое плетение
лен и пенька	14	9	0,15	0,22	Z	одно	-
лен	17	12	0,18	0,11	Z	одно	-
лен	10	8	0,08	0,17	Z	одно	редкое плетение
лен	11	6	0,16	0,13	Z	одно	редкое плетение
лен	11	10	0,26	0,24	Z	одно	-
лен и пенька	7 на 5 мм	5 на 5 мм	0,24	0,25	Z	одно	-
лен	8 на 5 мм	6	0,16	0,18	Z	одно	-
лен	11	11	0,31	0,23	Z	одно	-
лен и пенька	15	10	0,22	0,28	Z	одно	-
лен	18	11	0,17	0,28	Z	одно	-
лен и пенька	18	17	0,19	0,09	Z	одно	-
лен	10	11	0,27	0,22	Z	одно	-
лен	24	11	0,18	0,24	Z	одно	-
лен	14	13	0,20	0,17	Z	одно	-
лен	29	12	0,17	0,09	Z	одно	-
лен	19	14	0,14	0,17	Z	одно	-

1	2	3	4	5	6	7	8
52	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,49	полотняное	1:1
53	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,27	полотняное	1:1
54	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	0,55	полотняное	1:1
55	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	0,56	полотняное	1:1
56	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,56	полотняное	1:1
57	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,39	полотняное	1:1
58	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,53	полотняное	1:1
59	Нижний Архыз	без №	ф.т.	грязно-бежевый	0,50	полотняное	1:1
60	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-белый	1,0	полотняное	1:1
61	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,39	полотняное	1:1
62	Нижний Архыз	без №	ф.т.	белый	0,62	полотняное	1:1
63	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-коричневый	0,80	полотняное	1:1
64	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-коричневый	1,15	полотняное	1:1
65	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,64	полотняное	1:1
66	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-коричневый	0,59	полотняное	1:1
67	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серовато-коричневый	0,46	полотняное	1:1
68	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,30	полотняное	1:1
69	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,31	полотняное	-
70	Нижний Архыз	без №	ф.т.	темно-коричневый	0,69	полотняное	1:1
71	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,31	полотняное	1:1
72	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,46	полотняное	1:1
73	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,38	полотняное	1:1
74	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	1,01	полотняное	1:1
75	Нижний Архыз	без №	ф.т.	светло-коричневый	0,55	полотняное	1:1
76	Нижний Архыз	без №	ф.т.	светло-серый	0,26	полотняное	1:1
77	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,32	полотняное	1:1
78	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,31	полотняное	1:1
79	Нижний Архыз	без №	ф.т.	коричневый	0,37	полотняное	1:1
80	Нижний Архыз	без №	ф.т.	серо-коричневый	0,91	полотняное	1:1
81	Нижний Архыз	без №	ф.т.	грязно-белый	0,38	полотняное	1:1
82	Нижний Архыз	без №	ф.т.	светло-бежевый	0,43	полотняное	1:1
83	Нижний Архыз	без №	ф.т.	бежевый	0,45	полотняное	1:1
84	Эшакон	СГОКМ оф.16900	салфетка	светло-коричневый	0,67	полотняное	1:1
85	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	коричневый	0,60	полотняное	1:1
86	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	грязно-бежевый	0,77	полотняное	1:1
87	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-бежевый	0,48	полотняное	1:1
88	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	белый	0,55	полотняное	1:1
89	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-бежевый	0,35	полотняное	1:1
90	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	грязно-бежевый	0,32	полотняное	1:1
91	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-бежевый	0,65	полотняное	1:1
92	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	коричневый	0,70	полотняное	1:1
93	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	белый	0,46	полотняное	1:1
94	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-коричневый	0,24	полотняное	1:1
95	Эшакон	СГОКМ оф.16900	чулок	коричневый	0,79	полотняное	1:1
96	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-коричневый	0,65	полотняное	1:1
97	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-коричневый	0,48	полотняное	1:1
98	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	светло-коричневый	0,41	полотняное	1:1
99	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	белый	0,71	полотняное	1:1
100	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-коричневый	0,41	полотняное	1:1
101	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	белый	0,47	полотняное	1:1
102	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	светло-коричневый	0,45	полотняное	1:1
103	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	серовато-бежевый	0,59	полотняное	1:1
104	Эшакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	светло-коричневый	0,44	полотняное	1:1
105	Эшакон	СГОКМ оф.16900	ф.т.	грязно-белый	0,50	полотняное	1:1

9	10	11	12	13	14	15	16
лен и пенька	18	11	0,16	0,13	Z	одно	-
лен	13	9	0,13	0,05	Z	одно	-
лен	20	10	0,15	0,13	Z	одно	-
лен	20	14	0,16	0,25	Z	одно	-
лен и пенька	15	10	0,31	0,27	Z	одно	-
лен	16	10	0,11	0,15	Z	одно	-
шелк	28	8 на 5 мм	0,04	0,06	Z	одно	-
лен	22	11	0,17	0,15	Z	одно	-
лен	7 на 5 мм	8	0,35	0,31	Z	одно	-
лен	20	6 на 5 мм	0,10	0,16	Z	одно	-
лен	10	9	0,34	0,31	Z	одно	-
пенька	14	9	0,35	0,32	Z	одно	-
пенька	9	7	0,52	0,40	Z	одно	-
лен и пенька	8 на 5 мм	10	0,21	0,18	Z	одно	-
лен и пенька	14	10	0,23	0,14	Z	одно	ткань и нить очень загрязненные
лен	36	23	0,20	0,17	S (нить)	одно	тонкая жесткая ткань
лен	4 на 5 мм	4 на 5 мм	0,08	0,11	Z	одно	разволокненная ткань
лен	32	16	0,04	0,06	Z	одно	через промежуток (7 или 9) по 2 нити
хлопок	12	11	0,27	0,25	Z	одно	ворсистая ткань
лен	18	13	0,06	0,15	Z	одно	разреженная ткань
пенька	18	14	0,14	0,15	Z	одно	-
лен	16	16	0,18	0,12	Z	одно	-
пенька	12	8	0,25	0,45	Z	одно	-
лен	22	14	0,25	0,23	Z	одно	-
лен	24	18	0,11	0,11	Z	одно	шов в подгибку нитью в 2 сложения S-образной кругки
лен	20	14	0,28	0,16	Z	одно	-
лен и пенька	14	10	0,33	0,29	Z	одно	-
лен	14	10	0,24	0,12	Z	одно	-
пенька	10	6	0,32	0,27	Z	одно	-
лен	20	12	0,11	0,08	Z	одно	-
лен	18	14	0,25	0,15	Z	одно	-
лен	14	8	0,21	0,10	Z	одно	-
лен	20	14	0,16	0,21	Z	одно	частицы голубого вещества (блестки)
лен	12 на 5 мм	10	0,24	0,22	Z	одно	-
лен	16	10	0,16	0,08	Z	одно	-
лен	20	12	0,12	0,14	Z	одно	частицы голубого вещества (блестки)
лен	18	12	0,19	0,16	Z	одно	-
лен	22	12	0,15	0,06	Z	одно	-
лен	11 на 5 мм	14	0,05	0,08	Z	одно	-
лен	20	6 на 5 мм	0,26	0,14	Z	одно	-
пенька	20	12	0,21	0,15	Z	одно	-
лен	24	12	0,25	0,15	Z	одно	-
пенька	20	16	0,08	0,09	Z	одно	-
лен и пенька	12	12	0,26	0,31	Z	одно	-
пенька	28	14	0,15	0,12	Z	одно	-
лен	20	12	0,23	0,18	Z	одно	-
лен	20	14	0,23	0,10	Z	одно	-
лен	14	6	0,26	0,27	Z	одно	очень разреженная ткань
лен	20	12	0,12	0,14	Z	одно	-
лен	20	14	0,17	0,14	Z	одно	-
лен и пенька	22	12	0,23	0,19	Z	одно	-
лен	22	12	0,15	0,18	Z	одно	-
лен и пенька	20	14	0,13	0,12	Z	одно	крупинки вещества голубого цвета
лен	16	10	0,19	0,18	Z	одно	крупинки вещества голубого цвета

1	2	3	4	5	6	7	8
106	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	грязно-белый	0,50	полотняное	1:1
107	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-бежевый	0,45	полотняное	1:1
108	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.л.	грязно-белый	0,61	полотняное	1:1
109	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	кафтан	светло-коричневый	0,64	полотняное	1:1
110	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.л.	коричневый	0,62	полотняное	1:1
111	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	коричневый	0,85	полотняное	1:1
112		СГОКМ оф.16900	ф.и.	светло-бежевый	0,55	полотняное	1:1
113	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	петля для пуговицы	коричневый	0,89	полотняное	1:1
114	Эшкакон	СГОКМ оф.16900	ф.и.	темно-голубой	1,07	полотняное	1:1
115	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/14	шарф	светло-коричневый	0,35	полотняное	1:1
116	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/18	подушка	грязно-белый	0,46	полотняное	1:1
117	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/9	подушка	грязно-белый	0,50	полотняное	1:1
118	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/2	ф.и.	светло-коричневый	0,57	полотняное	1:1
119	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/11	мешочек-футляр	грязно-белый	0,27	полотняное	1:1
120	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/1	ф.и.	светло-бежевый	0,40	полотняное	1:1
121	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/10	ф.и. с пуговкой	светло-коричневый	0,33	полотняное	1:1
122	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/7	мешочек-футляр	светло-коричневый	0,80	полотняное	1:1
123	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/87	ф.л.	грязно-белый	0,91	не определяется	1:1
124	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/13	поясок	светло-коричневый	-	полотняное	1:1
125	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/74	ф.и.	грязно-белый	0,66	полотняное	1:1
126	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/3	пояс	светло-коричневый	0,57	полотняное	1:1
127	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/46	ф.л.	светло-коричневый	0,43	полотняное	1:1
128	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/54	ф.л.	светло-коричневый	0,81	полотняное	1:1
129	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/46	ф.и.	светло-коричневый	0,42	полотняное	1:1
130	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/52	ф.л.	грязно-белый	0,85	полотняное	1:1
131	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/12	ф.и.	светло-коричневый	0,45	полотняное	1:1
132	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/64	ф.и.	светло-бежевый	0,43	полотняное	1:1
133	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/66	ф.л.	бежевый	0,43	полотняное	1:1
134	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/65	ф.и.	коричневый	0,47	полотняное	1:1
135	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/83	ф.и.	коричневый	0,62	полотняное	1:1
136	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/36	ф.и.	светло-бежевый	0,62	полотняное	1:1
137	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/67	ф.и.	грязно-белый	0,50	полотняное	1:1
138	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/60	ф.л.	грязно-белый	0,53	полотняное	1:1
139	Мошсовая Балка	СГОКМ без №	ф.л.	бежевый	0,35	полотняное	1:1
140	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/55	ф.л.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
141	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/53	ф.л.	грязно-белый	0,56	полотняное	1:1
142	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/58	ф.и.	бежевый	0,23	полотняное	1:1
143	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/58	ф.и.	коричневый	0,39	полотняное	1:1
144	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/56	ф.л.	коричневый	0,36	полотняное	1:1
145	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/77	ф.л.	грязно-белый	0,44	полотняное	1:1
146	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/57	ф.и.	грязно-белый	0,36	полотняное	1:1
147	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/68	ф.л.	светло-бежевый	0,35	полотняное	1:1
148	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/69	дизадема	бежевый	0,49	полотняное	1:1
149	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/73	ф.и.	грязно-белый	0,45	полотняное	1:1
150	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/59	ф.и.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
151	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/79	ф.и.	грязно-белый	0,55	полотняное	1:1
152	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/80	ф.л.	светло-коричневый	0,39	полотняное	1:1
153	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/63	дизадема	грязно-белый	0,35	полотняное	1:1
154	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/81	ф.и.	коричневый	0,51	полотняное	1:1
155	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/82	ф.и.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
156	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/70	ф.и.	светло-коричневый	0,52	полотняное	1:1
157	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/62	ф.и.	желто-коричневый	0,35	полотняное	1:1
158	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/61	ф.и.	серо-коричневый	0,35	полотняное	1:1
159	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/71	ф.и.	светло-коричневый	0,40	полотняное	1:1
160	Мошсовая Балка	СГОКМ оф.29794/72	салфетка	светло-бежевый	0,34	полотняное	1:1

9	10	11	12	13	14	15	16
лен	22	10	0,09	0,15	Z	одно	крупинки вещества голубого цвета
лен	20	14	0,07	0,14	Z	одно	-
лен	18	14	0,07	0,13	Z	одно	-
лен	14	10	0,23	0,26	Z	одно	-
пенька	18	14	0,19	0,16	Z	одно	-
пенька	18	12	0,21	0,23	Z	одно	-
лен	22	12	0,18	0,23	Z	одно	-
пенька	14	10	0,33	0,18	Z	одно	-
шерсть	18	8	0,50	0,50	Z	одно	крупинки вещества голубого цвета
лен	16	14	0,17	0,11	Z	одно	-
лен и пенька	10	5 на 5 мм	0,18	0,12	Z	одно	-
лен	14	12	0,20	0,17	Z	одно	-
лен	14	8	0,16	0,25	Z	одно	-
лен и пенька	20	14	0,14	0,17	Z	одно	-
лен	20	14	0,15	0,20	Z	одно	-
лен	26	18	0,09	0,13	Z	одно	жесткая ткань
лен и пенька	10	3 на 5 мм	0,28	0,35	Z	одно	-
лен и пенька	-	-	0,82	0,55	S	в два сложения	разволокненная кромка ткани
лен	-	-	0,26	-	Z	одно	сшитый из ткани рулик
лен	14	8	0,21	0,18	Z	-	-
лен	26	12	0,31	0,09	Z	одно	имеется стежок нитки в 2 сложения Z-образной крутки
лен	24	12	0,21	0,09	Z	одно	-
лен	20	6	0,19	0,24	Z	одно	-
лен	26	12	0,12	0,33	Z	одно	жесткая ткань
лен	16	10	0,35	0,36	Z	одно	-
лен	20	14	0,21	0,14	Z	одно	-
лен и пенька	30	16	0,19	0,16	Z	одно	-
лен	26	11	0,15	0,16	Z	одно	-
пенька	18	36	0,12	0,11	Z	одно	-
лен	14	18	0,10	0,25	Z	одно	-
лен	14	11	0,20	0,24	Z	одно	-
лен	10	12	0,25	0,17	Z	одно	-
лен	10	22	0,13	0,27	Z	одно	-
лен	18	30	0,18	0,11	Z	одно	-
лен и пенька	14	24	0,18	0,15	Z	одно	-
лен	16	30	0,08	0,17	Z	одно	-
лен	36	22	0,05	0,09	Z	одно	142, 143 — фрагменты одного изделия
лен	16	12	0,17	0,19	Z	одно	-
лен	24	12	0,06	0,14	Z	одно	-
лен	18	14	0,18	0,15	Z	одно	-
лен	22	14	0,08	0,09	Z	одно	-
лен	24	16	0,11	0,12	Z	одно	-
лен и пенька	14	32	0,18	0,16	Z	одно	-
лен и пенька	24	18	0,18	0,13	Z	одно	-
лен	34	16	0,13	0,16	Z	одно	-
лен	12	28	0,10	0,12	Z	одно	-
пенька	28	16	0,06	0,09	Z	одно	-
лен	30	18	0,12	0,14	Z	одно	-
пенька	24	16	0,16	0,15	Z	одно	-
лен	14	7	0,12	0,12	Z	одно	-
лен	24	16	0,26	0,22	Z	одно	-
лен	12	18	0,21	0,19	Z	одно	-
лен и пенька	14	16	0,26	0,12	Z	одно	ткань разреженная
пенька	24	16	0,17	0,12	Z	одно	-
лен	22	14	0,25	0,20	Z	одно	-

1	2	3	4	5	6	7	8
161	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/76	ф.и.	светло-коричневый	0,37	полотняное	1:1
162	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/25	ф.и.	светло-бежевый	16	полотняное	1:1
163	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/19	ф.т.	светло-коричневый	0,43	полотняное	1:1
164	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/20	ф.т.	светло-коричневый	0,27	полотняное	1:1
165	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/6	чулок	светло-коричневый	0,37	полотняное	1:1
166	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/40	ф.т.	светло-бежевый	0,40	полотняное	1:1
167	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/37	ф.и.	светло-бежевый	0,89	полотняное	1:1
168	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/45	ф.и.	светло-коричневый	0,30	полотняное	1:1
169	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/5	шарф	светло-коричневый	0,32	полотняное	1:1
170	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/26	ф.т.	светло-бежевый	0,48	полотняное	1:1
171	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/42	ф.и.	светло-бежевый	0,54	полотняное	1:1
172	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/24	ф.и.	светло-коричневый	0,52	полотняное	1:1
173	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/43	ф.и.	светло-коричневый	0,33	полотняное	1:1
174	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/47	диадема	светло-коричневый	0,44	полотняное	1:1
175	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/22	кафтан	светло-коричневый	0,33	полотняное	1:1
176	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/27	ф.и.	светло-бежевый	0,30	полотняное	1:1
177	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/44	ф.т.	светло-серый	0,34	полотняное	1:1
178	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/38	ф.т.	светло-коричневый	0,41	полотняное	1:1
179	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/21	диадема	светло-коричневый	0,42	полотняное	1:1
180	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/8	ф.т.	светло-коричневый	0,50	полотняное	1:1
181	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/315	ф.и.	бежевый	0,92	полотняное	1:1
182	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/75	ф.т.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
183	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/23	ф.и.	светло-бежевый	0,48	полотняное	1:1
184	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/23	ф.и.	светло-коричневый	0,41	полотняное	1:1
185	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/30	ф.и.	светло-коричневый	0,39	полотняное	1:1
186	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/49	пояс	бежевый	0,41	полотняное	1:1
187	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/39	ф.т.	светло-коричневый	0,40	полотняное	1:1
188	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/86	ф.и.	бежевый	0,57	полотняное	1:1
189	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/50	ф.и.	светло-коричневый	0,43	полотняное	1:1
190	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/33	ф.и.	светло-бежевый	0,49	полотняное	1:1
191	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/41	ф.т.	светло-бежевый	0,40	полотняное	1:1
192	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/29	ф.и.	светло-бежевый	0,38	полотняное	1:1
193	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/28	кафтан	белый	0,27	полотняное	1:1
194	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/4	ф.и.	светло-коричневый	0,40	полотняное	1:1
195	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/34	ф.и.	светло-бежевый	0,63	полотняное	1:1
196	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/94	ф.т.	серый	0,76	полотняное	1:1
197	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/31	ф.и.	светло-коричневый	0,55	полотняное	1:1
198	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/89	ф.и.	светло-бежевый	0,43	полотняное	1:1
199	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/88	ф.и.	светло-коричневый	0,31	-	-
200	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/16	кафтан	светло-коричневый	0,61	полотняное	1:1
201	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/17	чулок	бежевый	0,64	полотняное	1:1
202	Балкария	СТОКМ оф.3434	ф.и.	серо-коричневый	0,47	полотняное	1:1
203	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/90	ф.т.	красно-коричневый	0,54	полотняное	1:1
204	Мошевая Балка	СТОКМ оф.29794/15	кафтан	светло-бежевый	0,63	полотняное	1:1
205	Балкария	СТОКМ оф.14442	рубаша	светло-коричневый	0,60	полотняное	1:1
206	Мошевая Балка	СТОКМ без №	ф.т.	красно-коричневый	0,70	-	-
207	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	светло-бежевый	0,46	полотняное	1:1
208	Мошевая Балка	СТОКМ без №	ф.т.	светло-коричневый	0,62	полотняное	1:1
209	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	светло-коричневый	0,49	полотняное	1:1
210	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.и.	светло-коричневый	0,61	полотняное	1:1
211	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	светло-бежевый	0,43	полотняное	1:1
212	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	бежевый	0,58	полотняное	1:1
213	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	бежевый	0,39	полотняное	1:1
214	Улуу-Кол	СТОКМ оф.18624	ф.т.	светло-коричневый	0,40	полотняное	1:1

9	10	11	12	13	14	15	16
лен и пенька	22	14	0,22	0,20	Z	одно	-
лен	16	14	0,10	0,15	Z	одно	-
лен	28	16	0,14	0,11	Z	одно	-
лен	28	18	0,12	0,06	Z	одно	-
лен	16	10	0,19	0,15	Z	одно	-
лен	18	10	0,20	0,16	Z	одно	-
лен и пенька	30	22	0,11	0,09	Z	одно	-
лен	14	14	0,17	0,14	Z	одно	разреженная ткань
лен	22	14	0,14	0,08	Z	одно	разреженная ткань
лен	24	12	0,20	0,20	Z	одно	-
лен	14	10	0,28	0,27	Z	одно	-
лен	28	14	0,19	0,17	Z	одно	-
пенька	28	16	0,14	0,10	Z	одно	-
лен	28	16	0,26	0,19	Z	одно	-
лен	24	20	0,18	0,15	Z	одно	-
лен и пенька	26	16	0,123	0,09	Z	одно	-
лен	14	14	0,16	0,09	Z	одно	-
лен	24	16	0,19	0,11	Z	одно	-
пенька	24	18	0,11	0,80	Z	одно	-
пенька	14	10	0,19	0,12	Z	одно	-
лен	16	10	0,47	0,28	Z	одно	-
лен	18	12	0,23	0,18	Z	одно	-
лен	22	22	0,20	0,18	Z	одно	183, 184 — одно изделие, выполненное из двух тканей разного качества
лен	18	16	0,15	0,12	Z	одно	-
лен	26	16	0,14	0,13	Z	одно	-
лен	12	12	0,21	0,18	Z	одно	-
лен	12	10	0,18	0,16	Z	одно	-
лен и пенька	18	16	0,21	0,19	Z	одно	-
лен	22	18	0,18	0,12	Z	одно	-
лен	24	18	0,19	0,15	Z	одно	-
лен	16	12	0,18	0,16	Z	одно	-
лен	18	16	0,15	0,13	Z	одно	-
лен и пенька	24	16	0,16	0,12	Z	одно	-
лен и пенька	24	16	0,11	0,90	Z	одно	-
лен и пенька	16	12	0,37	0,26	Z	одно	-
лен	14	8	0,49	0,19	Z	одно	-
лен	14	14	0,22	0,22	Z	одно	-
пенька	18	14	0,19	0,17	Z	одно	-
лен	-	-	в 2 сл. 0,33	-	S	два	фрагмент плетеного шнура
лен и пенька	18	16	0,27	0,18	Z	одно	-
лен	18	16	0,36	0,27	Z	одно	-
лен и хлопок	10	10	0,26	0,21	Z	одно	ткань окрашена красной набойкой
лен и шерсть	14	8	0,40	0,33	Z	одно	в изделии была вставлена ткань другого цвета
пенька	12	10	0,18	0,12	Z	одно	-
пенька	16	14	0,35	0,25	Z	одно	-
шерсть	-	-	0,34	0,30	Z	одно	разволокнено
лен	18	14	0,26	0,12	Z	одно	-
шерсть	10	6	0,61	0,54	Z	одно	-
лен	22	14	0,18	0,14	Z	одно	-
пенька	16	12	0,35	0,29	Z	одно	-
лен	24	16	0,19	0,17	Z	одно	-
лен	18	12	0,25	0,20	Z	одно	-
лен и пенька	28	16	0,12	0,08	Z	одно	-
лен	18	16	0,21	0,18	Z	одно	-

Глава 2

КОСТЮМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — XV ВЕКА

2.1. Половецкий ансамбль

В XI–XIV столетиях Северный Кавказ находился под мощным влиянием вначале половцев, затем монголо-татар. Однако степень воздействия кочевников на культуру местных народов не была одинаковой. Археологические памятники убедительно доказывают, что форма женской плечевой одежды принципиально меняется с приходом половцев, задолго до того, как Северный Кавказ был включен в состав Золотой Орды.

Половцы появились в степях Предкавказья около середины XI в. В этот период они переживали период феодализации и, сталкиваясь с земледельческим населением, переходили к оседлости. До установления политического равновесия между половцами и местными народами взаимодействие кочевников и земледельцев проходило в постоянном чередовании набегов и торговых отношений [Греков, 1950, с. 10]. Набеги обуславливались тем, что половцам были необходимы новые земли под пастбища. В первой половине XII в. установилась граница между половцами, аланами и адыгами по течению Кубани, Нижней Малки и Терека, которая определяется главным образом ареалом распространения половецких каменных изваяний в степях Предкавказья. С этого времени аланы и половцы становятся союзниками.

Крушение Хазарского каганата привело к восстановлению независимости и политической централизации Алании, в состав которой входили многие народы Северного Кавказа.

Аланские городища обнаружены на территории Карачаево-Черкесии (Рим-Гора, Нижний Архыз, Хумаринское, Адиух, Кубинское, Кызыл-Кала), Кабардино-Балкарии (Аргуданское, Старо-Лескенское, Терское, Нижний Джулат), Осетии (Киевское, Верхний Джулат), Чечни и Ингушетии (Алхан-Кала). Развитие культуры народов Северного Кавказа в рамках Хазарской империи привело к некоторой схожести материалов и в археологических памятниках X–XII вв., связанных с аланами, адыгами и вайнахами.

К северу от Кубани и Терека жили половцы, чья культура развивалась в рамках общей культуры половецких племен Восточной Европы. Основным источником для изучения средневекового костюма кочевников является каменная половецкая пластика.

Мужской комплекс

Одежда мужчин состояла из кафтана, нательной рубахи, штанов и сапог. В женском костюме были те же элементы, исключение составляли разнообразные головные уборы. В некоторых случаях на мужских и женских изваяниях изображены короткие юбки, надеваемые поверх кафтана, необходимые во время долгой верховой езды для сохранения тепла в области пояса. С документальной точностью воссоздать выкройку половецких кафтанов нельзя. На статуях они изображены плотно облегающими торс, с длинными рукавами и распахнутыми от талии до колен полами. Это — оптимальный для всадника покррой. Кафтаны половцев запашивались налево. Левый запах в костюме тюркских народов отмечают многие исследователи. На отдельных половецких изваяниях можно наблюдать закатанные рукава кафтанов, из-под которых видны длинные узкие рукава нижней рубахи. В некоторых половецких погребениях обнаружены кафтаны с короткими рукавами. Судя по изваяниям, кафтаны украшались галуном по вороту, вдоль рукава, по полам и подолу. Находки М.Г.Мошковой и В.Е.Максименко уточнили, что в некоторых случаях отделка выполнялась из парчи [Мошкова, Максименко, 1971, с. 6]. Эти находки интересны еще и тем, что обнаруживают особенности половецких штанов, которые

Представляли собой две отдельные штанины, надетые до паха, при этом на костях плюсны, предплюсны и пяточных остатков ткани обнаружено не было (там же, с. 16). Подобные штаны-чулки прослеживаются и на каменных изваяниях. Изображенный на китайской статуэтке из частного собрания Э.Уэлса житель Западной Азии также одет в характерные не сшитые сверху штаны (см. Mahler, 1959). Одним из древних названий штанов у тюркских народов Средней Азии — киргизов и узбеков — является слово «шим». На Кавказе у карачаевцев и балкарцев словом «ышым», а у ногайцев «шым» обозначаются ноговицы [Студенецкая, 1989, с. 96–97]. Половцам были известны и штаны традиционного покроя, которые носили еще гуннские воины. Такая деталь костюма очень удобна для всадника.

Обувь на всех статуях однотипна — это связанные сапоги с мысообразным выступом, которые при помощи крючка и ремней закреплялись на поясе. Крючки археологически зафиксированы в половецких погребениях. Подобная манера крепления сапог пряжками и ремнями к поясу показана на китайской статуэтке более раннего периода из собрания музея в Торонто (см. [Mahler, 1959]), изображающей половецкого воина эпохи Тан (618–907).

На поясах половецких воинов подвешивались самые разнообразные предметы: кресла, гребни, ножи и, конечно, оружие. Однако на скульптурных изображениях половецких воинов не прослеживаются многочисленные бляшки, которые у алан являлись знаком воинского достоинства.

Поскольку практически на всех мужских изваяниях изображены люди в шлемах, о других головных уборах ничего определенного сказать нельзя. Правда, на венгерских миниатюрах конца XIV в. куманы (одно из половецких племен) одеты в остроконечные шапки с загнутыми вверх полями. Но на этих миниатюрах все кочевники, в том числе и древние венгры, изображены в подобных головных уборах.

Женский комплекс

Походная жизнь, связанная с ездой на коне, сформировала у кочевников единый комплекс мужской и женской одежды, состоявший из распашного кафтана, нижней рубахи, штанов и сапог. Разнообразием и сложностью отличались только женские головные уборы.

Практически все женские кафтаны на половецких изваяниях имеют округлый ворот или стоячий воротничок, длинные рукава, в некоторых случаях закрученные, как и на мужских статуях; иногда, впрочем, они были короткими. Украшения женской плечевой одежды гораздо богаче, чем у мужской. Женские кафтаны расшиты по низу, полам, плечам, рукавам и вороту, а в некоторых случаях полностью прикрывала швы. В качестве отделки использовались шелковые узорчатые ткани, вышивка и аппликация. Под кафтан половецкие женщины, как и мужчины, надевали нижнюю рубаху. Судя по некоторым изваяниям, изображающим сидящих женщин, где полы кафтана заправлены в штаны, их поясная одежда также отличалась от мужской: те же штаны, сапоги с мысом, прикреплявшиеся к поясу посредством ремня с крючком или пряжкой. На всех женских изваяниях присутствует изображение пояса, который служил для подвешивания ремня, зеркала, сумочек и т.д.

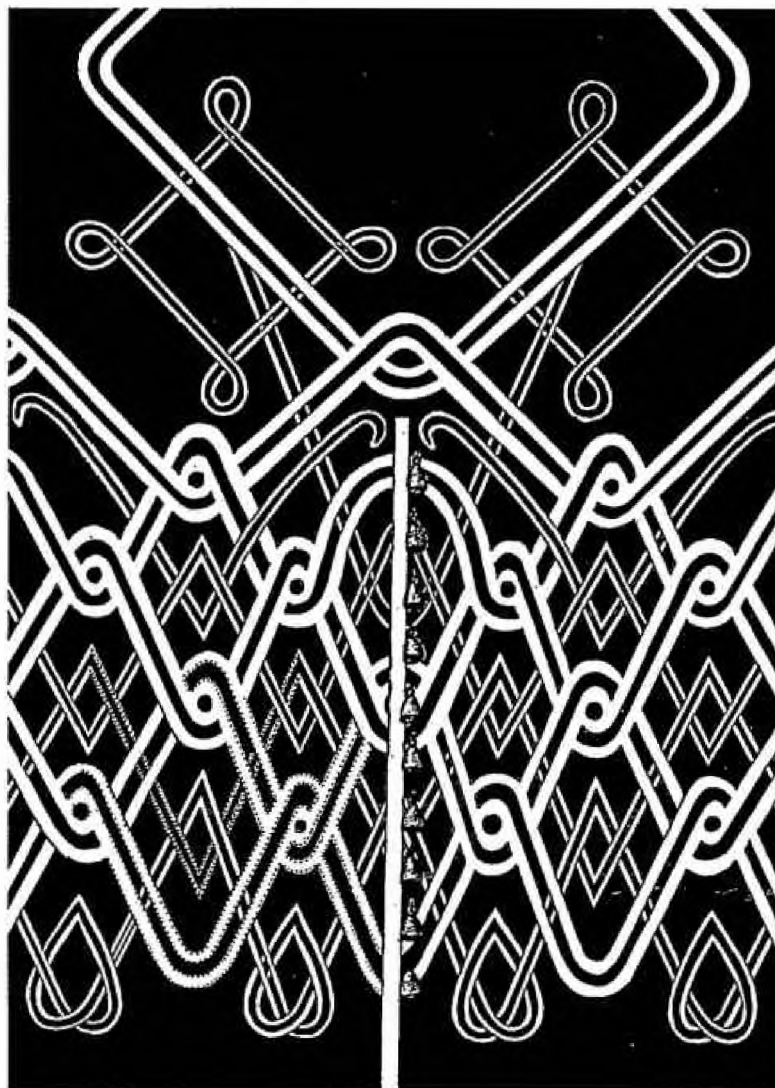

Рис. 33. Фрагмент кожаного кафтана. Могильник Змеиский (находка В.А.Кузнецова)

Fig. 33. Gilded leather appliqué on the leather of a kaftan skirt with a side slit decorated with bronze bells. The entire ornament was cut out of a single leather piece and sewn over the kaftan with various types of stitching. The wider strips (0.5 cm) were sewn on by stitches on two sides. The narrower strips (0.2 cm) have one line of stitches along the center line so that the seam threads braided the leather strip in a plait-like manner. Part of a leather kaftan. From the burial mound of Zmeiski (excav. by V.A.Kuznetsov)

Характерным признаком костюма женщины-матери были особые головные уборы. Они отличались крайней сложностью и разнообразием. С.А.Плетнева отмечает, что это были «сложнейшие прически, составленные из „шляпы“, волос, лент, цепочек и колец» [Плетнева, 1958, с. 210]. Исследователь выделяет три типа головных уборов. К первому относятся шляпы с высокой тульей и изогнутыми полями, с нее на спину спускалась лопасть, которая прикрывала косы, последние иногда заключались в специальные футляры — на статуях они

Рис. 34. Фрагмент орнамента на рукаве кафтана. Змейский могильник (находка В.А.Кузнецова)

Fig. 34. Part of the ornament of a kaftan sleeve from the burial mound of Zmeiski (excav. by V.A.Kuznetsov)

изображены всегда с насечками в отличие от мужских изваяний. По обеим сторонам лица тоже выпускались косы. Они продевались в серебряные колечки, нашитые на войлочные валики, образуя так называемые «рога». Второй тип головных уборов — это небольшие круглые плоские шляпочки с цепочками, спускающимися по щекам к ушам. Сзади затылок прикрывался небольшой лопастью и перехватывался лентой. Третий тип головных уборов — низкие плоские «шляпы», аналогию которым С.А.Плетнева находит у современных кочевых народов.

Своего ткацкого производства у половцев не было. Текстиль покупали или добывали во время набегов. В «Слове о полку Игореве» читаем: «Утром в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девок половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие аксамиты. Ортмами, япончицами и кожухами стали мосты мостить по болотам и топким местам — и всяким узорочьем половецким» [Слово о полку Игореве, 1974, с. 75]. Под «паволокой» здесь понимаются все шелковые ткани, привозимые на Русь. «Аksamиты» — бархатная или атласная парча, ткани ручной выработки из шелка и пряденой золотой нити. «Узорочье» — дорогие разукрашенные вещи всякого рода, но более всего термин применим к тканям. «Япончица» — спанча, вид плаща вроде бурки, «кожух» — разновидность кафтана, подбитого мехом.

Несомненно, некоторые виды одежды половцы изготовляли из войлока и кожи. Аппликация из кожи по коже и, в подражание этому приему, аппликация из ткани — древнейший вид украшения одежды пастушеских народов [Берладина, 1960, с. 126].

Половцы совершали торговые операции в Судак, о котором арабский историк Ибн аль-Ассир (1160–1233) пишет: «Этот город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их» (цит. по [Тизенгаузен, 1884, с. 25–26]).

Тесные контакты степных кочевников с местным населением Предкавказья повлияли на изменение костюма у оседлых племен.

Тюркская мода была широко распространена на Кавказе в тот период. Об этом можно судить по грузинским фрескам XI–XIII вв. В церкви в Бетана изображены царица Тамара и царь Георгий III с Георгием Лашой. Последний одет в кафтан с отворотами, полы и низ которого отделаны парчой. На длинных рукавах — нашивки выше локтя. Под кафтан надета нижняя рубаха (см. [Алибегашвили, 1989, табл. 10]). На другой фреске из церкви в Бертубани кафтан Георгия Лаши запахнут, но на рукавах те же нашивки, полы и низ обшиты тесьмой. Фрески датируются XII–XIII вв. В церкви Архангелов в Ипрари, расписанной художником Тевдоре в 1096 г., на фреске, изображающей Георгия Победоносца, попирающего Диоклетиана, оба героя одеты по тюркской моде: в распашных халатах, отделанных парчой, с сужающимися к запястью рукавами, также декорированными шелком, и в мягких кожаных сапогах, закрывающих колено. На фреске Нузальской часовни по тюркской моде одеты ктитория: у всех

кафтаны с левосторонним запахом. На Атоне кафтан с короткими рукавами, обшитый по швам декоративным кантом. Короткие рукава или нашивки видны на кафтане Пидораса, его кафтан и кафтан Елии имеют боковые разрезы. У Сослана под кафтаном надета нижняя рубаха или нижний кафтан. Эта одежда имеет стоячий воротник и застегивается на круглые пуговицы, пришитые на планку и на воротник. Аналогична одежда Давида. Кафтаны Атона и Пидораса подпоясаны.

Интересно, что по тюркской моде одеты и оруженосцы византийского императора Иоанна VI Кантакузина на миниатюре XIV в., изображающей придворную церемонию [Boucher, p. 152, pict. 243].

2.2. Костюмы местного населения второй половины XI — XII века

Итак, Северный Кавказ оказывается под влиянием тюркской моды. Не удивительно, что с этого времени в развитии форм местного костюма намечаются новые тенденции. Образное содержание, структура и базовая форма женского наряда претерпевают коренные изменения. Существенные новшества появляются и в ансамбле мужского костюма.

Мужской костюм

Прежде всего следует отметить, что для этого периода характерен одинаковый покрой мужской и женской верхней плечевой одежды. Это распашной кафтан, отрезной и присобранный по линии талии. В женских погребениях В.А.Кузнецовым зафиксированы стоячие воротники, на мужской одежде ворот оформился отворотами [Кузнецов, 1958]. Осевой разрез одежды прослеживается по вертикальным линиям бубенчиков, располагавшихся по центру костяков и использовавшихся в качестве застежек. В отдельных случаях застежкой служили бронзовые пуговицы или трехлепестковые бронзовые бляшки с бубенчиками, располагавшиеся также по осевой линии.

В нескольких катакомбах Змейского могильника в мужских и женских погребениях сохранились фрагменты отрезных кафтанов со сборкой по талии, а в 44-й катакомбе на одном из костяков найден кафтан, где линия талии была подчеркнута рядом бронзовых бубенчиков. Он имел длинные рукава, обшитые по краям бубенчиками или металлическими бусинками. На некоторых экземплярах бубенчиками были обшиты низ и борта. Как правило, такие кафтаны шили

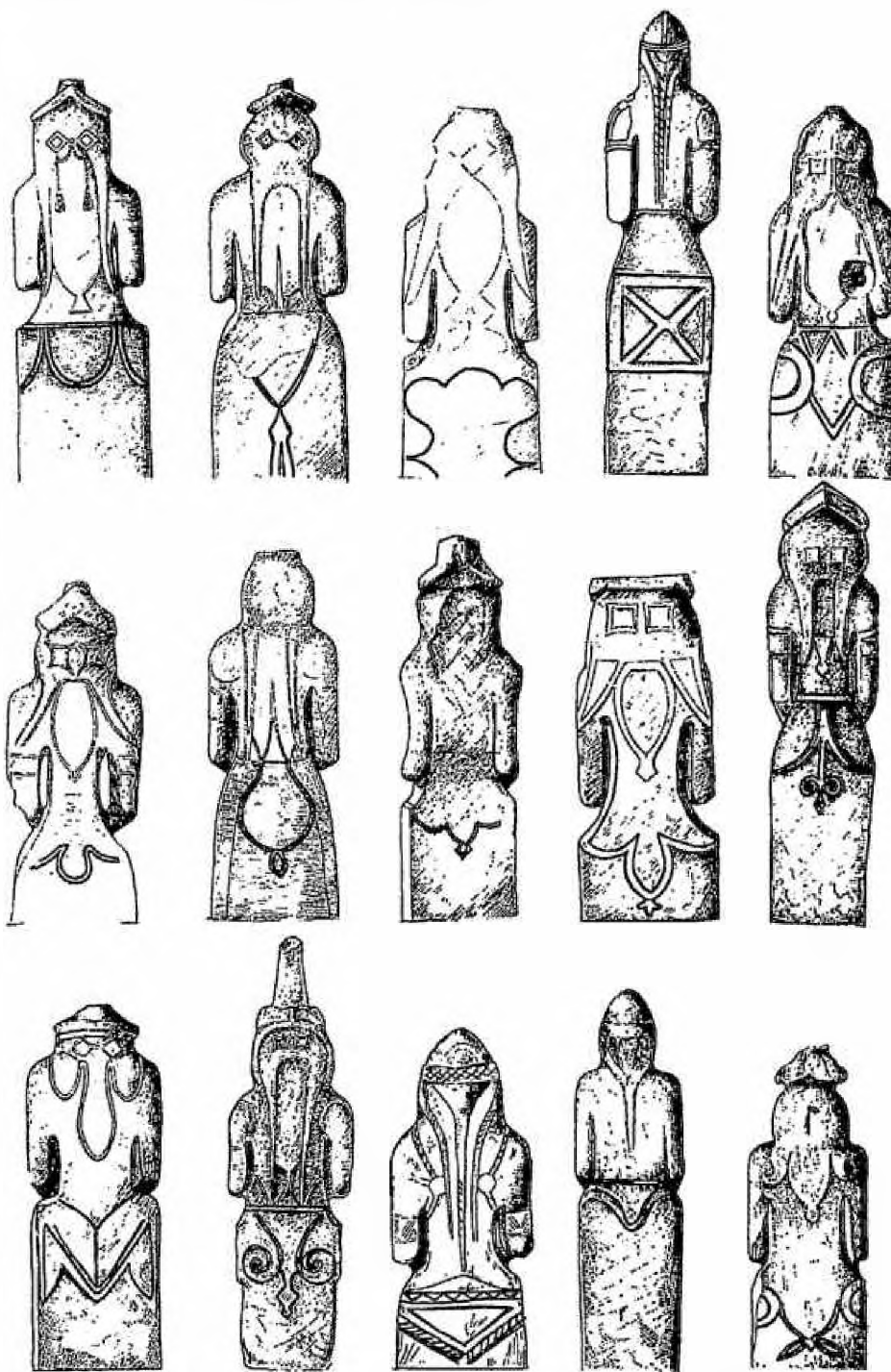

Рис. 35. Элементы бельдемчи на половецких изваяниях

Fig. 35. Beldemch elements of Polovtsian sculptures

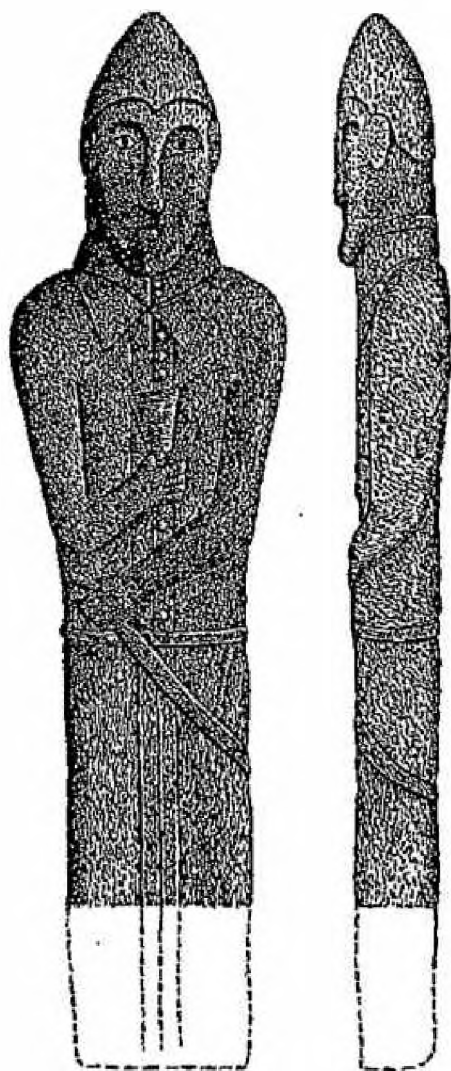

Рис. 36. Аланское изображение воина с Длинной Поляны. XII в.

Fig. 36. Alanic statue of a warrior from Dlinnaya Poliana (12th c.)

из более тонких тканей, чем нижние. В 5-й катакомбе В.А.Кузнецов отметил под верхней тонкой тканью грязно-коричневого цвета другую, более плотную ткань, покрытую белой краской, поверх которой был нанесен орнамент, выполненный розовым и голубым цветами. Из тонкой шелковой ткани выполнен обнаруженный в 14-й катакомбе кафтан, надетый поверх кожаной одежды. К сожалению, по отчету трудно восстановить ее покрой. Т.Д.Равдоникас, которая, видимо, была знакома с данным артефактом, отметила, что это «длинный до пят халат, сшитый из кожи, с застежками бабочковидной формы посередине груди, с прямой линией треугольных бронзовых бляшек, с подвешенными к ним миниатюрными бубенчиками у плеч и суживающимися к кисти рукавами» [Равдоникас, 1990, с. 98]. Можно добавить, что халат имел боковые разрезы, обшитые бронзовыми бубенчиками. Данный вывод сделан на основе анализа кожаного фрагмента этой одежды, орнамента, имеющего в нижней части законченный характер, технологии прикрепления аппликации к основе, а также сохранившегося обметочного шва, которым обработаны края разреза.

Удалось восстановить орнамент кожаной аппликации на нижней части халата. Она была вырезана из цельного куска кожи и припята к основе различными стежками. Широкие полосы (0,5 см) пришивались стежками на прокол с двух сторон. На узких полосках (0,2 см) видна одна линия проколов по центру, так что нитки шва ошлепают кожу в виде косы. Эта аппликация выполнена местными мастерицами, по-видимому заложившими основы традиции, которая в дальнейшем нашла продолжение и развитие в кавказском национальном золотом шитье. Такая вышивка мастериц Предкавказья является тоже своего рода аппликацией, выполненной из отдельных мотивов, вышитых золотой или серебряной нитью, которые затем нашиваются на фон. При этой технологии золотые нити прикрепляются к основе декоративных элементов тончайшим шелком. Такие приемы декора, распространенные у многих скотоводческих народов, ведут начало от аппликации из кожи, войлока или ткани.

Сохранившиеся фрагменты орнамента на рукаве кожаного халата говорят о том, что он имел купонный характер — плотно сжатый внизу, он постепенно разряжается вверх. Мотивы цветка, выполненные из золоченой кожи на рукаве, встречаются в бронзовых бляшках, которые украшают сумочки, обнаруженные в Змейском и Римгорском могильниках. Рисунок плетенки в декоре рукава встречается и в орнаменте изделий из Рим-Горы: на крышке резной деревянной шкатулки, на ручке бронзового ситечка, на складном бронзовом амулете, а также на других предметах местного производства (см. [Фидаров, 1990, табл. СХХIV, рис. 20, 128, 96 (276), 160 (13), 188 (12ж)]). Вероятно, у этого варианта плетенки византийские истоки.

Он широко применялся и в убранстве окладов икон и крестов в грузинских храмах XI в. Из отчета В.А.Кузнецова явствует, что под кожаным кафтаном была надета другая одежда, выполненная из белой ткани, вероятно — нижняя рубаха.

В одном из мужских погребений Змейского могильника был зафиксирован кафтан из тонкой шерстяной ткани со стоячим воротником. Кафтан застегивался на бубенчики. На груди с обеих сторон были нашиты бронзовые бубенчики по семь штук в ряд, «наподобие кавказских газырей» — отмечал в археологическом отчете В.А.Кузнецов.

На женских кафтанчиках, имеющих аналогичный покрой, ворот оформлен иначе. В большинстве случаев это стоячий воротничок, обшитый бусинами, бубенчиками и бляшками. Как видно из погребального инвентаря, дополнением к нему служили шарфы. В 15-й катакомбе Змейского могильника зафиксирован шарф шириной до 8 см, внутренний и нижний края которого были обшиты бронзовыми сердцевидными прорезными бляшками с подвешенными к ним бубенчиками. Шарф был обернут вокруг стоячего воротника и спускался по плечам на платье, имевшее вертикальный разрез и оригинальную сквозную застежку. На одной поле были нашиты золоченые трехлепестковые прорезные бляшки

со вставками из цветного стекла и золочеными бубенчиками, на другой — золоченые трилистники, у вершин которых на поле сделана петля. Бубенчики с противоположной стороны служили пуговицами. Всего зафиксировано девять пар застежек и петель. Под этим кафтаном был надет короткий коричневый жилет, расшитый кожаной аппликацией и застегивавшийся на три бубенчика. Под тканью жилетки найдены кусочки дерева. Подобный вид одежды мог выполнять функции корсета.

И наконец, еще один вид одежды зафиксирован в катакомбах Змейского могильника. В 9-й катакомбе в области живота и под поясницею одного из костяков были найдены два больших куска кожи. Одинаковые по форме и размерам, они имели овальный нижний край и множество дырочек вдоль прямого верхнего края, в которых кое-где сохранились обрывки пропущенной сквозь них кожаной нити или узкого кожаного ремешка. Такие же фрагменты кожи, обшитой бубенчиками, встретились и в других катакомбах. Возможно, эта особая набедренная деталь костюма, которая была заимствована аланами у половцев.

На некоторых половецких изваяниях подолы спинок кафтанов украшены сложными орнаментальными мотивами, связать которые с кроем кафтана не представляется возможным. Чаще всего они встречаются на женских изваяниях, но в двух случаях зафиксированы и на мужских статуях. Эти орнаменты состоят из завитков, ромбов, бантов, лент и лопастей. По нашему мнению, здесь можно говорить еще об одном виде одежды, детали которой на статуях не проработаны и она обозначена лишь в виде декора. Это важная функциональная часть кочевнического, в частности половецкого, костюма — набедренные юбки. Их шили из кожи, меха, но чаще всего из войлока, на котором эффектно выглядели аппликации контрастного цвета. Набедренная юбка должна была сохранять тепло в области поясницы и при частой езде в седле препятствовать быстрому истиранию кафтана, сшитого из дорогого шелка.

Среди этнографических параллелей можно отметить такой вид одежды в киргизском национальном костюме: *бельдек* в мужском комплексе и *бельдемчи* в женском. Эту одежду украшали богатой вышивкой разноцветным шелком. В киргизском костюме покрой и декор *бельдемчи* служит показателем культурных традиций, связанных с разным происхождением отдельных групп киргизского народа [Махова, 1979, с. 205–207].

Соотнести все те изваяния, где есть условные изображения *бельдека*, с конкретной местностью сложно, так как лишь у некоторых из них известно точное место находки¹. Но все они локализируются в междуречье Днепра и Дона. Возможно, этот элемент костюма был характерен для половцев, кочевавших на данной территории.

Очевидно, что *бельдек* — характерный признак костюма кочевников, имеющий давние традиции. Подобную поясную одежду удастся проследить на средневековых изображениях тюрков. Так, некоторые персонажи эскорта уйгурского принца, изображенные на картине-свитке VIII–IX вв., одеты в *бельдек* [Macfarquhar, 1972, p. 36]. На другой картине-свитке «Лучник и конь», припи-

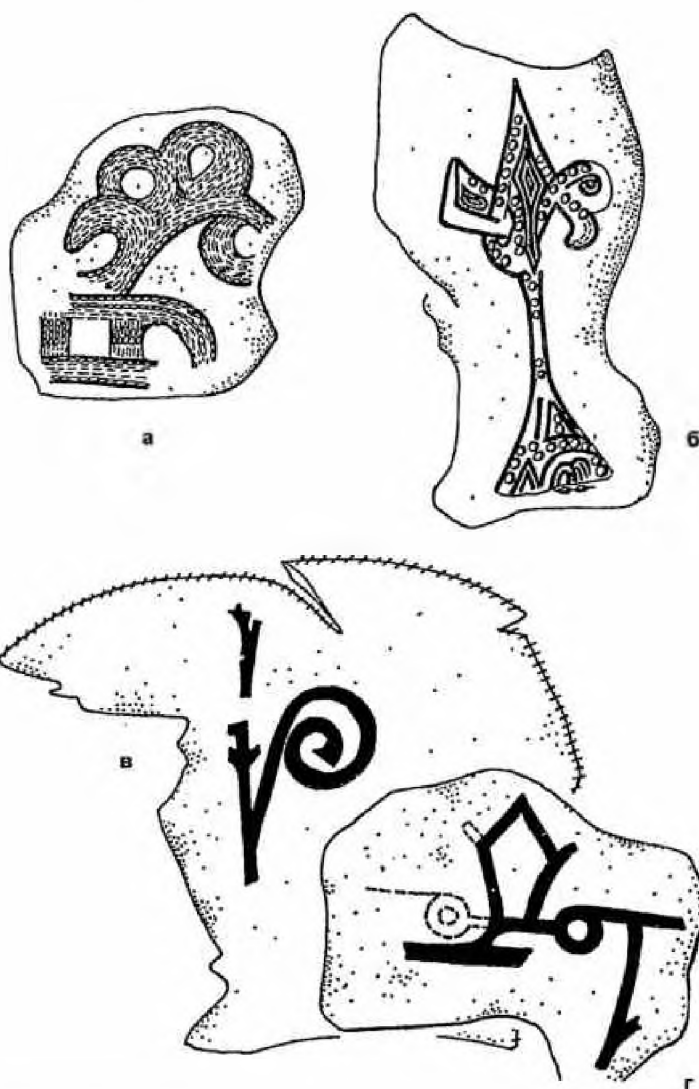

Рис. 37. Приемы декора одежды и обуви. Могильник Рим-Гора (находка А.П.Рунича): а — вышивка шелком; б — аппликация шелковым шнуром и металлическими бусинками; в, з — аппликации из позолоченной и посеребренной кожи

Fig. 37. Ways of decorating clothes and shoes (from Rim-Gora, excav. by A.P. Runich).

a — Silk embroidery; б — Appliqué with silk cord and metal beads; в, з — Appliqué on gilded and silvered leather

¹ Свитка № 1 (по нумерации С.А.Плетневой) была найдена в селе Дубовая Балка Верхнеднепровского района; № 133 — в селе Благовещенка Запорожской области; № 250 — в Красноармейском районе Донецкой области; № 1233 — в Аскании-Нова; № 1286, 1287 — в селе Ступки Верхнеднепровского района Донецкой области (см. [Плетнева, 1974]).

сываемой Ли Цзанжуа (X в.), хранящейся в Национальном дворце-музее в Тайбэе, на охотнике изображен бельдек [Smith, Van Goven, 1979, p. 154].

Этот вид одежды средневековых кочевников, в литературе пока не исследованный, представляет особый интерес для атрибуции поясной одежды, встреченной в аланских захоронениях XI–XII вв. и не имеющей себе аналогов в этнографическом кавказском костюме.

Интересно отметить, что изображения набедренных юбок преобладали на женских половецких изваяниях, а в аланских катакомбах бельдек зафиксирован

главным образом в мужских погребениях. Факт существования этого вида одежды не вызывает сомнения, так как в предшествующий период ничего подобного в аланском костюме зафиксировано не было. Эта мода носила временный характер, и в дальнейшем такая поясная одежда не нашла своего места ни в мужском, ни в женском кавказском костюме.

Однако факт бытования данного вида одежды интересен с точки зрения динамики культуры. Он отчетливо показывает механизм восприятия инновации и ее отторжения на определенном этапе. Юбка предохраняла от порчи кафтан, богато отделанный золотом. В то же время она защищала всадника от погодных невзгод. Однако последнюю функцию, очевидно, выполняла и бурка, поэтому со временем, когда декор мужского платья упростился, отпала и необходимость в набедренной защитной одежде.

Головные уборы были четырех видов: конусообразные, овальные с треугольными наушниками, шлемовидные и венчики. Первые две разновидности встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях. В отличие от головных уборов VII–IX вв., сшитых из нескольких кусков ткани, в XI–XII вв. их изготовляли из двух деталей. Как правило, использовались два материала — более плотная основа и шелк, которым она покрывалась сверху. Все эти шапочки богато орнаментированы бляшками, металлическим бисером, бубенчиками, а также матерчатыми лентами с выложенным на них орнаментом из бронзовых бляшек. У овальных головных уборов были различные металлические навершия. В данном случае нельзя рассматривать головной убор как показатель половозрастной принадлежности или социального статуса. В Римгорском могильнике был обнаружен шлемовидный кожаный головной убор, скроенный из двух половинок,

характерной для VI–IX вв. формы с конусовидным верхом. Видимо, архаические формы еще сохранялись, но имели уже другой, более упрощенный покров. С.С.Кусаева отметила еще один вид специфически женских головных уборов — это венчики, выполненные из кожи на матерчатой основе, орнаментированные обычным способом: бляшками и бубенчиками [Кусаева, 1956, с. 211].

Обувь в целом остается одинаковой для мужчин и женщин, однако обувь, найденная в Змейском могильнике, несколько отличается по покрою от экземпляров из Рим-Горы. В катакомбах Змейского могильника обувь представлена кожаными сапогами с длинными носами. Они обтянуты тканью со швом по центру подъема. На этой линии, а также по верху обуви пришивали бубенчики или бляшки. Римгорская обувь сшита по более сложной выкройке, напоминающей сапожок из Хасаута и сапожок-талисман из Архыза. В изобразительном искусстве X–XIII вв., например на грузинских фресках и чеканках, запечатлевших святых воинов, они представлены в мягких кожаных сапогах с треугольным мысом, закрывающим колено. На чеканном триптихе, изображающем апостолов и святых воинов из церкви в Чукули, герои обуты в сапоги, покров которых аналогичен хасаутскому экземпляру (см. [Чубинашвили, 1959, № 45]).

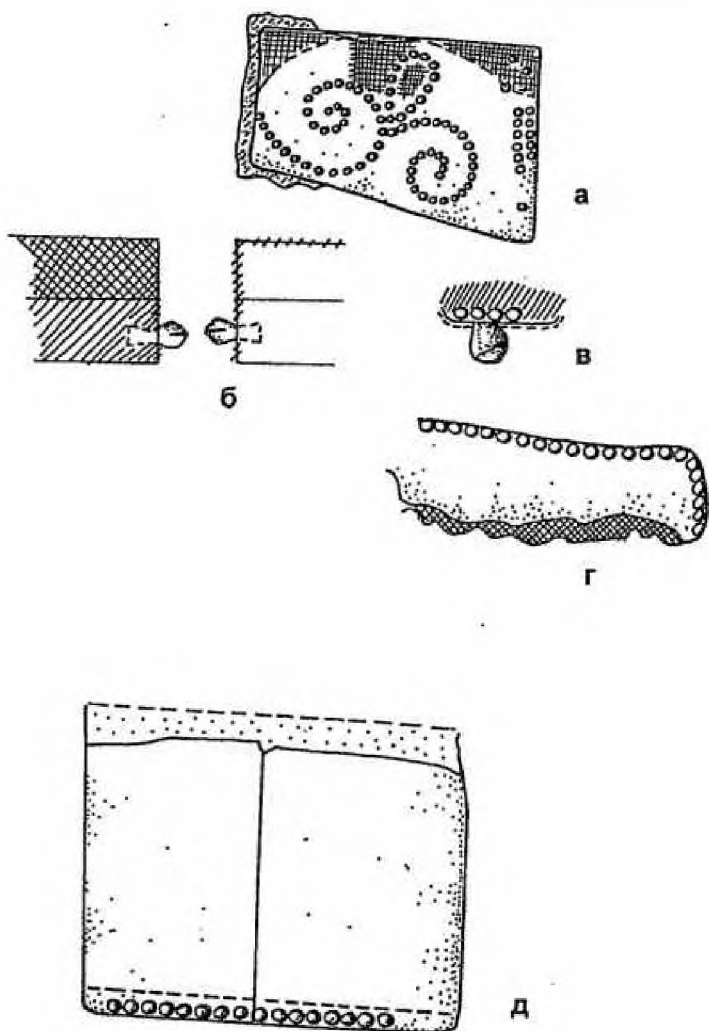

Рис. 38. Приемы декора одежды бронзовыми бусинками и бубенчиками. Могильник Рим-Гора (находка А.П.Рунича): а — отделка стоячего ворота; б, в — оформление застежки; г — отделка края рукава

Fig. 38. Ways of decorating clothes with bronze beads and bells (from Rim-Gora, excav. by A.P.Runicb). a — Trim of upright collar; б, в — Decorated clasp; г — Trim of sleeve cuff

Со временем, однако, эта мода исчезает. На изображениях святых воинов XV в. виден уже другой, более упрощенный фасон обуви (см. [Amiganasvili, 1971]). В декоре обуви из Рим-Горы помимо бляшек, металлических бусин и бубенчиков применяли аппликации из золоченой и посеребренной кожи.

В некоторых захоронениях обнаружены сапоги, целиком обтянутые тканью. Возможно, жители Змейского городища использовали подобную обувь как ритуальную, ибо обтяжка тканью делает ее непригодной для повседневного использования. Яркий пример такой ритуальной обуви был обнаружен в Пазырыкских курганах. Это женские сапожки, подошвы которых расшиты кристаллами пирита и бисером [Баркова, 1973, с. 15].

В крое мужского костюма XI в. еще не заметны принципиальные изменения: это все тот же приталенный распашной кафтан, рукава которого сужаются к запястью. Лишь отвороты ворота, встречавшиеся в аланском платье в VII–IX вв. эпизодически, как заимствования из тюркской моды, становятся в XI–XII вв. нормой. Кафтаны с такими отворотами встречаются на изображениях алан того времени. Например, один из них можно видеть на аланском изваянии XII в. из Ставропольского музея. Меняется и манера ношения костюма: поверх длинного кафтана надевали короткий, иногда с короткими рукавами.

Некоторые сведения имеются и о мужских прическах. Аланы заплетали волосы в косички и соединяли вместе по несколько штук бронзовыми круглыми бляшками, что зафиксировано в 15-й катакомбе Змейского могильника. Подобные прически изображены и на половецких изваяниях. С.А.Плетнева выделяет несколько вариантов «косоплетения» у половцев: три равные по длине и толщине косы; толстая средняя коса на затылке, две другие, параллельные ей, тоньше и короче; средняя коса — толстая, а две боковые значительно тоньше и короче, заплетенные почти у висков, на шее они подведены под углом к центральной и спускаются вниз параллельно ей; три равные косы (две на висках, одна в середине затылка) соединились на шее или немного ниже в одну; одна длинная коса [Плетнева, 1974, с. 33]. Исследователь считает разницу в плетении кос, равно как и отсутствие последних, важным этнографическим признаком. На наш взгляд, внешние отличия тюрков, выражающиеся в прическах («Здесь были и „бреющие головы, и носящие косы“, и воины, имевшие образ женщины с распущенными волосами» [Гадло, 1979, с. 135]), могли быть существенным социальным показателем.

По имеющимся на сегодняшний день археологическим данным, такого же разнообразия причесок у народов Северного Кавказа проследить не удастся. На некоторых мумифицированных мужских костяках в памятниках VII–X вв. были зафиксированы коротко остриженные волосы. Косы у мужчин археологически засвидетельствованы только в аланских памятниках половецкого времени.

Женский костюм

В XI–XII вв. разительные перемены происходят в покрое женского платья. Туникообразное платье сменяется распашным отрезным кафтаном, аналогичным мужскому, ясно прослеживаются стоячий воротник и осевой разрез платья, чего не было в VII–X вв. По мнению автора данных строк, кафтан носили поверх традиционного платья, которое стало нательной рубахой. На месте запястного кармана в рубахах делали вставку из другой ткани, которая, очевидно, имитировала древнюю традицию. В женских погребениях отмечается манера ношения костюма, аналогичная мужской. Поверх длинной одежды надевали короткий кафтанчик. В этнографическом материале фиксируется идентичность покроя мужского и женского платья, которая характерна для археологического костюма начиная с XI в.

Половцы, видимо, повлияли на появление в женском головном уборе народов Предкавказья новых форм, а именно цилиндрических шапочек с плоским дном, широко распространенных в этнографическом костюме черкешенок, кабардинок, карачаевок и балкарок.

Явное влияние степных народов видно в изменении приемов отделки костюмов народов Предкавказья. Если в VII–X вв. в качестве основного декоратив-

Рис. 39. Знатная монголка XIV в. Реконструкция А.А.Кроткова с иранской миниатюры

Fig. 39. A noble Mongolian woman of the 14th c. (Ulu-Khatun). Reconstruction by A. Krotkov

ного элемента убранства одежды, головных уборов и обуви использовали шелк, причем главным образом в виде цветowego пятна, то в X–XII вв. для украшения платья применяли металлические бляшки и кожаные аппликации по коже.

Еще одним вариантом декоративной отделки было использование металлического галуна, которым выкладывали орнамент или рисунок. В некоторых случаях междузорное пространство заполняли металлическими бусинками. Таким способом украшены кожаная сумочка треугольной формы с изображением

Рис. 40. Монгольская императрица династии Юань

Fig. 40. The Mongolian Empress, Yuan dynasty

фантастического чудовища и фрагмент кожаной попоны, на котором представлены сидящие на дереве и клюющие ягоды павлины с опущенными хвостами. Для заполнения пространства между образующим рисунок сутажом на попоне использованы металлические бусины. В этой же технике выполнено изделие, кожаный фрагмент которого найден в могильнике Рим-Гора, но узор в данном случае выполнен шелковым шнуром.

Металлические бусинки использовались иногда как самостоятельный материал для создания орнамента. Например, фрагмент шелка с растительными мотивами из Рим-Горы вышит металлическим бисером. В некоторых экземплярах одежды и обуви в качестве декоративного приема использованы наливные металлические бляшки.

Таким образом, приемы декоративного убранства костюмов XI–XII вв. весьма разнообразны. Это и кожаная аппликация, и вышивка металлическим галуном, сутажом или шелковым шнуром и бусинами, и использование металлических нашивных бляшек для создания орнамента.

С XI в. под влиянием степных кочевников изменяются формы украшений, и прежде всего серег.

Материалы из Змейского катакомбного могильника говорят о популярности височных колец, причем как среди мужчин, так и среди женщин. Подобные украшения бытовали в тот период и на территории Карачаево-Черкесии [Кузнецов, 1963, с. 157]. Этот вид украшений был широко распространен в течение длительного времени. Височные кольца из витой проволоки обнаружены в христианском могильнике на городище Джулат [Милорадович, 1963, с. 104]. Височные кольца с несомкнутыми концами характерны для мужских погребений в Белореченских курганах XIV–XV вв. [Левашева, 1953, с. 204].

Височные кольца в полтора оборота, серьги с напускными бусинками и с подвесками в виде шариков обнаружены археологами в слоях X–XIII вв. (см. [Алексеева Е.П., 1964, с. 160; Милорадович, 1963, с. 105]). Их бытование следует рассматривать в данный период как архаичное. Повсеместно фиксируется иная форма серег — в виде знака вопроса с обвитым спиралью стерженьком и различными подвесками: одна бусинка из сердолика, гроздь из нескольких металлических шариков или из жемчуга. Подобные украшения характерны и для более поздних периодов XIV–XV вв. (см. [Марковин, 1961, с. 101, рис. 44, 5; Милорадович, 1963, с. 102–104, рис. 5, 4–6; рис. 8, 4–5; Минаева, 1954, с. 283; Левашева, 1953, с. 204 и др.]).

Серьги в форме знака вопроса были распространены на широкой территории Евразии. Их можно встретить и среди украшений кочевников Казахстана и Средней Азии XI–XIV вв., и в числе изделий средневековых болгарских ювелиров, и в кочевнических могильниках у Саркела–Белой Вежи. Во многих исследованиях последних лет этот вид украшения рассматривается как «метка» Золотой Орды.

Помимо серег в форме знака вопроса на Северном Кавказе зафиксированы крупные серьги с напускной биконической бусиной, по центру которой проходит двойной поясик из витой проволоки. Экземпляры, аналогичные кавказским, обнаружены в комплексах женских половецких погребений, а их изображения встречаются на половецких каменных изваяниях.

Среди аксессуаров костюма следует отметить туалетные принадлежности, которые женщины иногда носили в качестве украшений. К ним относятся

ногтечистки, копоушки, пинцеты, флакончики, гребелки с частыми и редкими зубчиками и зеркальца, хранившиеся в кожаных футлярах. Эти туалетные принадлежности этногенетически связаны не только с аланской культурой, но и с предшествующей ей культурой сармат. Некоторые наборы представляют собой произведения ювелирного искусства, как, например, обнаруженный в 14-й катакомбе Змейского могильника позолоченный медальон, к которому на серебряных шнурах прикреплены ногтечистки, копоушка и округлый шио-ский флакончик с крышкой. На лицевой стороне флакона изображена птица. Видимо, такая манера ношения туалетного набора на складных медальонах была распространена среди женского населения Змейского городища в XI–XII вв., что подтверждает найденный в 7-й катакомбе еще один медальон-складень с изображениями павлинов.

2.3. Костюмы эпохи сложения и расцвета Золотой Орды. XIII — первая половина XIV века

В XIII–XV вв. на этнической карте Северного Кавказа появились современные названия. Согласно сообщению архиепископа Иоанна де Галонифонтибуса, «страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножия гор, на побережье Черного моря» [Галонифонтибус, 1980, с. 16]. Территорию предгорий центральной части Северного Кавказа в начале XIV в. заселяли кабардинцы. В XIII–XIV вв. карачаевцы и балкарцы как единая народность населяли высокогорную и предгорную зоны Центрального Предкавказья. Расселившиеся в горах Кавказа осетин грузинский хронограф называет овсами, а их страну — Овсети или Осетией.

Названия «чеченцы» и «ингуши» в письменных источниках XIII–XIV вв. еще не встречаются. Так, патриарх Грузии Ефрем называет «народы нахче» предков чеченцев и ингушей [История народов Северного Кавказа, 1988, с. 239], передавая таким образом самоназвание обоих народов.

Период XIII–XIV вв. на Кавказе проходил под знаком Золотой Орды. Яркими и разнообразными были костюмы этого времени. На Северном Кавказе, входившем в западные владения улуса Джучи (Белая Орда), жили адыги, нахи, аланы, половцы, монголы, купцы из разных стран, приезжавшие с товарами в крупные города Орды.

В 1271 г. монгольский хан Хубилай покорил южную империю Сун, и монголы заняли Центральную равнину Китая. Завоевав Китай, монголы подчинились ему в культурном отношении, и китайские художественные представления и символы докатились до Кавказа эхом красивой сказки.

Вместе с монголо-татарами на Северный Кавказ хлынули роскошные восточные ткани, захваченные с другой добычей во время бесчисленных набегов. Часто на тканях, выполненных в китайских мастерских, цветочный ромб, пионы, хризантемы или рассеянные букеты цветов чередуются с изображениями драконов, попугаев, соколов и соловья. Мотивы китайского искусства запечатлены на серебряной посуде, бронзовых бляхах поясов, обнаруженных в кочевнических погребениях Северного Кавказа.

Правый запах монгольского платья является четким этническим признаком. Этот обычай монголы, очевидно, переняли у китайцев. Однако в предкавказских степях не обнаружено типичных признаков монгольского костюма — правого запаха и *бокхи* (характерного головного убора монгольских женщин). Эти признаки известны нам не только по изобразительным источникам и из сведений иностранных путешественников, но и по археологическим материалам, оставленным монголами в памятниках нижнего течения Волги.

Рис. 41. Фрагмент ткани нижнего мужского бешмета. Могильник Джухта-2 (находка А.Б.Белинского). См. также ил. 33

Fig. 41. Part of the cloth of a lower man's beshmet (from Djuchta-2, excav. by A.B. Belinsky). See Pl. 33

Наиболее яркими являются костюмы монголок из мавзолея Увска, раскопанного А.Кротковым в 1913 г. Поскольку описание находок характеризует одежду знатных монголок, в том числе и живших на территории Северного Кавказа, приведем его полностью:

«Если облечь в плоть и кровь те кости, что покоились в первой могиле, одеть их в найденную здесь одежду и головной убор со всеми украшениями, то перед нами предстанет знатная монголка XIV века, или улу-хатунь, как их в то время

величали. Она средних лет, не особенно полная, несколько ниже среднего роста. Лицо ее несколько широкое, скуластое, с узким прорезом глаз, тонкими черными бровями, окрашено белилами. Черные волосы на голове, заплетенные в мелкие косички, собраны на макушке в особый волосной длинный и узкий столбик, на который наде-та тончайшего плетения шелковая сетка. Голова этой женщины покрыта особом рода мягкой шапочкой из красной шелковой, затканной в узор золотыми нитями (гладь) материи. Шапочка эта, плотно облегающая голову, на лоб спускается широким полукруглым фестоном, а сзади, разрезанная от верхушки надвое, в виде узкой косынки, идет до конца лопаток. На макушке шапочка вытянута несколько в виде усеченного конуса с отверстием в 4 см, а по бокам, над ушами, имеет прида-

Рис. 42. Фрагмент ткани нижнего мужского бешмета. Могильник Джухта-2 (находка А.В.Белинского). См. также ил. 34

Fig. 42. Part of the cloth of a lower man's besmet (from Djuchta-2, excav. by A.V.Belinsky). See Pl. 34

ки из той же материи, в виде двух узких крылышек птицы (кречета?), обращенных концами назад. Сзади, по разрезу, шапочка стягивается на голове целым рядом шелковых ленточек, завязанных в бантики. Близ верхнего отверстия шапочки и на затылке — два банта из более широких и прочных шелковых лент. В верхнее отверстие шапочки пропускался волосной столбик из кос хатуни. Вокруг него из отверстия же поднимался тростниковый пустотелый стержень в 4 см диаметром и 21 см длиной. Он-то верху шапочки для устойчивости охватывался широкою лентою, завязанною на макушке, позади стержня, в широкий бант. От верхнего конца стержня под прямым углом шел вперед искусно приделанный, плоский сверху и полуовальный снизу, особый при-даток в 19 см длины, напоминающий своею формой утиный нос, но перевернутый низом вверх. Все это сооружение — и стержень и при-даток — оклеены красным, гладким шелком, а стержень крутом убран серебряными ажурными бляш-ками в виде полулуний, сердечек и т.п. со вставленными глазками из жемчуга и камешков. По верху носика, почти во всю его длину, до центра тростниково-го стержня, лежала из золоченого дерева пластинка, задний конец которой оканчивался деревянной выпуклой розеткой. Из центра этой розетки на 9 см вверх поднимался из золоченого дерева еще стержень в карандаш толщиной, усажженный четырьмя парами попеременно сидящих листочков из серебря-ной проволоки, обвитой зеленым шелком. Этим же шелком, надо полагать, заткано было в узор и поле листиков. От концов верхней пары листиков к корешкам нижней спускались на шелковых или конских волосках нити жемчуга, зерна которого были не крупнее конопляного семечка. Верх укра-шен павлиньими перьями. Красоте и знатности этого головного убора, ко-торый некоторые авторы называют „бокка“, другие „бохтаг“, а иные „гу-гу“, не совсем соответствовало своей простотой и примитивностью одеяние

Непосредственно на ее тело был надет зеленый тонкого тканья, узорчатый шелковый халатик из зенденя. Он имел вид длинной, расширяющейся книзу кофты, с длинными, узкими и мелкосборчатыми к концу рукавами. Халатик спускался до колен, имел спереди во всю длину разрез, усажженный в виде елочки с горизонтальными ветвями, пуговками и петлями из черного шелкового четы-рехгранного плетеного шнура. Пуговицы были величюною с мелкою горошинку и представляли хитро завязанный узелок. Рукава халатика были не вшивные, как это кроится у нас, а скроены вместе со спинкою, концы же рукавов, где сборки, нашивные.

Сверху исподнего халатика, служившего, по-видимому, вместо рубашки, на ней был надет очень широкий и длинный, доходивший до пят, с широкими же колоколовидными рукавами, другой халат из тяжелой шелковой материи серовато-дымчатого цвета серебряного тканья разводами и цветами (парча). Халат без воротника, лишь оторочен тесьмой. На груди имеет полукругло-скошенные полы. Ни пуговиц, ни завязок на халате не заметно. По-видимому, халатик лишь запахивался. Во время ходьбы он, наверное, поддерживался девушками-камеристками, как это описано у Ибн Батуты в его путешествии в Золотую Орду.

Руки этой женщины были украшены серебряными тонкими изящными браслетами. На ногах же были надеты оранжевого цвета мягкие, шелковой материи особого тканья, сапожки. Верхний край голенищ их был вышит в мелкий крестик темно-коричневым или черным шелком, узор городчатый, зубцами вверх; вдоль голенища спереди нашиты в несколько рядов разноцветные шелковые шнуры.

Вложив в руки нашей хатуня принадлежности ее туалета — тонкорезанный из дерева с украшениями болгарского типа гребень и металлическое, круглое, с серебристой поливой, зеркало, — мы будем иметь почти законченный портрет ее» [Кротков, 1915, с. 127–129].

Из описанных А.Кротковым вещей в наше распоряжение попал фрагмент нижнего кафтанчика. Его ткань — зеленый шелк с желто-коричневым орнаментом, образованным жаккардовым однослойным переплетением нитей утка и основы. Фон ткани выполнен тафтяным переплетением, а орнамент саржевым (1:3). Основную роль в рисунке играют нити основы, первоначально зеленого цвета, нити утка были окрашены розовым (красным?) пигментом. Толщина ткани 0,14–0,17 мм; плотность (на 10 мм) по основе — 20, по утку — 78 нитей. Основные нити толщиной 0,05 мм практически не имеют крутки. Утки очень тонкие — 0,02 мм, направление крутки — правостороннее (Z). Нити основы и утка — в одно сложение.

Исследуя костюм монголки, Кротков отмечает не просто ее знатное происхождение, он ставит эту женщину очень близко к ханскому двору и видит в ней одну из жен хана Токтогула. Это предположение автор основывает на наличии в погребении бокки — головного убора законных жен монгольских владетелей, и его интерпретации в описаниях арабского путешественника Ибн Батуты, посетившего Орду хана Узбека в XIV в.

Подтверждением предположения Кроткова служат сообщения Джованни дель ПIANO Карлини (XIII в.) об одежде монгольских замужних женщин: «Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли. На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот убор имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо, и этот (убор) нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном, или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины. Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины» (цит. по [Сычев, 1973, с. 44]).

Несколько иной фасон костюма найден в женском захоронении, обнаруженном Д.В.Васильевым в другом мавзолее Поволжья золотоордынского времени: «На дне гроба расчищен костяк женщины, лежащей на спине. Головой на восток, лицом вверх. Погребенная была одета в два халата — нижний и верхний. Верхний халат-накидка застегивался встык, не запахиваясь, пуговицами из тесьмы, связанной в узелки. По левой полке халата, по вороту и груди располагается девять пуговиц с интервалами около 4 см. По правой полке —

Рис. 43. Фрагмент ткани нижнего мужского бешмета. Могильник Джужта-2 (находка А.Б.Белинского). См. также ил. 35

Fig. 43. Part of the cloth of a lower man's beshmet (from Djucbia-2, excav. by A.B. Belinsky). See Pl. 35

девять петель, расположенные аналогично. Отсюда видно, что халат застегивался лишь на груди, снизу же был распахнут свободно. Цвет халата — темно-коричневый с остатками штампованного золотой краской орнамента. Длина халата от ворота до подола — 101 см. Передняя часть халата состоит из двух полок — левой и правой, выкроенных каждая из цельного куска ткани. Спинка собрана из двух аналогичных половинок со швом посередине между ними. Швы между передними и задними частями халата проходят по бокам и плечам

Рис. 44. Ткань верхнего халата знатного воина, вытканна жаккардовым полутораслойным переплетением шелковых нитей основы и утка. Могильник Джухта-2 (находка А.Б.Белинского). См. также ил. 38

Fig. 44. The fabric of the top robe is done as a layer-and-a-half of interwoven weft and warp silk threads (from Djukhta-2, excav. by A.B. Belinskij). See Pl. 38

до краев манжет на рукавах. На боках халата имеются разрезы (несшитые швы) длиной 53 см. Выше разрезов на 14 см ткань передних и задних деталей выкройки собрана в три передних и три задних сборки-защипа, образующих высокую подгрудную талию. Плечи халата от манжеты до манжеты на рукавах образуют прямую линию. Ворот вшивался встык в вырез горловины. Глубина ворота — 6 см. Рукава имели длину от ворота до края манжет 36 см и проем по краю манжет 22 см. Ширина манжет — 6 см. Ширина всего халата по подолу — 132 см, подол слегка закруглен. К коричневой парче верха халата изнутри пришивалась светло-желтая шелковая подкладка. Нижний халат имел длинные рукава и был сшит из парчи красного цвета с глубоко проштампованным, хорошо сохранившимся орнаментом, нанесенным золотой краской. Длина халата — 122 см, ширина по подолу — 71 см. От края до края манжет по рукавам и плечам — 201 см. Столь длинные рукава могли носиться только собранными в сборки либо с напуском на кисти рук. Передняя левая полка собрана из четырех частей: из двух частей груди и двух частей полы. Ширина левой полки по талии — 55 см до бокового шва. Длина полы халата от талии до подола — 75 см. По талии через каждые 5 см ткань полы сшита в 11 двойных сборок. Еще одна располагается на левом боковом шве. Ворот шириной 6 см из ткани темно-коричневого цвета пришивался к выкройке груди встык. По правому краю полки через 5 см располагаются три сшитые из темно-красной тесьмы завязки длиной 22 см и шириной 1 см. Высота груди от талии

до шва по плечу — 52 см. Длина плечевого шва от ворота до первого кругового шва на рукаве — 34 см. Часть рукава, таким образом, является цельнокроеной с полочкой. Однако, судя по оставшейся длине рукава (53 см), он собран из трех сужающихся к манжете деталей, сшитых между собой поперечными круговыми швами и одним продольным. Плечевой шов по рукаву не прослеживается. Аналогичным образом сшит правый рукав. Ширина манжеты — 6 см, проем — 12 см. Манжета имела темно-коричневый цвет. Правая внутренняя полка халата отличалась шириной. По подолу она составила 36 см, по талии — 32 см. На правом боковом шве располагались тесемки длиной по 22 см. Ясно, что халат носился с правым запячем и завязывался на правом боку на три тесемки.

К правой части выкройки груди, от талии до ворота, была пришита манишка шириной 13 см. На левом краю манишки зафиксирована тесемка из желтой ткани длиной 20 см. Судя по всему, она должна была утягивать правую полку, чтобы та не выбивалась из-под ворота при движении. Однако нигде внутри халата не обнаружено парной ей тесемки. Спина кроена из четырех частей: из двух равных верхней части спины и двух равных частей полы. По спине проходят два основных шва — продольный (от ворота до подола) длиной 122 см

и по талии длиной 61 см. Подкладкой халату служит также желтая тонкая шелковая ткань.

Справа от погребенной располагались остатки берестяной бокки, обтянутой тонкой шелковой тканью с золотой штамповкой. К вершине берестяного „сапожка“ крепился деревянный султанчик длиной около 27 см. Основанием султанчика служил шестилепестковый плоский деревянный цветок, пришитый на матерчатую основу бокки. Рядом с левой и правой височными костями погребенной были обнаружены золотые серьги в форме знака вопроса.

На костях ног обнаружены остатки кожаных сапог с матерчатой аппликацией в верхней части олений» [Васильев, 1998, с. 103–106].

Приведенное Д.В.Васильевым описание весьма ценно, так как дает полное представление не только о внешнем облике данного костюма, но и о пропорциях кроя, что весьма важно для реконструкции аналогичных находок одежды, которые не сохранились полностью. Васильев предлагает свои варианты реконструкции халатов, орнамента ткани и головного убора. Однако из описания нижнего халата вовсе не следует, что его подпоясывали, как это показано на реконструкции автора. Более того, атрибуция данного костюма как половецкого, предложенная Васильевым, является ошибочной. Ведь по существу автор указал все устойчивые признаки, характерные для монгольского наряда и в более поздние времена: правый запах, бокка, отсутствие пояса. Вот как описывал костюм монгольских женщин монах Иакинф в начале XIX в.: «Воротник прямой, а имеет левую полу наверху и по бокам разрезной есть самое древнее их обыкновение... Женщины редко употребляют мужское одеяние, а носят кафтаны несколько отличного покроя без пояса, сверху же надевают телогрею, наподобие фуфайки: без рукавов» [Иакинф, 1828, с. 174–176].

О смене девичьего костюма и прически после свадьбы рассказывает Рубрук: «Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу.

Она носит рубашку такой ширины (как куколь монахини), но, в общем, более широкую и длинную и спереди разрезающую, которую они завязывают на правом боку.

Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое „бокка“, из древесной коры или другого материала. И это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками, длинное оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту „бокку“ они покрывают шелковой тканью, над упомянутым четырехугольником они ставят прутик, этот прутик украшают сверху павлиньими перьями и т.п., а также драгоценными камнями.

Богатые госпожи полагают это украшение поверх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади кверху головы, как бы в один узел и потом крепко завязывают под подбородком» [Рубрук, 1957, с. 99].

Исследователи отмечают, что археологически бокка фиксируется только в погребениях женщин зрелого и старческого возраста, а девушки до 20 лет носили шапки без наверхия [Мыськов, 1995, с. 42].

Таким образом, в монгольском женском костюме как знаковой системе можно выделить этнические и социальные признаки. Правый запах надежно определяет монгольскую этническую принадлежность, в отличие от половцев и алан, запахивавших одежду налево. Бокка и отсутствие пояса — знаки

Рис. 45. Головной убор из мужского захоронения в могильнике Джухта-2 (находка А.В.Балинского). См. также ил. 36

Fig. 45. The headgear from a man's grave in the burial mound of Djubhta-2 (excav. by A.V. Balinskij). See Pl. 36

замужней женщины и в то же время показатели этнической принадлежности, так как женщины других народов подобных головных уборов не носили, а пояс являлся в их костюме важной конструктивной деталью.

Описанные археологические находки были обнаружены исследователями в памятниках, оставленных монголами, кочевавшими в низовьях Волги и зимовавшими в поволжских городах Золотой Орды. Собственно в степях Предкавказья подобные памятники практически не известны, за небольшим исключением.

В карьере у города Новонавловска Ставропольского края был обнаружен склеп с богатыми захоронениями¹. Уцелевший женский костюм состоял из халата, мягких кожаных сапог и головного убора. Все предметы сохранились фрагментарно.

К сожалению, восстановить полный крой халата уже не представляется возможным. Очевидно только то, что это распашная одежда, имевшая поперечный шов ниже линии талии. Халат внутри завязывался на шелковые тесемки и был посажен на подкладку из шелка полотняного переплетения, наподобие китайской тафты. На какую сторону запахивался халат, установить не удалось. Сверху он был перетянут шелковой зеленой тканью, свернутой в виде пояса. Рукава имели прямую широкую пройму и были свободны в области запястья.

Шелк халата первоначально был красного цвета с растительным орнаментом. Основная ткань выполнена шелковыми нитями утка и основы одинаковой толщины — 0,6 мм. Сложный рельефный тканый узор образуется комбинированием основного саржевого и уточного саржевого переплетений, в то время как фон выполнен полотняным переплетением. Толщина ткани — 0,24 мм. Средняя плотность ее на 10 мм по основе — 21, по утку — 51 нить. Уточная нить без крутки, в два сложения. Основная нить в одно сложение скручена влево (S). На ткани сохранились следы золотого декора, причем в одних случаях это прядное золото, а в других — золотая набойка поверх тканого узора. Раппорт состоит из цветов и листьев пиона. Интересно, что похожий орнамент обнаружен на образце китайского шелка в коллекции древних и средневековых тканей музея в Киото. Там хранится «ширма для чайника», принадлежавшая японскому императору, в которой использован фрагмент ткани с аналогичным узором. Каталог свидетельствует о том, что эта ткань была изготовлена в ткацких мастерских Китая эпохи Мин (1369–1644) [Катамура, 1986, № 16].

Ткань верхнего пояса изготовлена из шелковых нитей основы толщиной около 0,07 мм, утка — 0,03 мм (толщина ткани 0,22 мм), со вставками ажурного перевитого переплетения (толщина ткани 0,17 мм). Внутренний пояс состоит из двух фрагментов тканей разных типов. Ткань одного выполнена

полотняным переплетением из шелковых нитей основы и утка одинаковой толщины — 0,04 мм. Толщина ткани — 0,21 мм, на ней заметны следы позолоты. Ткань второго фрагмента изготовлена перевитым ажурным переплетением из шелковых нитей основы и утка одинаковой толщины (0,04 мм). Химический анализ состава частиц металла на первом фрагменте показал, что это сплав золота, серебра и меди.

От головного убора сохранились фрагменты бересты и сужающийся сверху берестяной каркас, обтянутый шелком. На шелк нашиты четырехлепестковые серебряные бляшки с позолотой. В гнезда этих бляшек был вставлен мелкий речной жемчуг. Совершенно очевидно, что к головному убору относились и обнаруженные в склепе золотые ромбические украшения с жемчужными вставками.

¹ Аварийные работы на памятнике проводил И.А.Охонько, К сожалению, археологический отчет о раскопках в Новонавловском карьере не составлялся. Мы руководствуемся только теми материалами, которые хранятся в фондах СГОКМ [Доде, 1993, с. 10–11].

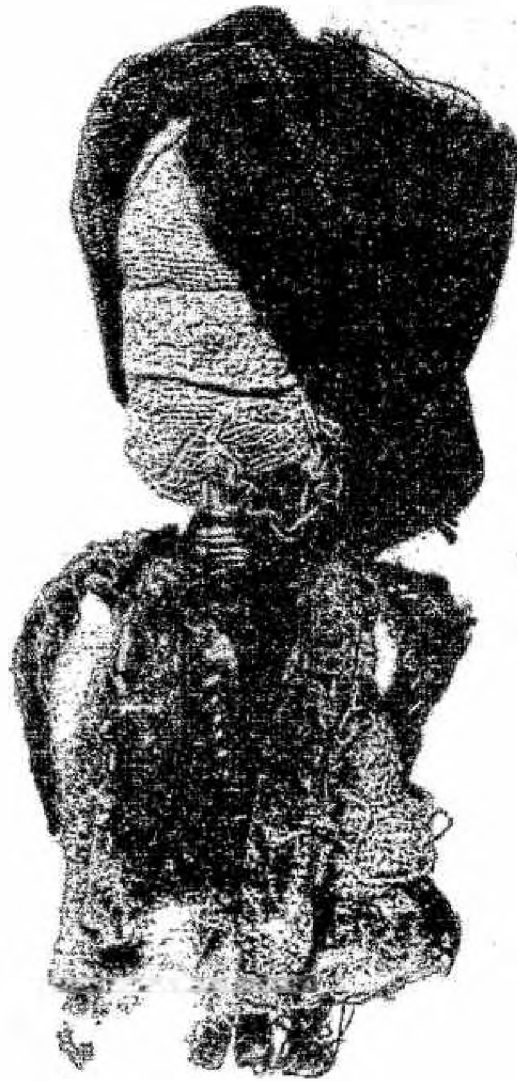

Рис. 46. Кукла, торс которой сделан из гусиного пуха, а голова из холста, на который намотан тюрбан из синей ткани

Fig. 46. A doll. The basic material is goose feathers. The head is of canvas wrapped in a turban of blue fabric

На основании сохранившихся фрагментов трудно с достоверностью реконструировать головной убор. Но гипотетически это можно сделать, поскольку ромбические золотые украшения аналогичны тем, что встречаются на лентах ~~этих~~ монгольских императриц династии Юань (XIII в.).

Вероятно, найденный близ Новопавловска головной убор является разновидностью бокка, но не расширяющейся, а сужающейся кверху. Аналогию такой форме можно найти в культуре кочевников Казахстана и Средней Азии XIII—XIV вв. Так, известен высокий конический убор, изготовленный из двух листов тонкого серебра: «По нижнему краю головного убора, а также спереди и сзади по вертикали имелся тисненый орнамент в виде двух рядов плетений („косички“). На полях были сделаны отверстия диаметром до 1 мм для пришивания серебряных листов к мягкой подкладке или шапочке» [Степи Евразии, рис. 72, № 71].

Головной убор из Новопавловского склепа обтянут шелком, полотняного переплетения с узором в виде участков перевитого ажурного переплетения, расположенных в шахматном порядке. Кроме того, на ткани виден печатный орнамент из стилизованных цветов, выполненных красителем белого цвета, а также остатки позолоты. На шелк нашиты четырехлепестковые серебряные с позолотой украшения. Головной убор крепили на голове с помощью широких лент, которые проходили под подбородком и завязывались сзади в большой бант. Сверху на эти ленты были нашиты ромбические золотые украшения.

Среди тканей этого костюма были обнаружены фрагменты кружев очень тонкой работы, представляющих собой не тесьму, а полотно. В соответствии со свидетельством китайского автора XIII в. Чань Чуня о том, что монгольские «замужние женщины надевают на голову бересту фута в два вышины и покрываются сверху черной фатой, а богатые женщины красною сырцовою фатой» (цит. по [Сычев, 1973, с. 45]), в нашей реконструкции в качестве этого элемента головного убора использовано кружевное полотно.

Погребенная была обута в длинные мягкие кожаные сапоги с мысом, закрывавшим колено. У сапог не было ни подметок, ни каблучков.

Среди найденных украшений — отдельные бусины, золотые серьги в форме знака вопроса и сердоликовый перстень. Дополнением костюма являлись мешочки-амулетницы, заполненные травой, и разнообразные подвески из янтаря, а также железный нож, железные ножницы и бронзовое зеркало, которые в жизни могли носить на поясе, амулеты же располагались на груди. Кожаные амулетницы, которые в склепе находились в районе головы погребенной, по известным аналогиям монгольского костюма, располагались на перевязи. Такие мешочки-обереги из материи или кожи, заполненные, как и в данном варианте, травами и семенами, у таджиков служили для изгнания «злых духов». Набор амулетов на ленте через плечо — типичный элемент этнографического костюма казанских татар. Неясно, существовала ли у тюрок собственная традиция носить подобные амулеты или это аланское влияние, относящееся к иранской культурной традиции.

Из-за неясности некоторых деталей данный костюмный комплекс сложно рассматривать как стройную знаковую систему. Неопределенный запах и наличие пояса на верхнем платье не позволяют уверенно атрибутировать его как монгольский. К тому же головной убор отличается от классических монгольских бокк, описанных современниками и обнаруженных в надежно атрибутированных монгольских памятниках.

Среди украшений костюма из Новопавловска были обнаружены полоска золотой фольги, лунный серп и диск — видимо, нашивки на рукава халата. In situ данные украшения зафиксированы не были. Перед нами стоит задача расположить их в реконструкции на правом и левом рукавах халата.

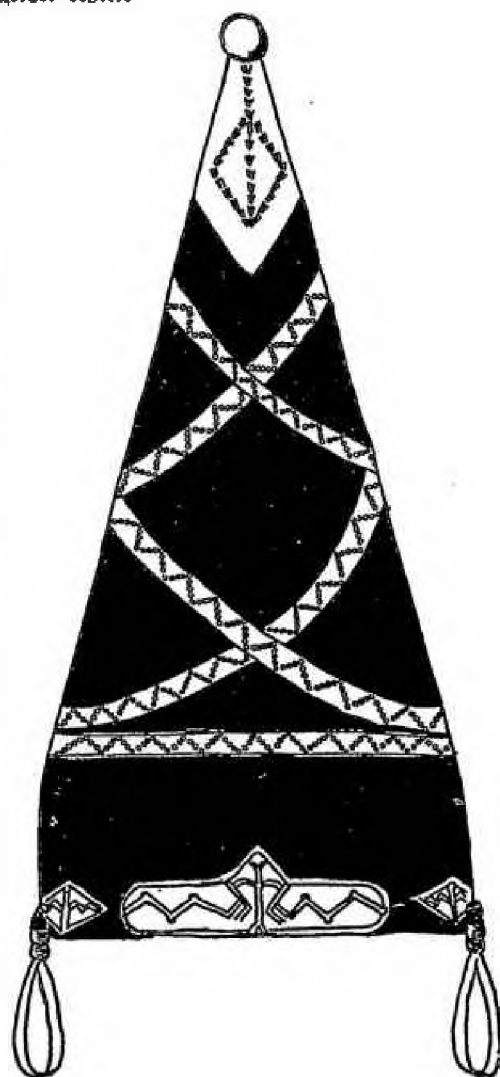

Рис. 47. Конусовидный головной убор из могильника Карт-Джурт (находка Х.Х.Биджиева)

Fig. 47. Cone-shaped headgear from the burial mound of Kart-Djurt (excav. by Kh.Kh.Bijiev)

Вопрос об определении места лунницы и солярного диска неизбежно подводит к проблеме осмысления кочевниками окружающего пространства. Известно, что в Китае был распространен культ Юга, культ Полуденного солнца. Исследователи отмечают, что у тюркских народов ориентация могла быть различной. Часть тюрков ориентировалась на Восходящее солнце, т.е. восток означал «вперед», запад — «назад», юг — «направо», север — «налево» [Кононов, 1978, с.76–77]. Другие, в том числе и ногайцы, предпочитали Полуденное

солнце, поэтому впереди у них был юг, сзади — север, справа — запад, слева — восток [там же, с.79–81].

Монголы ориентировались на Полуденное солнце, т.е. на юг. На юг всегда обращен вход монгольской юрты. «Слова „юг“ и „перед“, так же как и „север“ и „задний“, являются синонимами. Понятия „западный“ и „правый“ обозначаются одним словом — *баруун*; „восточный“ и „левый“ — словом *зуун*» [Жуковская, 1988, с.157].

Вероятно, монголы переняли культ Юга у Китая. При Чингисхане этот культ становится официальным для всей зависимой от монголов степи. Правда, у многих

тюркских и монгольских народностей до сих пор сохраняется культ Востока [Кононов, 1978, с.78].

Интересно отметить, что с приходом монголов изменилась ориентация кочевнических погребений. Как уже отмечалось, монгольская пространственная ориентация была на юг, тогда как у тюрков — на восток. Исследователи отмечают, что под влиянием монголов у кочевников появляются погребения, где покойник расположен головой на север так, чтобы он смотрел на юг, хотя ранее погребали головой на запад, так что его взгляд был обращен на восток [Федоров-Давыдов, 1966, с.159]. Отсюда очевидно, что солярный диск, связанный с востоком, следует разместить на левом рукаве халата, а лунницу — на правом. Однако определение местоположения украшений не исчерпывает вопроса об их знаковом содержании. Высокий имущественный статус погребенной, а следовательно, и ее привилегированное социальное положение предполагают в рассмотренных символах не просто обозначение сторон света.

Известно, что на территориях, которыми владел улус Джучи, существовало два государственных образования, в правом западном крыле — Белая Орда, а в левом восточном — Синяя Орда [Жуковская, 1988, с.155].

Так какая же информация заключена в символах небесных светил, размещенных на левой и правой руках погребенной в Новопавловском склепе женщины? Оставим этот вопрос без ответа, ибо пока можно только строить предположения.

В XIII–XIV вв. основным населением Кавказского улуса Золотой Орды, как и раньше в Децит-и Кипчаке, оставались половцы. В связи с тем, что территория, на которой проживали половцы, археологически пока мало исследована, находок тюркских захоронений ордынского времени здесь не много. Тем более интересны находки в могильнике Джукта-2, исследованном на северо-востоке Ставропольского края¹.

Во втором кургане в двух погребениях, совершенных по половецкому обряду в ямах с заплечиками, сохранились комплексы мужского и женского костюмов. В результате расшифровки их как знаковой системы была получена следующая информация. Погребенный в кургане мужчина был одет в костюм,

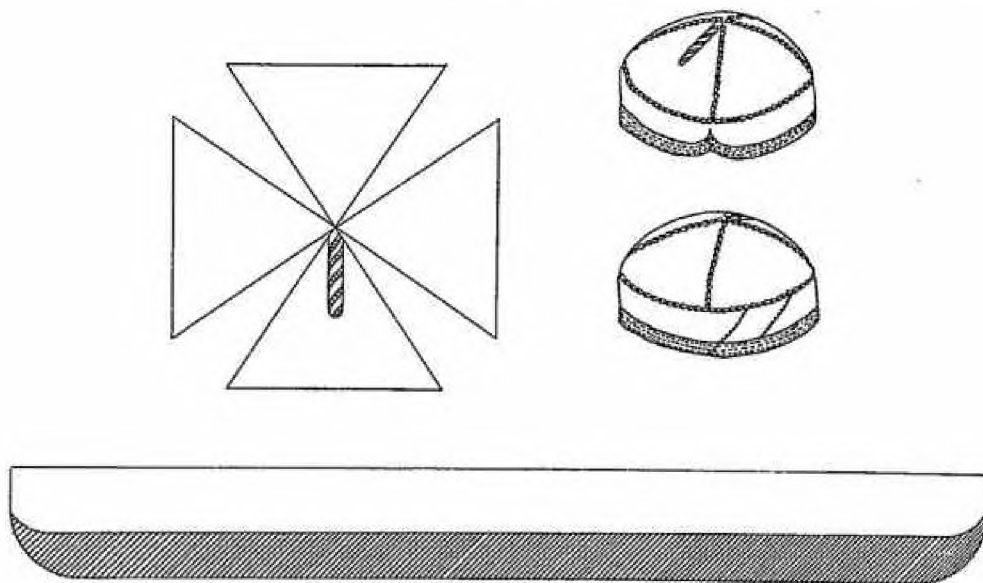

Рис. 48. Рисунок мужского головного убора — тобетайки. Основная ткань шапочки первоначально была зелено-коричневого цвета с золотыми нитями. Макушка была украшена кисточкой. Радиальные швы и шов по околышу выколнены в виде косычек. Могильник Зарагиз (находка В.Х.Атабиева)

Fig. 48. Man's fez. The principal fabric of the hat was originally green-brown with gold threads. The top was decorated with a festoon. The radial seams and the cap-band seam were similar to a plait. From Zaragizh (excav. by V. Atabiyev)

¹ Раскопки А.Б.Белинского, 1998 г.

удобный для всадника. Его одежда состояла из приталенного бешмета, раскле- шенного и с распахивающимися полами. Подобный костюм носили аланы, мон- голы, адыги и нахи. До пояса бешмет застегивался на часто пришитые мелкие матерчатые пуговицы. Поверх бешмета был надет распахной халат, запахнутый налево и перехваченный поясом с железными бляшками. Стоячий воротник и застежка бешмета были видны в разрезе халата. Длинные узкие рукава бешмета спускались до кисти из-под коротких и широких рукавов халата.

И халат и бешмет спиты из красного, затканного золо- тыми цветами шелка. Бешмет выполнен из ткани со слож- ным узором, образованным жаккардовым полутораслойным переплетением шелковых нитей утка и основы. Параллельно нитям основы расположены нити, оплетенные растянутой спиралью, образованной напоминающим золото веществом желтого цвета на черной клеевой основе. Плотность ткани на участках полотняного переплетения (на 10 мм) по осно- ве — 28, по утку — 28 нитей; на участках, образующих узор: по основе — 28, по утку — 12 нитей. Нити основы в одно сложение, утка — в два. Крутка нитей утка и нитей, переви- тых золотом, правосторонняя (Z), у нитей основы она прак- тически отсутствует. Толщина нитей с золотой оплеткой — 0,07 мм, нитей основы — 0,03 мм, сдвоенных нитей утка — 0,01 мм.

На узорной ткани бешмета, среди асимметрично распо- ложенных растительных мотивов, изображены фигуры дра- конов и летящих гусей. Драконы выполнены в характерной китайской манере, сочетающей в фигуре фантастического существа части различных животных: голова льва с разве- вающейся гривой, змеиное туловище, покрытое рыбьей чешуей, на изогнутых лапах — орлиные когти. «С этим свое- образным чудовищем китайской фантастики связано поня- тие о благодати, ниспосылаемой людям. Вначале оно олице- творяло собою плодоносную воду, облака, горные вершины, небо и т.п., впоследствии, приобретая значение могущества и совершенства, оно становится символом императорской власти (со времени династии Хань)» [Соболев, 1934, с. 175].

Гусь изображен с раскрытыми крыльями и длинной изогнутой шеей. На его голове — «корона» в виде распустившегося цветка. Весьма реалистично пере- даны оперение, лапы, глаз, анатомическое строение тела птицы.

По характеру художественного исполнения к дракону на этой ткани наибо- лее близки изображения фантастических, причудливо изогнутых животных на алой китайской парче XIV в. из музея в Штральзунде (Германия) (см. [Собо- лев, 1934, с. 181, рис. 108]). Драконы в обеих композициях изображены «в силь- ном и бурном движении, с напряженной мускулатурой, оскаленными ртами, развевающимися гривами и вылуценными когтями, свирепые и полные ярости» [Там же, с. 182]. Драконы и птицы вытканы на кинкадзане — шитом золотом бархате эпохи Мин из музея в Киото [Катамура, 1986, № 20].

Ткань верхнего халата выполнена аналогичным способом: жаккардовым полутораслойным переплетением шелковыми нитями основы и утка, а так же параллельными основе нитями, оплетенными растянутой спиралью из вещества желтого цвета, предположительно золота, на черной клеевой основе. У ткани следующие технологические параметры: толщина — 0,28 мм, плотность на участках с полотняным переплетением (на 10 мм) по основе 18, по утку — 22 нити; на участках, образующих узор, по основе — 18, по утку — 5 нитей. Нити основы в одно сложение, утка — в два. Крутка нитей утка и оплетенной золотом нити — правосторонняя (Z), в нитях основы крутка отсутствует. Толщина нитей с золотой оплеткой — 0,04 мм, нитей основы — 0,03 мм, сдвоенной нити утка — 0,01 мм.

Среди растительных мотивов орнамента в шахматном порядке располо- жены изображения фениксов, по одной линии раппорта развернутых вправо,

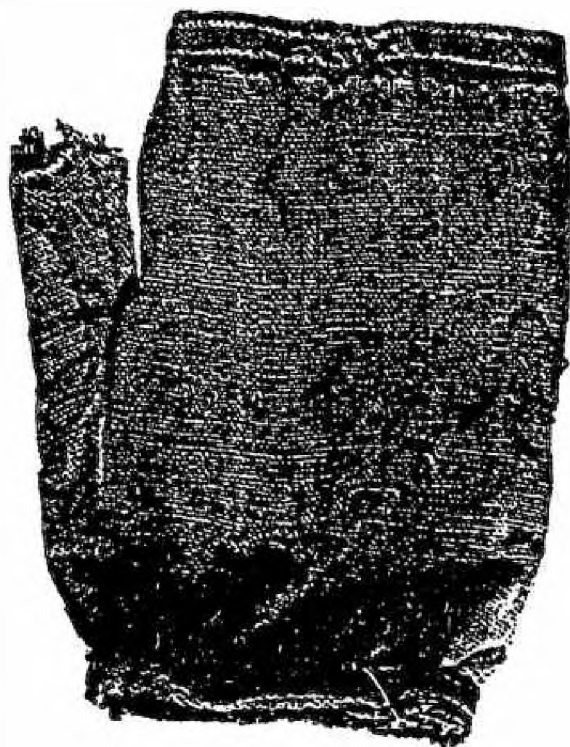

Рис. 49. Халищовая рукавичка без пальчиков. Могильник Дзивгит (находка В.Х.Тменова)

Fig. 49. A fingerless canvas mitten. From Dzvizgiz (excav. by V. Kh. Tmenov)

¹ 206 г. до н.э. — 220 г. н.э.

по другой — влево. Фениксы изображены с раскрытыми крыльями и тремя развешивающимися хвостами. Симметрия в композиции отсутствует. Сходная по художественной орнаментации ткань, на которой птицы, напоминающие фениксов с развешивающимися хвостами, изображены на фоне растительных мотивов, датируется эпохой Мин и хранится в музее искусств Фудзито [Там же, № 2].

Растительные мотивы, животный и фантастический мир китайской орнаментики в продолжение целого ряда столетий не сходят с шелковых тканей и служат западным центрам текстильного производства образцом для подражания. Исследователь древнего текстиля Н.Н.Соболев отметил: «До конца XIII в. Западная Европа не имела в своих коллекциях никаких китайских шелковых тканей. Во всех наиболее известных собраниях тканей, как Санс, Рим, Аахен, Кёльн, Трир и Зигбург, где имеются антинойские, сасанидские и византийские образцы, нет ни одного клочка китайской ткани. Зато начиная с 1300 г. они встречаются в изобилии в виде отдельных кусков и в виде целых далматиков и других облачений в ризницах Перуджи, Берна и целого ряда германских городов. Этот наплыв в Европу китайских тканей объясняется основанием Ильханидского царства при преемниках Чингисхана, когда монгольские завоевания, объединив всю Азию под своим владычеством, стерли границы отдельных государств и организовали оживленный товарообмен между Востоком и Западом» [Соболев, 1934, с. 179].

Китайский текстиль, кlynувший в Западную Европу, оказал влияние на орнаментку европейских тканей. Сначала Венеция, а затем Генуя стали копировать восточные образцы.

В Кёльнском музее имеется фрагмент генуэзской парчи XIV в., декор которой схож с рисунком рассматриваемого шелка с фениксами из Джухтинского кургана. В композиции декора парчи также отсутствует симметрия и мотивы рисунка расположены в шахматном порядке. Фон между птицами заткан цветами, отличающимися от китайских растительных мотивов и, очевидно, приближенными к местной флоре [Там же, с. 254, рис. 159]. Генуэзские ткани особенно славились в XIV–XV вв., что в нижней границе совпадает с периодом бытования нашего образца.

Ткани мужского костюма несомненно китайского производства, о чем свидетельствуют их орнаментика и технологические особенности. Во-первых, фон данных образцов выполнен плотным переплетением, что было характерно для китайских шелков, в отличие от центрально-азиатских, где доминировало саржевое переплетение. Во-вторых, орнамент в рассматриваемых образцах выполнен нитями основы, а нити утка лишь скрепляют ткань, в то время как на Западе узоромобразующим являлся уток. К этому же кругу китайских тканей относится и шелк из Увека.

По цвету кафтанов было ясно, что погребенный — женатый воин. Красный кафтан тюрки надевали при вступлении в брак. До свадьбы мужчины носили белые кафтаны. Красный цвет считался необходимым элементом свадебной символики и для жениха и для невесты. Этот факт отмечен в героическом эпосе тюркских племен средневековья: «Бейрек надел [его]; товарищам это не понравилось, они огорчились. Бейрек говорит: „Чем вы огорчены?“ Они сказали: „Как нам не огорчаться? Ты носишь красный кафтан, мы носим белые кафтаны“». Примирение произошло только в результате совместного свадебного обряда всей дружины [Намазов, 1988, с. 86–87]. В данном случае трактовка цвета не может быть однозначной. Известно, что в Монгольской империи красный и белый являлись праздничными цветами Чингисидов династии Юань. В то же время у мусульман Востока это были траурные цвета.

На одежде не было карманов, а потому костюм мужчины дополняли две кожаные сумочки. Одна — с вышитым растительным орнаментом — была прикреплена к портупейному ремню. Другую, побольше, расшитую шелковыми нитями, воин носил на поясе. Ее украшала литая застежка из бронзы.

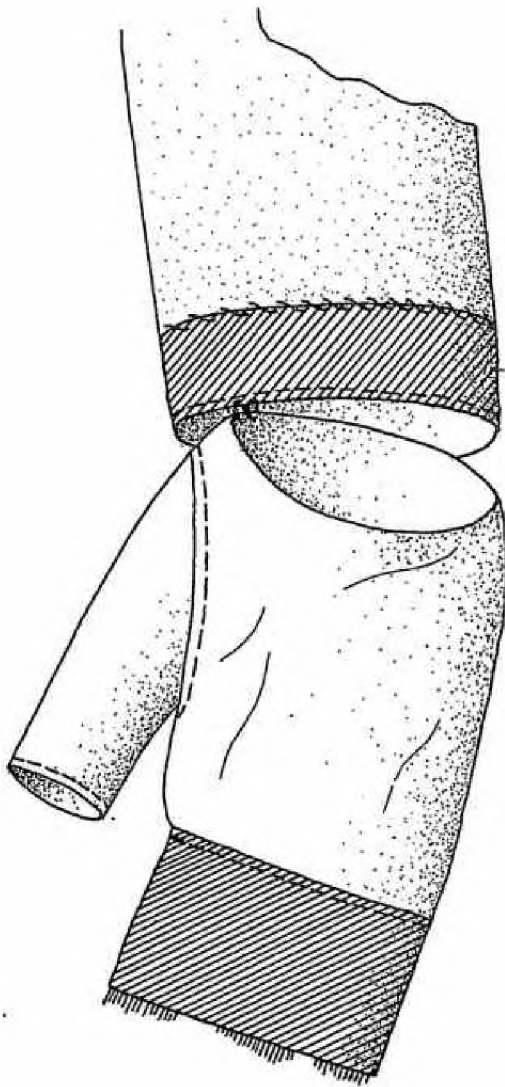

Рис. 50. Хлопчатобумажная детская рукавица, пришитая к рукаву верхней одежды. Могильник Дзюгиз (находка В.К.Тменов)

Fig. 50. A child's canvas mitten sewn to the sleeve of a coat. From Dzjugiz (excav. by V.Kh.Tменов)

Погребенный был обут в высокие сапоги из мягкой кожи без каблуков и подметок.

Его шапка из красного бархата была похожа на классический тюрко-монгольский колпак. Она состояла из четырех клиньев и двух расширяющих деталей, благодаря которым достигалось расширение нижней части головного убора. Поля были опущенными, но не разрезными. Возможно, воин носил головной убор по типу казахской султанской шапки XVIII–XIX вв., которую можно видеть на многочисленных гравюрах и фотографиях казахской знати.

На всех четырех клиньях головного убора, сверкавшего на солнце золотыми нитями, в черных шелковых медальонах вышиты гепарды. Они словно идут друг за другом, переставляя лапы, в обрамлении растительного орнамента. Поля шапки украшают цветочные мотивы. Вышивка выполнена шелковыми нитями, обернутыми серебряной позолоченной фольгой.

Вооружение воина составляли железный кинжал в деревянных ножнах и лук, оклеенный полосками тонкой бересты внахлест. В берестяном колчане находились стрелы с железными наконечниками.

Погребенный воин был одет так, как описано в калмыцком героическом эпосе «Джангар»:

Обул он мягкие красные сапоги,
Их голенища
Десять тысяч девиц сшили,
Их задники
Сто девиц выстрочили.
Кто увидит след от тех [сапог],
Готов отдать тысячу [монет],
Кто увидит его самого,
Десять тысяч отдать готов.
Нарядную эрвент¹ он надел,
Три драгоценных бешмета надел,
Трое ратных лат надел,
Железным поясом Луданг²
Ценой в семьдесят коней, опоясался
[Джангар, 1990, с. 213–214].

В мужском и женском захоронениях Джуктинского кургана были обнаружены одинаковые серебряные чаши с фризом растительного орнамента по бортику и лотосом на дне, выполненными в технике чеканки, гравировки и золочения. Этот факт позволил предположить родственные отношения погребенных.

Стратиграфия кургана показывает, что женское захоронение — центральное. Женщина была погребена раньше, и именно над ее захоронением был насыпан курган в июле, когда созревала в этих краях степная вишня. Косточка этого плода обнаружена в конском захоронении, сопровождавшем умершую. На ней был надет парчовый халат красного цвета, спитый так же, как и у мужчины. Женщина была всадницей, и ее одежда должна была быть удобной для верховой езды. Обычно длинные рукава закатывали, чтобы они не мешали работе. У погребенной рукава были опущены и закрывали пальцы рук. Как известно, половчанки, в отличие от монголох, подпоясывали свое платье, так как, судя по каменным изваяниям, пояс у них служил для подвешивания зеркала, гребня и прочих дамских аксессуаров³. Пояс, обнаруженный в Джуктинском кургане, застегивался на маленькую серебряную пряжку. Халат был запахнут налево.

Ткань халата выполнена из шелковых нитей полотняным переплетением. На поверхность шелка веществом желтого цвета, похожим на золото, на черной

¹ Эрвент — рубаша свободного покроя, обычно из мягкого шелка.

² Луданг — шелковый; здесь, очевидно, слово «луданг» употреблено в значении «блестящий».

³ Монгольские женщины подпоясывали платье только во время работы, связанной с ходьбой (сбор ягод, корней и т.п.), езды на лошади или в зимнее время.

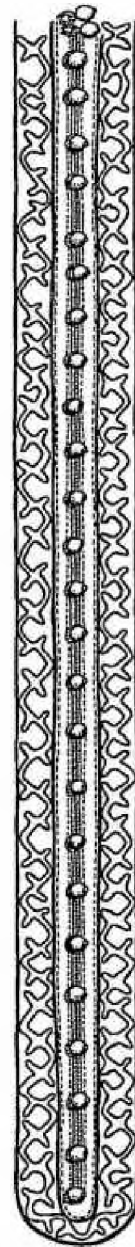

Рис. 51. Отделка разреза нижнего шелкового платья вышивкой серебряной нитью с позолотой. Застежка встык на мелкие серебряные пуговицы. Могильник Заргазж (находка Б.Х.Атабиева)

Fig. 51. A silk underwear dress embroidered with gilded silver thread, with a dovetail clasp for small silver buttons. From Zaragizh (excav. by B. Atabiyev)

клеевой основе в технике набойки нанесен орнамент из стилизованных растительных мотивов. Рисунок в виде полосок шириной 0,3 мм, толщиной 0,1 мм нанесен вдоль нитей основы. Толщина ткани — 0,35 мм. Нити основы и утка в одно сложение с правосторонней круткой (Z), крутка нитей основы очень слабая. Плотность ткани (на 10 мм) по основе — 18, по утку — 66 нитей. Толщина нитей основы — 0,06 мм, утка — 0,02 мм.

Мягкие кожаные сапожки, в которых похоронена женщина, расшиты речным жемчугом; у них нет подошв, а в щиколотке они перехвачены тонким ремешком.

На шее половчанки, нанизанные на нитку, висели несколько разноцветных бусин из стекла и сердолика, маленькая золотая бляшка в виде цветочной розетки и две веточки коралла. К поясу был подвешен костяной игольник с железными иглами.

В этом же кургане обнаружено захоронение ребенка. Он был похоронен по другому погребальному обряду — в яме с подбоем. В его ногах стоял глиняный закопченный горшок. Другого инвентаря, в том числе и деталей костюма, в погребении не было. Это и не удивительно. Умершему ребенку было всего пять или шесть лет — молочные зубы уже начали выпадать, а коренные еще не выдвинулись из челюсти. Кочевники не считали детей полноценными людьми, поэтому даже не одевали их. «Зимой они прячутся как сурки в родительские шубы, и во что попало, а в остальное время бегают, резвятся без церемоний, и много, если прикрыты каким-либо лоскутом», — писал в XIX в. о детях калмыков И.Бентковский (цит. по [Сычев, 1973, с. 76]).

Особых погребальных церемоний ребенку не оказывали, а уж тем более не соблюдали традиции и тайны погребения, как при захоронении взрослых монгольских воинов. Для последнего приюта малышу сочли пригодным чужой погребальный памятник.

Антропологическое исследование, проведенное М.М.Герасимовой и Д.В.Пежемским, позволило установить некоторые особенности внешнего облика погребенных. Мужчина был уже в зрелом возрасте (45–55 лет), ниже среднего роста (161–162 см), с длинным торсом и короткими ногами, крепкого телосложения. Интересна характерная особенность, отмеченная исследователями: один из зубов верхней челюсти имеет штифтовидную форму в результате обточки и зеленоватый цвет, что косвенно может свидетельствовать о том, что на нем была надета коронка из материала, содержащего медь.

Возможно, мужчина был ранен в грудь, но к моменту смерти рана, вероятно, уже зажила. Мужчина и женщина внешне были очень похожи между собой. Это сходство определялось не только их принадлежностью к одному антропологическому типу, но и деталями строения лица, которые свидетельствуют о принадлежности их к одной племенной группе. Однако анализ дискретно варьирующих признаков не дал оснований говорить об их кровнородственных отношениях, что не исключает брачного союза между ними.

В результате проведенного палеоантропологического анализа выяснилось, что погребенные в Джуктинском кургане мужчина и женщина относятся к центральноазиатской монголоидной расе, причем «их антропологический тип существенно отличается от „зливкинского“ антропологического типа, который характерен для кочевнического населения южнорусских степей, в том числе — половцев (брахикранные европеоиды с примесью монголоидных особенностей)» [Герасимова, в печати]. Однако из этого не следует, что погребенные по этнической принадлежности обязательно были монголами, они вполне могли быть центральноазиатскими тюрками, на что указывают характер погребального обряда и особенности костюмов.

Необходимо, однако, помнить, что погребальный обряд как этнический маркер очевиден только для исследователей-археологов. Для самого субъекта культуры погребальный обряд не является этническим знаком — с этим устойчивым элементом культурной принадлежности человек встречается только после смерти. При жизни эту функцию выполняют определенные элементы

Рис. 52. Пуговицы верхнего платья. Платье застегивалось на восемь серебряных пуговиц, семь из которых были овальной формы, филигранной работы со вставками из темного камня и бирюзы. Утварная восьмая заменена пуговицей шаровидной формы с витыми полосами. Могильник Зарагтж (находка Б.Х.Атабиева)

Fig. 52. Top coat buttons. The coat had eight silver buttons, seven of which were oval in shape, very carefully made, and had inserts of dark stone and turquoise. The eighth button had been lost and replaced with a spherical button with curvilinear ornament. From Zaratgiz (excav. by B. Atabiyev)

костюма, устойчиво сохранившиеся в общем комплексе золотоордынского имперского ансамбля. Костюмы погребенных в северокавказских могильниках укладываются в рамки кочевнических комплексов золотоордынского времени в памятниках Поволжья. Это подтверждает то, что в XIII–XIV вв. костюм кочевников складывался в рамках имперской культуры. В мужских и женских платьях использовались красные, затканые золотом шелка, несомненно изготовленные в юаньских ткацких мастерских по монгольскому заказу, так как это были предпочитаемые имперской знатью цвета.

Головной убор погребенного в Джухте война представлял собой классический монгольский колпак. Бокка, принадлежавшая женщине из Новопаповского захоронения, хотя и не относится к разряду классических, но зафиксирована в кочевнических древностях золотоордынского времени, а ее ромбические украшения имеют прямые аналогии на изображениях головных уборов монгольских императриц династии Юань. И потому не следует рассматривать однозначно известное утверждение арабского писателя XIII в. ал-Омари о том, что «кипчаки сделали их [монголов] подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого, что монголы поселились на земле кипчакской, вступили в брак с ними и остались жить на земле их» [Тизенгаузен, 1884, с. 235].

Очевидно, что погребенные в Джухте и Новопаповске были представителями золотоордынской аристократии, которые, сохраняя в костюме знаки этнической принадлежности, подчинились монгольской моде. Татаро-монголы явились медиаторами, которые принесли на Северный Кавказ центральноазиатский элемент. Они активно распространяли здесь китайские ткани, систему поясного набора, вооружение и прически, а также фарфор. Местные народы, и в первую очередь знать, воспринимают костюмы и вооружение кочевников независимо от своей этнической принадлежности. Они носят то, что принято и престижно носить в Золотой Орде. Таким образом, в период господства татаро-монголов костюм развивается не в рамках этноса, а в рамках империи.

2.4. Костюмы периода распада Золотой Орды. Вторая половина XIV – XV век

О костюме коренных жителей Северного Кавказа можно судить по находкам в средневековых погребальных памятниках, которые локализуются на территориях современных Карачаево-Черкесии, Осетии, Кабардино-Балкарии. Различий в базовых формах костюма, его убранстве и аксессуарах не выявлено, что указывает на единство формирования костюма для всех народов, населяющих эту территорию.

В XIII–XV вв. прослеживается генетическая связь костюмов населения Предкавказья с описанной одеждой предшествующих периодов.

В трех пещерных склепах Дзивгиса XIII–XV вв. зафиксированы комплексы мужской, женской и детской одежды. Костюм мужчины и женщины, независимо от возраста, состоял из плечевой одежды типа бешмета и нательной рубахи. Поясной одеждой служили штаны, а также чулки и ноговицы. Обувь носили кожаную. Головные уборы представлены многослойными колпаками.

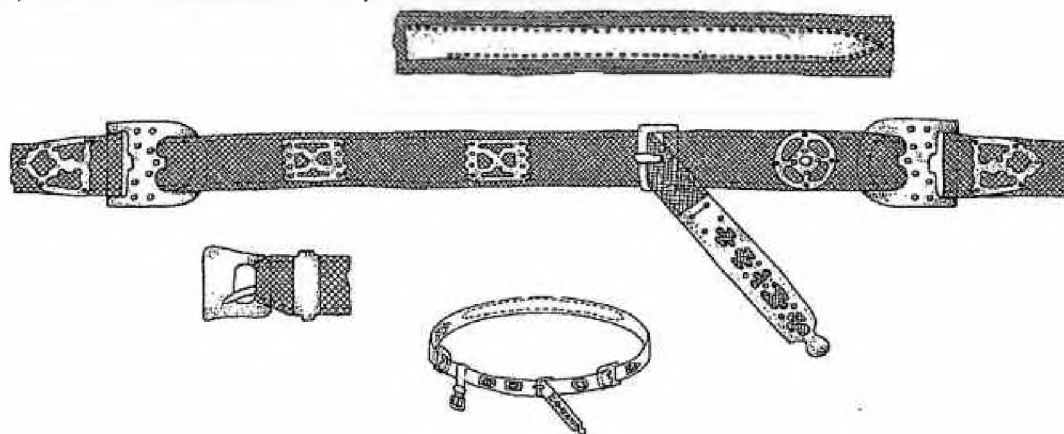

Рис. 53. Шелковый пояс с накладными бронзовыми прорезными бляшками. Могильник Заргалиж (находка В.Х.Атабиева)

Fig. 53. A silk belt with superimposed wirework clasps. From Zaragizh (excav. by V. Atabiyev)

Нижняя рубашка была не распашной, а с осевым разрезом и округлой горловиной, оформленной бейкой или стоячим воротником. В качестве отделки использовалась цветная ткань или кожа. Застежка состояла из матерчатых пуговиц или металлических бубенчиков и воздушных петель. В двух случаях отмечены рубахи с косым воротом. При этом застежка-бубенчик находилась с левой стороны. Стоячий воротник и планка выполнялись из цветной ткани. Длина рубах не зафиксирована.

Верхняя одежда, сшитая главным образом из холста, имела распашной покрой, была отрезной и собранной по линии талии в мелкую сборку. Часто эту линию подчеркивали пришитой к ней орнаментированной тканью или тканью другого цвета. На более ранних образцах в Змейском могильнике X–XII вв. эта линия отмечена бубенчиками, а на кафтане из Подорванной Балки VII–IX вв. — холщовым шнуром.

В X–XII вв. ворот у мужских кафтанов, как правило, был отложной и только один раз отмечен стоячий. Все женские кафтаны имели стоячий воротник. Для VII–IX вв. характерна одежда без воротников с треугольным вырезом, отделанным металлическими заклепками в два ряда. Такой вырез в 1879 г. зафиксирован в Подорванной Балке В.В.Антоновичем: края треугольного выреза были отделаны ремешком с пришитыми к нему металлическими пуговицами [Уварова, 1900, с. 172]. Рукава кафтанов длинные, вшивные в прямую пройму. В одном случае в мужском погребении зафиксирована длина рукава, закрывающая кисти рук.

Верхняя одежда обычно застегивалась до пояса. Для ее декора использовались бубенчики.

Начиная с половецкого времени благодаря отрезному характеру одежды женское платье на Северном Кавказе носили с поясом. В X–XII вв. поясами служили ленты, шнурки, холщовая ткань, свернутая в виде пояса; иногда в качестве дополнения использовали металлические пряжки.

В XIII–XV вв. продолжают бытовать женские пояса из шелковой ленты, но они уже украшены металлическим набором. Тогда же встречаются полностью металлические пояса [Левашева, 1953, с. 194]. Кафтаны того времени подпоясывали тесьмой, плетеным шнуром, полоской холста, завязанной бантом, или матерчатым ремешком с пряжкой. Воротники, манжеты и низ одежды отделывались кожей.

Несколько видов плечевой одежды XIII–XV вв. было найдено исключительно в женских захоронениях. Короткая безрукавка из белого холста застегивалась на бубенчики. По плечам и планке вставлена цветная ткань. Низ безрукавки отделан золоченой кожей. Подобный вид одежды, встреченный в Змейском могильнике X–XII вв., как отмечалось выше, возможно, выполнял функции корсета.

Оригинальный вид одежды был найден в Дзивгисском могильнике. Это длинная верхняя плечевая одежда без воротника и рукавов, сшитая из холста, окрашенного в синий цвет. Перед до низа отделан кожей, спинка, сшитая из отдельных полос, имеет кокетку. Подкладка этой одежды сделана из светлого холста. Без фотографии и чертежей сложно представить себе, имела ли она пройму или представляла собой род накидки. Подобное одеяние было обнаружено в этом же могильнике куклке, прикрепленной к поясу девочки, одетой в белую безрукавку. Торс куклы сделан из гусиного пера, а голова — из холста, на который намотан тюрбан из синей ткани. Такие головные уборы зафиксированы и во взрослых погребениях. Одежда куклы — нераспашная холщовая рубашка, полочка и спинка которой отделаны вшитыми в основ-

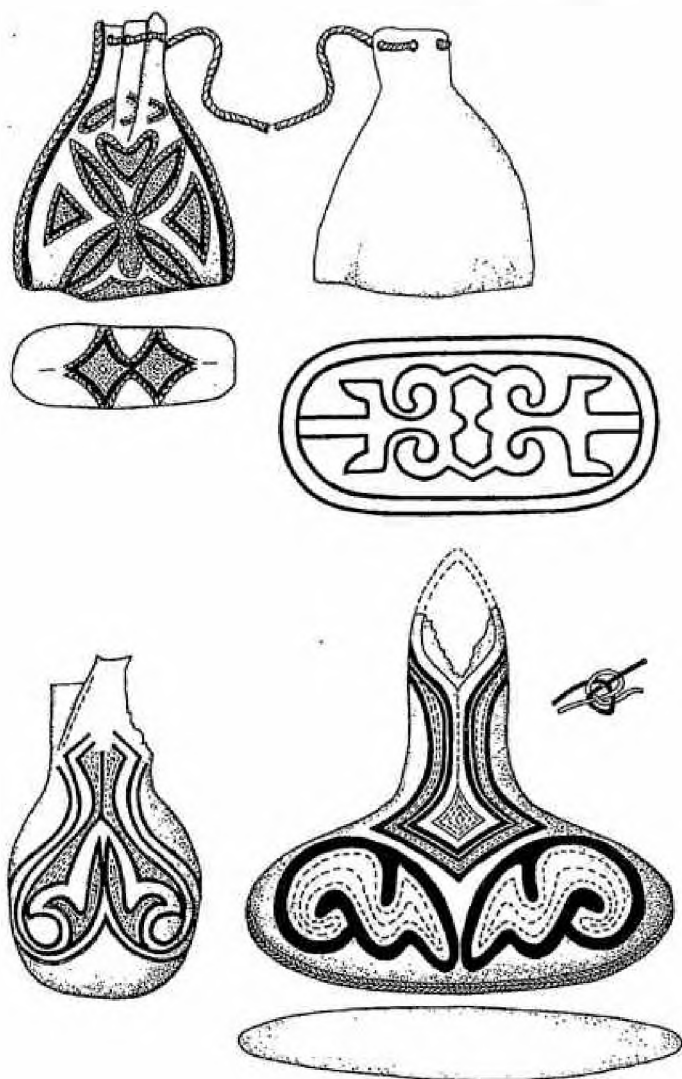

Рис. 54. Кожаные сумочки с вышивкой, которые подвешивались на пояс женского платья. Могильник Заргилж (находка Б.Х.Атабиева)

Fig. 54. Embroidered leather bags attached to the belt of a woman's dress. From Zaragizh (excav. by B. Atabiyev)

ную ткань прямоугольными вставками синего цвета со швом по центру. Подол рубахи оторочен шелком. На плечи куколки наброшена накидка из отдельных полос неокрашенного холста, по покрою наломинная бурка. Судя по характеру расположения нитей, а также по сохранившимся швам между холстом и кожаной отделкой, первоначально эти полосы были сшиты в единое целое. Ворот сзади напоминает кокетку и переходит на полочках в кожаную отделку, спускающуюся до низа. Т.Б.Мамукаев отметил на погребенной в Даргавских склепах XVII–XIX вв. «шелковую накидку типа пыльника», но, судя по его реконструкции, она имела короткие рукава [Мамукаев, 1980, с.108]. Данный вид одежды в этнографическом материале не фиксируется.

Верхнюю плечевую одежду XIII–XV вв. реконструировала Е.С.Видонова по материалам Белореченских курганов. Это два вида кафтанов. Первый — короткий до колен, приталенно-расклешенного силуэта с перекидными плечами и осевым разрезом. Он имеет застежку из пуговиц и воздушных петель, изготовленных из плетеных шнуров и галунов, выполняющих декоративную функцию. Пройма прямая, широкая, рукав не зафиксирован. В.П.Левашева находит аналогии этому виду одежды в мужском бешмете адыгчеркесов XIX–XX вв. В Белореченских курганах такой покрой встречается как в мужских, так и в женских захоронениях. Второй вид кафтана обнаружен в женских захоронениях. Он длиной до пят, прямого силуэта, в бока вставлены клинья широкой частью вверх. Плечи шивные. Рукава с широкой проймой, соответствующей ширине ткани (56 см, с кромками 58 см), книзу сужались и значительно превышали длину руки. Рукав имел разрез, который застегивался, как и осевой разрез халата, на серебряные пуговицы и воздушные петли из плетеного шнура; последний использовался и в качестве декоративных нашивок ниже талии.

Кафтаны, найденные в Белореченских курганах, выполнены из импортных шелковых и парчовых тканей на шелковой основе, а женский халат шит из дорогого аксамитного бархата итальянского производства. В.П.Левашева связывает этот халат с адыгейским этнографическим материалом, который «дает разрезные рукава на старинной верхней одежде» [Левашева, 1953, с.187–191]. Однако разрезные рукава, встречающиеся в кавказском этнографическом материале, иного характера. В них разрез делался с противоположной — внутренней стороны по осевой линии. В данном же случае речь идет скорее всего о влиянии монгольской моды. Разрезные рукава широко бытовали в костюме монголов в конце XIII — начале XIV в. Подобный прием изображен художником Лю Гуангао в сцене охоты хана Хубилая [Smith, Van Goven, 1979, p.196–197].

В качестве поясной одежды в этот период бытуют штаны с ромбовидной вставкой между штанинами и верхним рубцом, в который продет шнурок. Длина штанов различна, от длинных до коротких (65 см). К штанинам в области колена пришивались подвязки из холста или кожи для фиксации ног. Этот прием сохраняется одинаковым для мужских и женских штанов начиная с VII в, когда он был археологически засвидетельствован в Предкавказье, и вплоть до этнографического костюма XIX — начала XX в.

В Дзвигисском могильнике зафиксирована следующая обувь: мягкие сапожки, ноговицы и чуваки, аналогичные по покрою тем, которые носили в VII–IX вв., а также обувь с острыми длинными носами, аналогичная образцам X–XII вв. из Змейского катакомбного могильника.

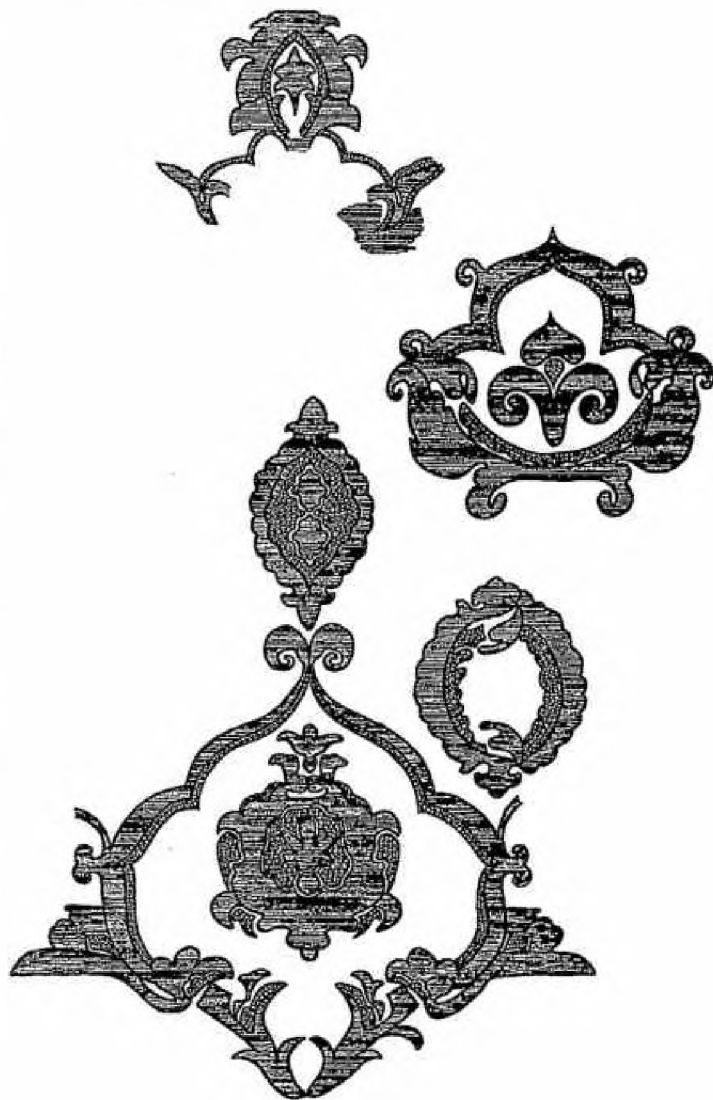

Рис. 55. Фрагменты орнамента верхнего шелкового платья. Могильник Зарагльж (находка В.Х.Атабиева)

Fig. 55. Pieces of ornament of a silk top dress. From Zaraglyzh (excav. by V. Atabiyev)

В одном мужском погребении из Дзивгиса обнаружен кожаный сапог явно импортного происхождения. У него кожаная подметка и высокий набортный каблук из кожаных пластин, подбитый железными шипами. Носок загнут сверху и подбит маленькими железными гвоздиками, такими же гвоздиками украшен и задник сапога. Голенище богато орнаментировано растительными мотивами, выполненными в технике тиснения, инкрустации кожей и вышивки зелеными и желтыми нитями. Сапог имел войлочную подкладку. Этот

экземпляр, вероятно, имеет смысл связывать с татарами XV–XVI вв. Близкий по стилю орнамент на обуви фиксируется у башкирских татар. Аналогичный прием декоративного оформления носка и задника сапога мелкими гвоздиками был распространен на Руси в XVI в. В русских сказаниях эти сапоги описаны так «Носы — шило, а пята востра», «пяты, хоть яйцо кати» [Гиляровская, 1954, с. 88, ил. 193]. Видимо, и на Русь такая мода пришла от татар, но несколько позже.

На погребенных в Дзивгисском могильнике надето по несколько головных уборов одновременно, причем каждый из них выполнен из нескольких слоев ткани, между которыми прослеживается прокладка из войлока, шерсти или соломы. Форму головных уборов можно определить как колпакообразную в виде конуса, встречались также чепцы,

выполненные из кожи. Поскольку эти материалы хранятся в Северо-Осетинском республиканском краеведческом музее во Владикавказе и недоступны для подробного исследования, нельзя с уверенностью идентифицировать их с теми, которые найдены в Змейском могильнике.

В женском захоронении из могильника XV–XVIII вв. у аула Карт-Джурт обнаружен интересный женский головной убор конусообразной формы с серебряным подтреугольным навершием, оканчивающимся полым шариком. Украшением убора служит металлическая лента, два раза перекрещивающаяся на лицевой стороне. Надо лбом укреплена серебряная орнаментированная пластина в виде миниатюрной диадемы. По бокам — крупные височные подвески. Головной убор реконструирован Х.Х.Биджиевым, руководителем раскопок 1969 г.

Остроконечные верхушки и диадемообразные пластинки на женских головных уборах зафиксированы в могильнике XIV–XVI вв. Курнаят близ селения Верхняя Балкария (см. [Мизиев, 1968, с. 126]). Такие высокие конусообразные шапочки бытуют в этнографическом костюме кабардинок, носят их также абазинки и балкарки. Однако в этнографических экземплярах используются другие приемы декора. Чеханное украшение, по форме сходное с украшениями шапочки из Карт-Джуртского могильника, было обнаружено в одном из захоронений города Мертвых (см. [Мамукаев, 1980, с. 106]). Подобные шапочки, отделанные перекрещенной лентой, с нашитыми на нее бронзовыми бляшками, фиксируются с X–XII вв. в Змейском катакомбном могильнике (см. [Кузнецов, 1958]). Войлочную конусообразную шапочку у селения Архон в Осетии обнаружил Е.Г.Пчелина (см. [Кузнецов, 1959, с. 56]). Конусообразные шапочки с металлическими навершиями найдены в Белореченских курганах (см. [Левашева, 1953, с. 56]) и в могильнике Зарагъж в Балкарии¹.

Головные уборы в форме чепцов обнаружила П.С.Уварова у Махческа. Их форма «малороссийского очинка из толстой войлочной материи, надвигающегося весьма низко на лоб, в виде прямоугольного куска с выемками на висках, с толстым подбором на затылке» [Уварова, 1900, с. 261], видимо, повторяет форму головных уборов из станицы Змейской. Об их генетической связи свидетельствует декор: круглые выпуклые медные бляхи, позолоченные сереб-

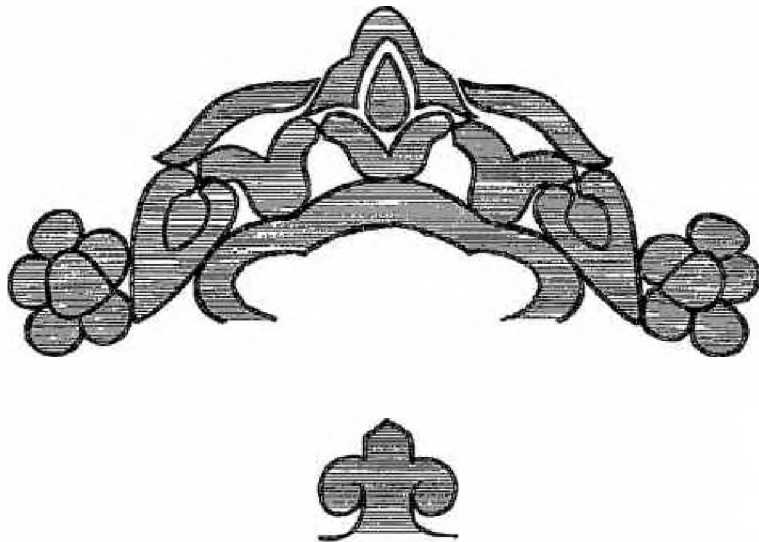

Рис. 56. Фрагменты ткани женского халата. Орнамент из стилизованных растительных мотивов на поверхность шелка нанесен способом набойки веществом желтого цвета, похожим на золото, на черной клейкой основе. Могильник Джукхта-2 (находки А.В.Белинского). См. также ил. 40

Fig. 56. Pieces of fabric from a woman's robe. Stylized ornamental verdure is printed onto the silk fabric using a yellow gold-like substance on a black glutinous base. From Djukhta-2 (excav. by A.V. Belinskij). See Pl. 40

¹ Могильник был исследован в 1993 г. Б.Х.Атабиевым.

ряные прямоугольные или квадратные пластины, бубенцы, очерчивающие лоб, а также форма украшения, которая появилась в Змейском городище под влиянием кочевников: шитье золотым плетеным шнуром. П.С.Уварова отмечает, что поверх этих чепцов надевали «фату с тисненым бортом, нисходящую до середины груди». Головной убор из Дзивгисских склепов был обернут шарфом и представлял собой своего рода тюрбан, подобный тому, что был на голове описанной выше куклолки из того же могильника.

Население, оставившее Дзивгисский могильник, использовало в качестве украшения головных уборов булавки и височные кольца в полтора оборота, что также указывает на генетическую связь с костюмом периода бытования Змейского могильника.

Однако если в Дзивгисе отмечается идентичность колпакообразных головных уборов в мужских и женских погребениях, то в Белореченских курганах фиксируются специфически мужские формы. Они состоят из четырехклинного верха и прямого околыша и украшены шнуром, позументом или вышивкой шелком. Мужской головной убор, аналогичный Белореченским, был выявлен в могильнике Зарагиз. Он представлял собой шапочку типа тобетейки из четырех клиньев с прямоугольным околышем. Ее основная ткань первоначально была зелено-коричневого цвета с золотыми нитями. Раппорт состоял из растительного орнамента. Околыш на одну треть высоты был обшит красной шелковой тканью полотняного переплетения. Макушка, видимо, была украшена кисточкой, от которой сохранился плетеный шнур. Радиальные швы и шов по околышу выполнены в виде косички. Украшение одежды кистями отмечено китайскими авторами в монгольской традиции еще в VII в.: «...в первую луну Тйела, Хуйха, Сылисянь и прочие фамилии вместе отправились во дворец представиться на аудиенцию. Тайцзун лично одарил [их] кистями [на шапку], желтыми жезлами, парчой и знаменами [значками], парадными шубами» [Кюннер, 1961, с. 37]. После указа 1437 г. ойратского правителя Тогонтайши красная кисть на головном уборе отличала ойратов от остальных монголов [Сычев, 1973, с. 9]. В этнографических головных уборах горцев Северного Кавказа кисточки являются элементом декора башлыков, а в редких случаях — невысоких шапок с плоским доньшком и войлочных шляп.

В одном из погребений в Белореченских курганах обнаружена меховая папаха. Меховые шапки-папахи встречаются и в Городе Мертвых.

В Дзивгисских склепах были обнаружены рукавички, покроем которых аналогичен тем, что относится к более раннему периоду VII–IX вв. и найдены в Мошовой Балке и Подорванной Балке. Один экземпляр — взрослая рукавичка без пальчиков с левой руки, низ и верх обработаны тканью в полоску. Второй экземпляр, по покрою аналогичный первому, принадлежал ребенку. Эта перчатка была пришита к обшлягу рукава кафтанчика, видимо, для того, чтобы ребенок не потерял ее. Рукав детского кафтана выполнен из редкой холщовой ткани, обшлаг шириной 2 см из ткани, окрашенной в синий цвет. Низ прикрепленной рукавички обшит той же тканью, что и рукав. Третий экземпляр представляет собой варежку с левой руки из белого холста, шов которой выполнен красной шелковой нитью через край. Предварительного, более прочного шва изделие не имеет. Очевидно, функции этого экземпляра были не утилитарными. Возможно, рукавичка играла роль оберега. При знакомстве с этнографическим материалом выяснилось, что на Кавказе красная нить или красная материя выполняли охранительную функцию во время эпидемий оспы и кори. Этими свойствами нити и ткани красного цвета наделяли народы не только Предкавказья, но и Закавказья. Армяне, например, чтобы предотвратить оспу, привязывали к столбу красный платок, а грузины использовали красную нить в качестве симпатического средства при трудных родах, обвивая ею бедро роженицы.

Комплекс женской одежды оставался однотипным для всего Предкавказья. Погребенная в урочище Байрым у селения Верхний Чегем в XIII–XV вв. женщина

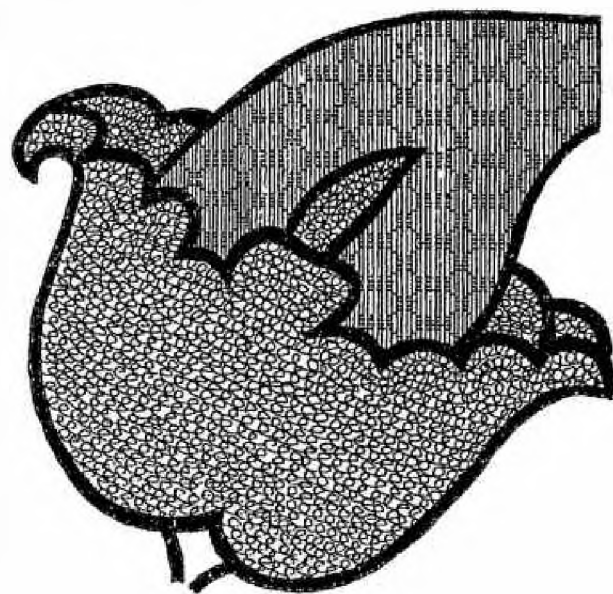

Рис. 57. Фрагменты ткани верхнего шелкового платья. Могильник Зарагиз (находка Б.Х.Атабиева). Нити узора на отдельных участках уложены параллельно и закреплены стежками из шелковых нитей серо-черного цвета, расположенных в четырех рядах в шахматном порядке и образующих геометрический рисунок, в некоторых местах переходящий в петлявую обработку. См. также ил. 44

Fig. 57. Fabric pieces of silk top dress. The ornament threads are in some places laid in parallel and fixed with stitches of gray and black silk threads. The stitches are in checkerboard pattern with four rows, forming a geometrical drawing that in some places transforms into a buttonhole. From Zaraqizh (excav. by B. Alabiyev). See Pl. 44

была одета в нательную рубашку, штаны, платье-кафтан, кожаные чулки, сапоги и конусообразную шапочку. Аналогичный набор обнаружен на погребенной в Махческе: тройное одеяние, чулки, чувики, ноговицы и головной убор. Такие же комплексы встречаются в Дзивгисе, Белореченской и Даргавсе.

Материал Дзивгисских и Даргавских склепов не имеет четкой стратиграфии, поэтому невозможно разделить комплексы хронологически. Но относительно одежды наблюдается единство, т.е. на протяжении всего хронологического

периода бытования этих памятников, определенного В.Х.Тменовым как XIII — начало XIX в. [Тменов, 1969, с. 156], отмечается в целом единый набор мужского и женского костюмов, единый крой, совпадающий с более ранними периодами. Поздние варианты одежды определяются вырезной проймой, швом по линии плеча, шалевым оформлением ворота. Эти инновации, более характерные для женской одежды, наблюдаются, по замечаниям этнографов, с конца XIX в.

Особенно наглядно связь форм костюмов XIV—XV вв. с этнографическими ансамблями прослеживается в находках из курганного могильника у селения Зарагиз в Кабардино-Балкарии.

Обнаруженный там женский костюм состоял из нижнего платья, сшитого из шелка полотняного переплетения бордово-фиолетового цвета. Сохранилась только верхняя часть платья. Лиф имел разрез от шеи до талии, который застегивался встык; мелкие пуговицы были пришиты к правой полочке через 1,4 см, петли — к левой. Петли выполнены из плетеного шнура (две основные нити оплетались третьей в технике обметочного шва). Разрез между полочками закрывался вставленным в правую полочку двой-

ным кантом (из того же шелка), который располагался непосредственно под застежкой. Кант вшивался между основной тканью платья и подкладкой под вышивку. Стежки длиной 0,5 мм проложены по краю разреза практически без зазоров. Вокруг разреза вертикально располагалась вышивка серебряной с позолотой нитью вприкреп. Она представляла собой стилизованный растительно-геометрический орнамент.

Верхнее платье, как и в этнографическом женском костюме, было приталенное, распашное с треугольным вырезом на груди, в котором был виден лиф нижнего платья с застежкой и вышивкой. Оно застегивалось на восемь серебряных пуговиц, семь из которых были овальной формы, филигранной работы, со вставками из темного камня и бирюзы. Восьмая была утеряна и заменена пуговицей шаровидной формы с витыми полосами. Вместо вставки из камня она украшена пирамидкой из четырех металлических шариков.

Шелковый пояс с пришитыми накладными бронзовыми прорезными бляшками конструктивно дополнял платье. На спине к ткани пояса пришита бронзовая длинная прямоугольная пластина с орнаментом, нанесенным пуансоном. Пояс застегивался слева направо. Его наконечник и пряжка выполнены из бронзы. При помощи другой пряжки к нему крепились кожаные сумочки сложных форм, отделанные вышивкой и аппликацией. Очевидно, они выполняли роль амулетниц и подвешивались к поясу с левой стороны.

Ткань верхнего платья представляла собой жесткий шелк темно-синего цвета с декоративным узором, выполненным на полотняной основе жаккардовым многослойным переплетением. Ее лицевая поверхность отделана нитями желтого цвета с металлическим блеском, похожими на золотые. Отделочные нити из шелка, они спирально оплетены по всей длине полоской металла желтого цвета. Эти нити уложены параллельно и на отдельных участках ткани закреплены стежками из шелковых нитей серо-черного цвета, расположен-

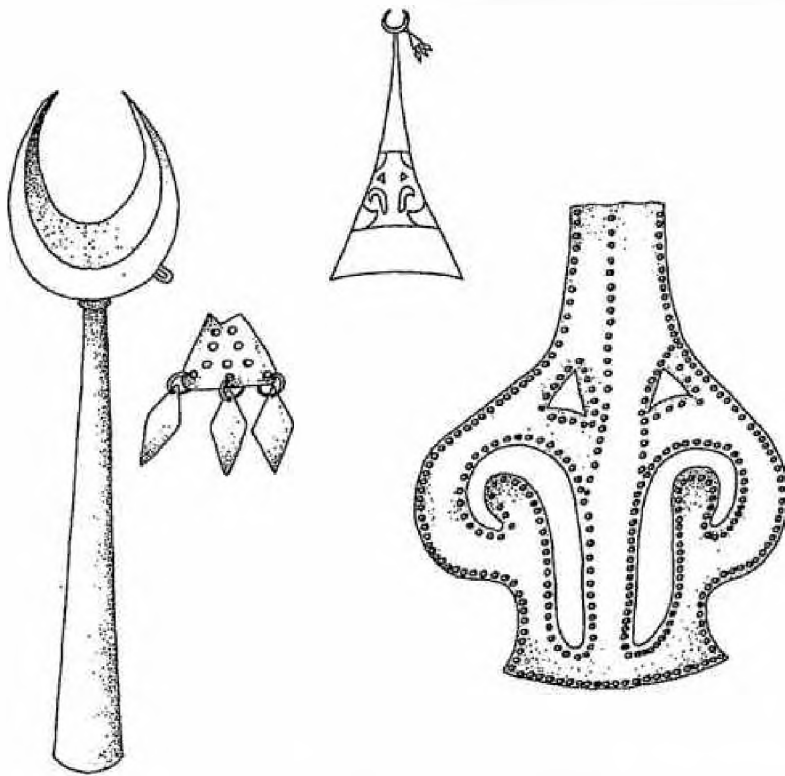

Рис. 58. Декоративные элементы и навершие женского головного убора. Могильник Зарагиз (находка Б.Х.Атабиева)

Fig. 58. Decorative elements and the top of a woman's headgear. From Zarayizh (excav. by B. Atabiyev)

ными в четыре ряда в шахматном порядке. Таким образом, получается геометрический рисунок, переходящий на других участках в петлевую проработку, где петлевой настил образует каждая четвертая нить (диаметр петли — 3 мм). Вокруг петлевого рисунка проходит ворсовый контур, состоящий из густо выступающих шелковых волокон черного цвета (равномерно обрезанные концы закрепляющих нитей). Толщина ткани на плоском участке — 0,65 мм, на петлевом — 0,92 мм, на ворсовом — 0,75 мм. Количество нитей на 10 мм с изнаночной стороны: по основе — 28, по утку — 66. На лицевой стороне плотность ткани (на 10 мм) по основе составляет 14 нитей (оплетенных золотом). Толщина нитей утка — 0,01 мм, основы — 0,03 мм, оплетенных золотом нитей — 0,15 мм. Все нити, образующие ткань, в одно сложение, с правосторонней круткой (Z).

Декор состоит из растительных узоров, сгруппированных непарными мотивами, что маскирует раппорт и образует сложную композицию, которая заполняет все пространство ткани. Очевидно, данный образец следует связать с импортом из Италии, которая занимала в XV–XVI вв. ведущее место в Европе по производству шелковых тканей.

Верхнее платье выполнено из петельчатого аксамита — парчовой ткани из шелка и пряденых золотых нитей, узор которой образован петлями. Лучшие по качеству аксамиты изготовляли в Венеции. В технологическом отношении этому образцу наиболее близок итальянский аксамит XVII в. из собрания Государственного Исторического музея, на котором представлен сложный цветок с петельчатой и геометрической разработкой (см. [Восточные и европейские ткани, с. 24]).

Головной убор в этом ансамбле представляет собой конусовидную шапочку, выполненную из ткани, аналогичной материи верхнего платья, с серебряным конусообразным навершием в виде стержня с лунницей. К луннице с помощью колечка прикреплено треугольное украшение с тремя ромбовидными подвесками. Войлочная основа шапочки выполняла, вероятно, роль каркаса. Верх шапочки декорирован серебряными украшениями, которые расположены по окружности и конструктивно поддерживают втулку стержня.

В другом погребении у села Зарагич на умершей женщине было обнаружено серебряное украшение на цепочке в виде двух последовательно соединенных подвесок с футляром. Последний представляет собой цилиндр с полусферическими крышками и декорирован растительным орнаментом. От футляра вниз спускаются цепочки, оканчивающиеся металлическими подпрямоугольными пластинами. Интересно, что это украшение надевали не через голову, а крепили к платью в области горловины. Возможно, футляр был предназначен для текстов молитв. Такие футляры — *дуа* — бытовали в этнографическом кавказском костюме.

Таким образом, зарагичский комплекс женского костюма устанавливает прямые параллели с одеждой предшествующего времени и этнографическим платьем.

Рис. 59. Серебряное украшение. Могильник Зарагич (находка Б.Х.Атабиева)

Fig. 59. A silver decoration. From Zaraqizh (excav. by B. Atabiyev)

	Головные уборы		Плечевая одежда		Поясная одежда, обувь
	Женские	Мужские	Женская, детская	Мужская	
XIII-XV вв.					
XI-XII вв.					
VII-X вв.					

Рис. 60. Трансформация одежды VII-XV вв.

VII-X вв.

Головные уборы: 1 — Общий вид головного убора жванцины-матери. Мощевая Балка, Подорванная Балка. 2 — Шапка с накосником. Мощевая Балка, Подорванная Балка, Алгата. 3 — Платок Алгата. 4 — Глубокая округлая шапочка из шелковой ткани с опушкой надо лбом. Мощевая Балка. 5 — Шлемовидный головной убор с кожаной аппликацией и меховой цветной опушкой. Подорванная Балка. 6 — Диадема из шерстяной ткани с нашитыми индикациями. Мощевая Балка. 7 — Глубокая округлая шапочка из шелковой ткани с опушкой надо лбом, переходящей к ушкам. Подорванная Балка. 8 — Шапочка овальная из четырех клиньев. Мощевая Балка. 9 — Шапочка овальная плетеная. Подорванная Балка. 10 — Шапочка овальная с нашитыми бронзовыми бляшками. Адихо. 11 — Шапочка овальная с нашитыми бронзовыми бляшками и брошью — триквестрам. Старокорсунская. 12 — Халицовый убор с узлом. Эникаком. 13 — Шлемовидный головной убор из шелковой ткани с кувшинами на кожаной основе. Мощевая Балка. 14 — Халицовый шлемовидный убор. Подорванная Балка. 15 — Округлая глубокая шапка. Мощевая Балка. 16 — Шапочка типа тибетейки с цветной меховой опушкой. Подорванная Балка. 17 — Шапочка

Плечевая одежда. Женская и детская: 1 — Женское платье туникообразного покроя с запашиным карманом. Мощевая Балка, Подорванная Балка, Алгата. 2 — Детская рубашка-курточка. Подорванная Балка. 3 — Детская нижняя рубашка. Подорванная Балка. 4 — Детский халицовый кафтанчик. Мощевая Балка. **Мужская:** 1, 2 — Халицовый кафтан. Подорванная Балка. Мощевая Балка. 3 — Оформление V-образного выреза на кафтане. Подорванная Балка.

Нижняя одежда и обувь: 1 — Короткие халцовые штаны с широким шагом. Подорванная Балка. Моцвева Балка. 2 — Сапожок-амулет. Подорванная Балка. 3 — Кожаный башмак. Подорванная Балка. 4 — Кожаный сапог. Подорванная Балка. 5 — Кожаный носок. Подорванная Балка. 6 — Кожаный башмачок, отделанный шелком. Подорванная Балка. 7 — Высокий кожаный сапог. Хасаут. 8 — Халцовый чулок.

XI—XII вв.

Головные уборы: 1 — Венчик, орнаментированный нашитыми бляшками и бубенчиками. Змейская. 2 — Глубокий головной убор, орнаментированный металлическими бусинками и бубенчиками. Змейская. 3 — Колпакообразный головной убор, орнаментированный бусами, бляшками и бубенчиками. Змейская. 4 — Шлемообразный кожаный головной убор. Рим-Гора. 5 — Головной убор, украшенный кожаной перекрещивающейся лентой с нашитыми на нее бронзовыми бляшками.

Плечевая одежда. Женская: 1 — Платье приталенно-расклевешенного силуэта с шарфом. Змейская. 2 — Короткая безрукавка. Змейская. 3 — Платье, отделанное вышивкой растительными мотивами металлическими бусинками. Рим-Гора. Мужская: 1 — Кожаный халат с залоченной кожаной аппликацией и короткий кафтан из шерстяной ткани. Змейская. 2 — Кафтан, отделанный бронзовыми бубенчиками. Змейская. 3 — Кожаная юбка бельдек. Змейская.

Поясная одежда и обувь: 1 — Кожаные сапоги, покрытые халцовой тканью и обшитые бубенчиками. Змейская. 2 — Кожаные сапоги с кожаной аппликацией. Рим-Гора. 3 — Кожаная обувь, декорированная бронзовыми бусинками.

XIII—XV вв.

Головные уборы. Женские: 1 — Конусообразный головной убор, украшенный серебряной лентой и серебряными пластинами с височными подвесками. Карт-Джурт. 2 — Конусообразный головной убор с металлическим венчиком. Натухайская. 3 — Конусообразный головной убор с навершием — лунницей, орнаментированный серебряными пластинами и подвеской. Зарагиж. 4 — Конусообразный головной убор с навершием — лунницей. Белореченская. 5 — Глубокий округлый головной убор. Махческ. Мужские: 1 — Убор типа тибетейки. Белореченская. Зарагиж. 2 — меховая шапка. Белореченская. 3 — Шапка из четырех клиньев. Даргавс. 4 — меховая шапка. Даргавс.

Плечевая одежда. Женская: 1 — Нижняя рубаша. Даргавс. 2 — Кафтан приталенно-расклевешенного силуэта со стоячим воротником. Дзивгис. 3 — Детское платье. Дзивгис. 4 — Приталенно-расклевешенное, распахнутое платье. Зарагиж. 5 — Короткая безрукавка. Дзивгис. Мужская: 1 — Халцовый кафтан. Дзивгис. 2 — Халцовый кафтан с V-образным вырезом, отделанный кожей. Дзивгис. 3 — Стеганая одежда. Даргавс. 4 — Кафтан (спинка). Даргавс.

Поясная одежда и обувь: 1 — Короткие штаны с завязками. Дзивгис. 2 — Длинные штаны. Даргавс. 3 — Кожаные сапоги. Дзивгис. 4 — Кожаные башмаки и носки. Дзивгис. 5, 6, 9 — Кожаные башмаки. Даргавс. 7 — Ноговицы. Даргавс. 8 — Общий вид женской обуви. Даргавс.

Fig. 60. Transformation of clothes in the 7th–15th cc.

КОСТЮМ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

3.1. Трактовка элементов кавказского костюма в исторических событиях и явлениях

Являясь знаковой системой в средневековом обществе, костюм нес самые различные смысловые нагрузки. Известно, что аланская родовая знать носила парадные византийские одежды. Этот факт связан с политической историей государства. Связи Византии и Алании, сыгравшие большую роль в истории народов Северного Кавказа, рассматривались рядом исследователей.

Алания была втянута в орбиту внешнеполитических интересов Византии. Последняя стремилась привлечь и удержать алан на своей стороне различными способами: заключая военные союзы, династические браки, распространяя христианство, наконец, подкупами, в которых немаловажную роль играли ткани, одежды и украшения костюма. Такая практика использовалась византийским двором по отношению ко многим варварам. В книге «О церемониях византийского двора», написанной Константином VII Багрянородным для своего сына и соправителя Романа, целые главы посвящены перечислению предназначенных в подарок от имени византийского императора тканей и скроенных, но не сшитых одежд различных видов и широкой цветовой гаммы. Затем перечисляются галуны, нашивки и «вошвы»: оплечья, каймы для распашек и нашивки на подолах разнообразных цветов и рисунков, а также облачения с шитьем или мундиры со всеми деталями, пояса, сафьяновые сапоги. «Все это, — говорит Константин, — приготавливается для знатных перебежчиков и для отсылки к знатым инородцам» [Кондаков, 1906, с. 56–57]. Подарки часто шили не только по византийскому, но и по варварскому вкусу. В особых заметках второй книги прямо говорится об иматиях по сарацинской моде, иматиях египетских и др.

Подарки в виде одежд и тканей объяснялись не только драгоценностью последних. При византийском дворе покрой одежды, ее цвет, характер нашивок являлись знаками социального положения обладателя, его статуса. Шитыми по золоту шелком таблионами украшали красные плащи свнухов, которые, будучи доверенными лицами, играли важнейшие роли при дворе. Патриции носили одежды белого цвета с пурпурными таблионами. Галуны, нашиваемые на распашные кафтаны, подразделялись в Византии по чинам, однако сам порядок подразделения установить сегодня не представляется возможным.

Известно, что распространявшиеся в государствах, испытывавших влияние Византии, византийские парадные облачения имели там социально-политическое значение. Так, на Руси великие князья были полновластными правителями и приравнивались к властителям других стран, а «младшие члены княжеского рода, имевшие наименее каких-либо прав на почетные отличия своего сана, отыскивали их на стороне, и, конечно, в той же самой Византии... Можно думать вообще, что русские князья не сами по себе и даже не непосредственно искали этих отличий, придворных санов и связанных с ними облачений, но лишь вследствие родственных и иных связей с дворами болгарским, венгерским и польским» [Там же].

Аланские правители также были связаны родственными узами с византийским нобилитетом. Знатные аланки состояли в браке с представителями высшей византийской власти: Михайлом Дукой, Исааком Комнином, Никифором Вотаниатом, правителем Трапезунда Феодором Гаврой.

Византийский писатель Михаил Пселл сообщает о связи Константина IX Мономаха с аланской заложницей, которая могла быть дочерью царя Дургулея Великого: «Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства, предпочитая таиться и скрывать их, но когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда

возлюбленную как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвели змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик» [Михаил Пселл, 1978, с. 116].

Константин не мог увенчать аланку короной царицы Византии, опасаясь «закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей и подданной» [Там же]. Однако расцветенный пояс, подаренный аланке, ставшей его наложницей, вполне соответствовал званию севасты, которым нарек ее император.

Часть роскоши, которую Константин изливал на свою возлюбленную, посылал в Аланию: «...тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, — пишет Михаил Пселл, — ибо одни за другим непрерывно приходили и уходили груженные суда, увозя ценности, конми издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство.. Ведь дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал им ее, провозглашал ее своей супругой, именовав царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать» [Там же, с. 116–117].

В книге «Об управлении империей» Константин Багрянородный отмечает ненасытную алчность северных народов в их постоянных притязаниях. «Если, — говорит царь, — когда-нибудь казары, или турки, или русы, или же иной народ из северных и скифов, что часто случается, вздумает требовать себе что-либо из царских одежд, или венцов, или облачений для какой бы то ни было своей надобности и службы, следует тебе отказать...» [Константин Багрянородный, 1991, с. 55].

Такое пристрастие варваров к драгоценному византийскому облачению объяснялось тем, что им необходимы были именно царские одежды, облачения и венцы. Политическая ситуация в варварских обществах, переживавших процесс образования государственности, была такова, что византийские облачения считались как бы символом законности власти.

Основное население варварских государств украшало свои платья на патрицианский манер, образцы такой одежды они видели на своих вождях, носивших византийские оригиналы. В 376 г. римский очевидец переправы через Дунай готов, спасавшихся от преследовавших их гуннов, отметил, что готы переплывали реку в лодках с семьями и домочадцами. «Историк точно передал факт украшения детских одежд именно знаками отличия высших классов, князей и т.д. в простонародье в глухих местах у варваров» (см. [Кондаков, 1929, с. 227]). Средние слои аланского населения также заимствовали византийскую манеру декора платья у своих знатных соплеменников.

В истории костюм иногда трансформируется, казалось бы, совсем необычным образом. В книге «О церемониях византийского двора» перечисляется придворное облачение, среди которого названы саги, хламиды, лоры, дивитисни, скарамангии и, наконец, цикакий. Последний, по заключению исследователя византийского костюма Н.П.Кондакова, был парадной одеждой василевсов в первый день Пасхи. Его снимали после окончания службы. Автор отметил, что это была не мантия, а верхняя плечевая одежда. Ничего более точного о ней узнать не удалось: ни покроя, ни декора, ни манеры ношения. Но источники сообщают, что цикакий был введен в Византии хазарской принцессой, матерью Льва Хазара [Кондаков, 1929, с. 225]. По-видимому, это была жена Константина V Копронима, которая, крестившись, приняла имя Ирины; византийские источники называют ее просто Хазаркой (см. [Моравчик, 1931, с. 69–76]).

Удивителен сам факт трансформации варварского женского костюма в парадное придворное облачение византийских правителей. Для раскрытия этого процесса важно знать первоисточник — само хазарское платье, но, к сожалению, таких данных нет. Упоминание одежды хазарки в источниках позволило историкам высказать гипотезу об имени ее владелицы. Ю.Моравчик, приняв за основу хазарское происхождение слова «чичак», выяснил, что «в турецких языках оно имеет определенный смысл и обозначает „цветок“»: Отталкиваясь

от предположения, что одежда вряд ли носила такое наименование, а скорее была названа по имени носившего ее человека, исследователь открыл новое, неизвестное до него в истории хазарское имя — Чичак. Возможно, так звали юную хазарскую принцессу, ставшую впоследствии византийской царицей Ириной.

В истории сохранились факты, свидетельствующие о проникновении отдельных элементов кавказского костюма в другие культуры. К сожалению, эти сведения отрывочны и скудны, но весьма интересны. Например, среди египетских мамлюков были отряды из представителей кавказских народов, а к 90-м годам XIV в. черкесские мамлюки даже основали новую династию. В Египте со времен правления мамлюков стали носить татарский кафтан и черкесскую тюбетейку. Если раньше было неприлично появляться на улице без чалмы, то с приходом мамлюков люди не считали зазорным ходить на рынок или в мечеть в тюбетейках (см. [Амин ал-Холи, 1962, с. 23]). В данном случае заимствование у другого народа формы головного убора было связано с необычными обстоятельствами. Существовавшее у мамлюков мужеложество распространилось и среди местного населения. Султаны отмечали это явление как новое, занесенное татарами, приведшими в страну юношей, с которыми обращались как с женщинами. В черкесской шапочке, закрывавшей лоб и щеку, юноши походили на девушек. Египетский историк ал-Макризи (1364–1442) отмечал, что, зная склонность мужчин к мальчикам, некоторые жены стали носить такие же шапочки, чтобы завоевать любовь своих мужей. Кроме того, эти головные уборы стоили намного дешевле других. В данном случае мы встречаемся с феноменом, когда элемент кавказского костюма иллюстрирует культурное явление, распространенное в иной этносреде.

Однако известны факты, когда богатые одежды и драгоценные ткани могли сыграть роль в политической и военной борьбе между различными этносами. Так, выступив против монголо-татар в союзе с половцами, аланы вскоре лишились своего союзника. Половцы поддались на заманчивое предложение предводителей монгольских войск Джебе и Субедея, которые решили расколоть союз алан и кипчаков. Они обратились к половцам со следующими словами: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие; мы заключаем с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платя, сколько душа ваша пожелает, [только] представьте их [аланов] нам» [Тизенгаузен, 1884, с. 31–32]. В результате монголы смогли разбить алан и половцев поодиночке. Это свидетельствует о том, что в XIII в. одежда очень высоко ценилась и могла служить средством подкупа.

3.2. Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте нартского эпоса

Археологические памятники могильников Мощевой Балки, Нижнего Архыза, Рим-Горы, Змейской, Дзивгиса (VII–XIV вв.) и некоторых других дают богатый материал для реконструкции костюмных комплексов средневекового населения Северного Кавказа. Реконструкции не только восстанавливают общий облик костюма, но и показывают развитие костюмных форм во времени. Сопоставление полученных реконструкций с данными средневекового изобразительного искусства делает их наиболее достоверными. Известия восточных и западных средневековых авторов в значительной степени дополняют полученные результаты. Но при этом следует учитывать тот факт, что в западных и восточных источниках запечатлена внешняя сторона кавказского костюма, отраженная сознанием иностранцев. Важная роль в раскрытии внутреннего содержания средневекового костюма (его символики, манеры ношения, связи с идеологическими представлениями и т.п.) принадлежит устным народным преданиям, оформившимся на Кавказе как нартский эпос. Предания и сказки народов Северного Кавказа представляют особую ценность в качестве источника, так как в них одежда, головные уборы и обувь описаны народами, которые их изготавливали, носили и интерпретировали в соответствии со своим отношением к костюму.

Процесс формирования эпоса был долгим и сложным, и потому в нем прослеживаются влияния различных эпох, от глубокой архаики до недавнего прошлого. У одних народов отдельные мотивы сказаний существовали в основной структуре эпоса, другие их заимствовали и перерабатывали в соответствии со своими культурными традициями. По мере формирования нартского эпоса изменялись и элементы материальной культуры, их описание органично вливалось в различные сюжеты и эпизоды сказаний.

Сопоставление имеющихся в эпосе описаний одежды (как составляющих материальной культуры) с археологическими находками позволяет уточнить время, когда происходило сложение костюма. Но хронологические рамки бытования тех или иных форм костюма не могут служить датированным признаком для мотивов эпоса. Так, практически все упоминания о женской одежде в нартских сказаниях относятся к половецкому и постполовецкому времени, тогда на смену нераспашным формам платья Т-образного покрова (VII–X вв.) приходит силуэт, очень схожий с мужским: женская верхняя одежда становится отрезной, расклешенной и распашной. Именно такая одежда — бешмет — упоминается в сказании о рождении Сослана:

«Нартовская Ахсина в коротком бешмете стирала на берегу реки белье. А по другому берегу шел пастух, и Ахсина поворачивалась к нему то одной стороной, то другой. Соблазнился он ею...» [Нарты, 1989, с. 87–88].

В другом сказании упоминается распашное платье «сай»:

«Сегодня сопью сай».

Говорят, кроме Сатаней никто этого не умеет» [Нарты, 1974, с. 349].

Таким образом, можно заключить, что в эпосе отражены те элементы костюма, которые бытовали на Северном Кавказе в период оформления конкретных мотивов в том виде, в каком они дошли до наших дней.

Археологические находки свидетельствуют, что формирование северокавказского костюма в средние века происходило в общем русле развития материальной культуры. И если трактовка отдельных эпических сюжетов у различных народов Северного Кавказа имеет свои национальные особенности, то в нартском эпосе, представляющем собой совокупность устных преданий всех проживавших здесь народов, содержится единое описание костюма, подтверждающее вывод о едином пути культурогенеза в этом регионе. По-видимому, в период оформления эпоса костюм всех народов Северного Кавказа был унифицирован в своей основе, т.е. сложился общий облик одежды, обуви, головных уборов, их декора и украшений.

В эпосе можно найти упоминание практически всех составляющих кавказского костюма: женские штаны, бешмет, платье, мужские бешмет, черкеска и шуба; различные виды обуви (сыромятные *чувяки*, *чарыки* из свиной кожи и сафьяновые *гончруки*, сауровые башмаки, расшитые золотом и серебром, и *арчимта* с плетеной подошвой, заполнявшиеся сухой травой); папахи, шапки, шитые золотом шапочки и шелковые платки. Очень часто в устных преданиях одежда упоминается в определенном смысловом контексте, что позволяет выявить те ее функции, которые невозможно установить только по археологическим данным, например: особое отношение к головным уборам, манера их ношения, использование костюма как средства унижения или наказания.

Костюм играл большую роль в средневековом обществе не только как одежда, но и как этнический, социальный, смысловой знак. Именно костюму уделяется самое большое место среди описания элементов материальной культуры в нартском эпосе.

Рукоделие, в частности шитье, отмечено в сказаниях особо, при этом подчеркивается, что последнее было основным занятием кавказских женщин: «Взял [Тисабыд] и среди ночи отправился в путь, оседлал своего коня. Отправился среди ночи, бурка на нем, сделанная Кайдух, обувь на нем, сделанная Кайдух. Она же женщина, не сделай она этого, разве мог бы он сделать сам? Да и мастерицей замечательной на все руки была Кайдух. На его коне — седло, сделанное руками Кайдух» [Нарты, 1975, с. 262]; «У бцентов была маленькая девушка. Хамыц шивел ее и поселил в семярусной башне. Здесь она жила, одной рукой кроила, другой шила» [Нарты, 1989, с. 296]. Такая высокая оценка мастерства на Кавказе

даже вошла в поговорку. Хотя в данном случае эта характеристика относится к умению печенежской девушки, на которой женился Хамыц.

«Урызмаг согласился жениться на ней (Сатане. — З. Д.). И он не раскаивался, что на ней женился: такой жены он нигде бы не отыскал. Мало того что она была красивая, — она считалась такой рукодельницей, что не имела себе соперниц» [Нарты, 1989, с. 31].

Выбирая жену своему сыну Тайсану, Сатана приглашает девиц из каждой семьи для изготовления бурки Урызмагу. И только одна из 99 приглянулась ей в качестве невесты:

Нартова нартовская Сатана
Из ста рун Урызмагу бурку готовила.
Из каждой фамилии по девице она пригласила,
Девяноста девяти девицам по одному руну дала.

⟨

Каждая из девиц свое руно взяла,
Знаменитая нартовская Сатана среди них села
И разные песни им пела.

⟨

Нартова нартовская Сатана, не спуская с них глаз,
Следила за ними.

Подобно весенним пташкам, щебечут девицы.
И никто из них не пришелся по душе Сатане.

А потом [под конец] приводит она единственную дочь
Алибега Алумбекова красавицу Айсану,
И бросает ей руно,

И поет ей разные песни.

Айсана ни звука не проронила.

Тогда единственную [дочь Алумбековых] Айсану

Задерживает она, [чтобы] в жены [ее отдать] своему сыну Тайсану,

А других девиц, каждую на арбе, запряженной конем,

Отправляет домой.

В недельный срок она посылает [послов] к Алумбековым,

К себе в дом на угощение приглашает их.

И числом в сто человек их славно угощает,

И после этого родство между нартами и Алумбековыми укрепилось

[там же, с. 44–45].

Рукоделие отмечается как постоянное занятие девушек. Отделка швейных изделий, выполненных древними мастерицами, — сложные декоративные пльы, аппликации и вышивки — находят отражение в эпосе. И в более позднее время различные авторы отмечали особое качество рукоделий кавказских женщин: «Черкешенки отличаются замечательным искусством в женских работах: скорее изорвется материя, чем шов, сделанный их рукой; серебряный галун их работы неподражаем. Во всем, что они готовят, обнаруживается хороший вкус и отличное практическое приспособление» [Витденбаум, 1864, с. 90]. Не случайно в погребениях женщин часто сопровождали шкатулки для рукоделия, ножницы и иглы. Однако присутствие последних в погребениях имело и другой смысл. В предании о том, как Сослан отправился в Страну мертвых, сказано: «Шли долго, и когда достигли Страны мертвых, то выскочили навстречу Сослану сначала девушки и женщины, которых он обесчестил, выставив вперед свои иголки и ножницы» [Нарты, 1989, с. 173]. Постоянные орудия женского труда приобретают в загробном мире функции оберега.

Нартовский эпос указывает на широкое распространение в быту народов Предкавказья дорогих шелковых, шитых золотом и серебром тканей, засвидетельствованных археологически: «Указали нарты Урызмагу дом Саулага. Он вечером, приехав к нему, остановился впереди кунацкой и начал окликивать. На оклик выбежали семь юношей, все в золоте и серебре, и окружили Урызмага» [там же, с. 71].

«Тут скрывает гуаша платок золототканый, опускает гуаша златотканое платье» [Нарты, 1957, с. 184].

И забрал он себе в жены
Единственную дочь Сайнаг-алдара, живущего на Черной горе,
Агунду-красавицу, шелками шелестящую,
Чистыми алмазами украшенную [Нарты, 1989, с. 342].

«Дочь моя очень красива, оденьте ее в дорогие ткани» [там же, с. 106].

Среди импортных шелков в археологических памятниках Кавказа встречаются китайские и согдийские, византийские и ближневосточные ткани, причем география центров их изготовления расширяется от столетия к столетию. Интересны сияющие золотом и серебром местные образцы декора одежды, выполненные в технике аппликации. Эта техника зафиксирована в находках VII–X вв. из могильников Нижнего Архыза и Мощевой Балки, а также из Римгорского и Змейского катакомбных могильников.

Археологические комплексы костюмов, безусловно, связаны с погребальным ритуалом, так как практически все они происходят из могильников. Однако нельзя отметить какие-либо детали, которые не могли быть использованы в повседневном костюме. Одежда VII–X вв. из могильников Мощевой Балки, Подорванной Балки, Эшкакона, Хасаута богато декорирована шелковыми тканями, а в некоторых случаях целиком сшита из драгоценных шелков. Костюмы XI–XII вв. из могильников Змейского и Римгорского были щедро украшены золочеными аппликациями, вышивками, серебряным сутажом; позолоченной и посеребренной кожей отделана обувь. Обилие бронзовых бубенчиков и бусин придавало одежде особую нарядность.

О погребальных одеждах, шитых золотом, говорится и в эпосе: «Жена Ахнарта, видя трупы мужа и деверя, стала горько плакать, рвать на себе волосы и звать на помощь. Ведь сама одна она не могла даже похоронить братьев! Вдруг она видит у дверей шалаша красивого всадника, который ласково спрашивает ее о причине такого сильного горя. Она рассказала ему все как было и спросила, кто он сам.

— Я Георгий, — ответил он, — я помогу тебе, похороню трупы, но потом возьму тебя к себе, потому что ты все равно теперь одна.

..Ударил [он] хлыстом трупы — и они очутились в одежде, шитой золотом. Тогда он похоронил их» [Нарты, 1989, с. 29].

В осетинских преданиях прослеживается обычай заблаговременно готовить погребальную одежду. По-осетински она называется *мардтам дарас* «одежда в мертвым». Как и у славян, надевавших чистую рубаху перед боем, нарты надевали на себя это платье, собираясь в опасный путь. Так, Сатана посылает своего зятя вернуть Созрыко, отправившегося «погубить свою голову», и, осознавая опасность мероприятия, «тот свою похоронную одежду надел, на боевую площадь сел и погнался за Созрыко» [там же, с. 254].

Погребальное платье, видимо, отличалось от повседневного костюма лишь тем, что его специально готовили как «одежду к мертвым», хотя установить точное время появления этого обычая пока не представляется возможным.

Основными видами верхней мужской одежды, запечатленными в эпосе, являются бурки и шубы. Бурка и большая шапка были непременным атрибутом костюма путника на Кавказе. В нартском эпосе герои, останавливаясь на отдых, расстилают на траве бурки, покрываются ими.

Бурки валяли не только черного, но и белого цвета. Так один из персонажей эпоса — Насиран получил в подарок бурку из шерсти белого барана, сделанную из отборных шерстинок.

Бурка и большая шуба заменяли всаднику и кров и постель. «Все знают, что сквозь бурку не проходят солнечные лучи... и ни одна капля не проходила сквозь нее» [Нарты, 1957, с. 124, 126]. Понятно, почему эту удобную, незаменимую в походе вещь надевали способностью приносить удачу владельцу: «Болат-Хамиц сказал:

— У меня было две жены. Однажды они валяли мне бурку из ста рун и пели про меня всякие песни: „Эта бурка будет такой счастливой буркой, что господин вашей головы будет ездить в Аварию, будет привозить походные сумы аварских красивых тканей, а красавицу Аварии привезет себе третьей женой“» [Нарты, 1989, с. 441].

В контексте путешествий в нартском эпосе упоминаются «большие шубы».

В шубы или бурки одеты персонажи на рельефах мавзолея у реки Кривой. Поскольку шубы иногда носили внакидку, на рельефах изображения большой шубы и бурки практически одинаковы. По замечанию В.Ф.Миллера, и на рельефах Эльхотовского креста главного героя, отправляющегося в мир иной, встречаются персонажи в больших шубах и сафьяновых шляпах (см. [Миллер, 1882, с. 114]).

В преданиях сохранился мотив об изготовлении шубы Созырыко из человеческих бород и усов, который В.Ф.Миллер связывал со скифским обычаем скальпирования. Этот мотив проходит через сказания всех народов Северного Кавказа.

В абазинском эпосе тоже упоминается о такой шубе: «Ведь это Сосранпакровопийца. Злодеем большим его зовут. Жизнь свою он прожил, зло творя, человеческой кожи на шубу себе заготовил» [Далгат, 1972, с. 447]. У чеченцев и ингушей бороды, усы и скальпы упоминаются при изготовлении бурки и стеганой одежды *бекх*. В осетинском эпосе этот мотив описан более подробно: «Созырыко собрал из нартовского аула всех девок и молодух и сказал им:

— Скроите мне шубу из кожи головы и кожи с усами.

И когда Созырыко вынес кожи от головы и усов и когда увидели их молодухи, то одна говорила:

— Это кожа с головы моего отца!

Другая говорила:

— Это кожа с усами моего брата!

Третья говорила:

— Это кожа с головы моего мужа!

И сказали они ему:

— Завтра утром мы придем.

Утром они пришли к нему и скроили шубу» [Нарты, 1989, с. 110].

Скроив шубу, женщины решили погубить Созырыко и обратились за советом к колдунье. Та посоветовала предложить Созырыко добыть для воротника кожу с головы Мукары, Тарыкоева сына, которую называют золотой, в надежде, что в битве с великаном Созырыко погибнет.

Геродот подробно сообщает об использовании скифами человеческих кож и скальпов: «Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козы шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготовляют чехлы для своих колчанов» [Геродот IV, 64].

В эпосе народов Предкавказья этот скифский обычай трансформировался в жестокое наказание — сдирание кожи со спины провинившегося: «Отец твой вывел на водопой двух коней, и три сына Соппара замутили его воду. Гордые кони зафыркали, вырвались и помчались в разные стороны. Отец твой рассердился и сказал: „Если бы сын мой был здесь, то показал бы вам!“ Те же взяли и содрали за это со спины его ремни и еще изорвали ту шубу, над которой я столько лет трудилась» [Нарты, 1989, с. 424].

Или: «„Шкуродер, сейчас же быстро на семь ремней с его спины сними (кожу. — З.Д.) и высуши для нас по одному ремню. Со спины айныжка всем по одному ремню снимает быстро шкуродер» [Нарты, 1975, с. 233].

Одним из видов мужских головных уборов, засвидетельствованных в памятниках VII–XII вв., были шлемовидные шапки, видимо, ведущие свое происхождение от древних шапок ираноязычных кочевников: скифов и саков. В эпосе всадники с такими уборами на голове называются остроконечными: «Созырыко глядит сквозь облако: впереди него едет всадник остроконечный» [Там же, с. 236]. «„Ничего не вышло, жаль, ты меня одолел. Пусть моя кровь тебе на век станет позором!“ — сказав это, умер всадник остроконечный» [Там же, с. 237].

А.А.Иерусалимская описала шлемовидный головной убор из Мошковой Балки (VII–IX вв.), выполненный из шелковой ткани с изображениями кувшинов. Его навершием была деревянная палочка, сверху обтянутая позолоченной кожей.

Вероятно, о таких шапках говорится в следующих отрывках:

Саусарук, мой свет,
Чья броня — пика и светлый щит,
Чья рубаха — кольчуга,
Верх чьего шлема — из ольхи
[Нарты, 1974, с. 215].

Сосруко — наш свет,
У кого щит золотоцветный,
Чья рубашка — кольчуга,
Верх шапки — солнце.
Поправив шапку, он садится [на коня]
[там же, с. 210].

В эпосе мужские шапки упоминаются и в связи с этикетом: «Созырыко встал и пошел со стариком в степь осмотреть стада. Когда увидел, снял перед стариком свою шапку и поблагодарил его» [Нарты, 1989, с. 103]. Так же как и пояс, мужской головной убор имел особое значение в комплексе костюма. Не случайно Созрыко, напутствуемый своей матерью не поднимать ничего, что бы ни встретилось ему на дороге, проезжает мимо всех дорогих вещей, в которые превращается колдунья, отвергая даже золотую плеть, но соблазняется шапкой: «Прошел он еще раз мимо и видит лежит золотая плеть. И золотую плеть минул он. Еще раз минул он — шапка золотая лежит.. „Столь красивую [вещь] такую как не возьмешь?“ — сказал он. Нагнулся, взял золотую шапку, надел на голову и тронулся снова» [Нарты, 1975, с. 318].

По обычаям северокавказских народов в знак уважения обнажали голову, но сорвать с головы горца шапку означало унижить его. Это требовало отмщения. Такой момент отражен в кабардинском сказании о Бадьноко и Шужее: «Всадник приблизился к нему, но вместо того, чтобы пожать ему руку, он схватил шапку Хижы и ускакал. „Проклятый! На что тебе моя шапка!“ — крикнул Хижя и помчался за всадником, а я помчался за Хижой.. Вдруг всадник остановился, выхватил Хижю из седла и унес его. „Эй-эй-эй, теперь не в шапке дело: всадника похищают“, — подумал я и поскакал быстрее» [Нарты, 1957, с. 205].

В данном случае великан намеревался похитить Хижю и, чтобы избавиться от его спутника Бадьноко, срывает с головы Хижы шапку, зная, что тот пустится вдогонку. Когда же Бадьноко отстал, великан похитил Хижю.

Трофейная шапка знаменовала победу над противником и его поражение, равносильное смерти. Не случайно в эпосе говорится:

«Когда просили голову, то приносили шапку. Сосруко, сражаясь с Тутаращем, снял его голову, положил ее в мешок, а мешок в суму, привязал суму к нему (ковю), накинул на себя свою бурку, тронулся в путь, возвращается Сосруко. Пришел он, а Сатанея: „Ну, мальчик мой, принес ли ты ее?“ „Принес я ее“, — сказав так, сказал он. „Ну покажи-ка ты мне ее“, — сказала она. Достал он ее [из мешка], и видит она — того голова! „О ты — двух псов порождение!“ — сказала она. — „Лучше бы воспитала я не тебя, а пса какого-нибудь!“ — сказала она. — „Когда просили голову, то приносили шапку!“ — сказала она — „Так и на самом же деле принес ее, ты, двумя псами рожденный!“ — сказала она. Ножницами замахнулась, видишь ли, она на него и выгнала его» [Нарты, 1975, с. 243].

Подобное отношение к головному убору у мужчин Северного Кавказа уходит корнями в тот период истории, когда привилегией наиболее знатных воинов, выступавших впереди войска и символизировавших его силу, был шлем. «Не случайно в ряде случаев ранение или гибель шлемоносца, падение шлема, символизировавшие прекращение действия могучей силы данного коллектива, приводило к панике, моментальному расстройству и бегству рядовых воинов» [Горелик, 1993, с. 154].

Обязательной деталью мужского средневекового костюма, засвидетельствованного в погребальных памятниках Северного Кавказа, являются пояса. В кавказском костюме пояс нес не только конструктивную, но и информативную нагрузку.

Помимо знака воинского достоинства и места его владельца в административной и воинской иерархии пояс являлся показателем этнической принад-

лежности. Наряду со многими его функциями в костюме мужчины-воина он служил прежде всего для закрепления оружия. В преданиях особо подчеркивается, что пояс надевали только при наличии оружия. Чуара Нельчибиевич, жалуясь на свою бедность, говорит матери: «У меня нет коня, чтобы ездить, ни порядочной одежды, чтобы одеться, ни оружия, чтобы опоясаться. Видно, что тот, кто произвел меня на свет, был бедным. Едва ли я выйду из бедности!» Когда же Чуара Нельчибиевич получил от матери все снаряжение своего отца, он оседлал отцовского коня, легко поднял и надел броню, опоясал себя шашкой и, перепрыгнув на коне через три преграды, выехал бродить по белу свету [Далгат, 1972, с. 326].

Подтверждается в сказаниях и значимость пояса в качестве приносимой жертвы: «Обратился тогда Соска Солса к Терексу с просьбой: „Уменьши свои воды, я свой золотой пояс подарю тебе“. Сказав это, бросил он в воду золотой пояс, изготовленный искусными мастерами. Доволен был Терек подарком. Поясом любясь, играя с ним и купая в волнах, умирился Терек и преуменьшил свои воды» [там же, с. 306].

По археологическим материалам также прослеживается генетическая преемственность основных форм обуви, которая была настолько удобна и приспособлена к местному рельефу, что практически не изменялась на протяжении веков. В такой обуви можно было легко и быстро передвигаться по горным тропам. Это нашло свое отражение в нартском эпосе:

«— Мне бы только с народом моим увидеться, и больше мне ничего от вас не надо, — сказал Созырыко.

— Идите и живо принесите ему два старых башмака..

— Теперь надевай их на ноги и помолись богу: „Бог богов, сделай, чтобы я оказался перед своим домом!“

И оказался Созырыко прямо перед своим домом» [Нарты, 1989, с. 98]. Здесь явно виден мотив сапог-скороходов, встречающийся в сказках разных народов. Но в данном случае он обоснован еще и реальностью — удобством местной обуви для передвижения по горам.

Все упоминаемые в эпосе формы женской одежды, как уже отмечалось, относятся ко времени не ранее XI в. Так, в Змейском могильнике и Дзивгисских склепах были обнаружены короткие безрукавки. В первом случае под ткань безрукавки находилась береста, а во втором — основная ткань была подбита кожаной основой. Как мы предположили, такая деталь костюма уже в средние века выполняла функции корсета и впоследствии широко распространилась в этнографическом костюме. В соответствии с бытующим на Кавказе идеалом красоты корсет был призван сделать грудь женщины маленькой и плоской. В эпосе есть свидетельства негативного отношения к отвислым грудям женщин, ими наделяются обычно отрицательные персонажи: «Наконец, подъехал он (Куаго. — *З.Д.*) к переправе и встретил великаншу, она купалась в реке, груди ее были закинута за спину» [Нарты, 1974, с. 309].

Отвислые груди упоминаются в качестве оскорбительной характеристики женщины наряду с отсутствием у нее мастерства и умения:

Сколько бы ни пела, ты не нужна мне.

Нитка с иголкой у тебя в разладе,

Твои груди отвисли, как у свиньи..

[там же, с. 342].

Одну из причин трансформации груди из маленькой и почти незаметной в отвислую называет в своих заметках побывавший в 1834 г. на Северном Кавказе путешественник Иоганн Бларамберг: «Черкесские девушки стягивают грудь столь тесным корсетом, сделанным из кожи, что ее едва ли можно различить; у женщины же в период кормления она остается свободной, так что грудь вскорости становится отвислой» [Бларамберг, 1992, с. 63]. Таким образом, хотя и косвенно, через утверждение определенного идеала красоты, нартские сказания подтверждают возможность бытования корсетов в средневековом костюме населения Северного Кавказа.

Тезис о том, что женские головные уборы были тесно связаны с социальным положением женщины в обществе, содержится как в ряде работ отечественных

историков и этнографов, так и в трудах зарубежных исследователей. Археологический материал свидетельствует, что в средние века девушки могли показывать свои волосы. Поэтому головные уборы девушек и молодых были более открытыми, что прослеживается и в этнографическом материале у многих народов Северного Кавказа. Женщины-матери, напротив, должны были тщательно прятать свои волосы, поскольку считалось, что от волос рожающей женщины исходит зло. Конструкция головного убора женщины-матери, описанного А.А.Иерусалимской для VII–X вв., подчинена одной цели — тщательно спрятать волосы. Нижняя повязка, шапочка с наконником, верхняя диадема, шарф или платок не позволяли выбиться ни единой пряди.

По гипотезе Н.И.Гаген-Торн, в патриархальном обществе брак означал закрепощение женщины чужим родом [Гаген-Торн, 1933, с. 77]. В русских свадебных обрядах перемена головного убора невесты сопровождается плачем по косе, по девичьей воле, что символизирует переход женщины в зависимое положение от мужа, под его покровительство. На Кавказе символом сохранения верности умершему мужу был обряд срезания прядей волос, которые клали в его могилу в знак того, что вдова не будет больше рожать детей. В 15-м Дзвигисском склепе на груди мужского костяка была обнаружена женская коса. «Нарты, что обряд старинный, — говорят преданья наши, — в гроб умершего мужчины клали прядь волос гуаши» [Нарты, 1957, с. 411].

Женщине, снявшей в знак просьбы с головы платок, нельзя было отказать. По этому знаку мирились даже кровники:

«— Хижоко Шужей, дорогой наш гость! Когда я вошла в кунацкую, я протянула между нами — между мной и тобой — платок. Это означало, что я обратилась к тебе с просьбой, а просьба была в том, чтобы ты понял и постиг наше горе...

Тогда сказал Падыноко:

— Я понял эту просьбу и, не зная еще, легко ли нам это будет или тяжело, согласился ее исполнить» [Нарты, 1957, с. 214].

По свидетельству путешественника второй половины XVIII в., обнажая и распуская волосы, осетинские женщины останавливали кровавые схватки: «Когда они (женщины — *З.Д.*) вмешиваются в кровавые схватки с криками и распущенными волосами, то все, пристыженные, вкладывают сабли в ножны и расходятся до более благоприятных обстоятельств» [Штедер, 1940, с. 14].

Как свидетельствует эпос, снятый платок предотвращал ссоры:

«— Мальчик! Вот видишь, снимаю тебе с седой головы шаль и прошу тебя об одном деле!

— Что такое, старуха? Как не исполнить мне твоей просьбы? — сказал мальчик.

— Было у меня три сына. При фадисе (тревога. — *З.Д.*) они высказывали первые, прежде них никто не поспевал: двое из них убиты в фадисе; остался один младший, он тебя первый станет догонять, но ты, мальчик, ради моей старой головы не убивай его, а слегка оконтузь и оставь по-над дорогой! Прошу тебя, не убивай его!

— Хорошо, старуха, я не убью его! — сказал мальчик» [Нарты, 1989, с. 68].

В адыгейских сказках содержится еще одна трактовка ритуального жеста снятия платка: «Ты старше всех стариков, ты — наш старшина, и ты все можешь сделать. Прошу тебя — вот мой платок, а вот и голова, — сказала зайчиха, сняв с головы платок и положив его перед медведем, — прошу тебя пригласить волка на тризну моих детей» [Сын медведя Батыр, с. 204]. В этом эпизоде снятый платок символизирует просьбу слабого предоставить ему покровительство и защиту.

В мировоззрении сложившихся эпос народов преобладали магические представления, и потому такая важная деталь костюма, как платок, тоже наделялась волшебной силой:

«— Тебя выручил твой конь, среди них были юноши и получше тебя, и если [они] оживут, то не позволят тебе взять меня в жены.

— Нельзя иначе, ты должна их оживить, — сказал Амзор.

Саумарон Бурдзабах повернула платок на своей голове вправо, и все мертвые ожили» [Нарты, 1989, с. 375].

А в адыгейских сказках находим следующее: «Ну, погоди же, я отомщу тебе за сыновей! — крикнула старуха-цеуней и бросила свой платок на море. Платок обратился в медный мост. Старуха переплыла по нему через море, а затем сняла с воды свой платок» [Сын медведя Батыр, с. 84].

Таким образом, можно прийти к выводу, что, вероятно, в изменении женских головных уборов при переходе из одного общественного статуса в другой большую роль играли моральные устои общества, находившие отражение в соответствующих магических формах.

Социальное расслоение аланского общества на примере одежды, как уже упоминалось, показано в работах А.А.Иерусалимской.

В нартовском эпосе именно костюм и его составляющие являются теми элементами материальной культуры, которые отражают социальное расслоение средневековых обществ Северного Кавказа. Экономическая поляризация общества видна в следующих эпизодах:

«Нарт Сырдон задолжал одному человеку кусок сукна. Бедным был нарт Сырдон. Хозяин сукна то и дело приходил к нему, но так и уходил ни с чем, никак не мог вернуть свой долг» [Нарты, 1989, с. 215].

Или: «— Как он выглядел, дада? — сказала она.

— Клянусь богом, он был невзрачен, плохо одет.

Запомнила она его. Начиная с этого времени она стала проявлять усиленное участие к приходящим [к ним] невзрачным и плохо одетым беднякам» [Нарты, 1975, с. 298–299].

В сказаниях об Ахсаре и Ахсартаге говорится о том, что роскошные волосы девушек ниспадали в «золотые сундучки» (см. [Семенов, 1957, с. 85]). Здесь, вероятно, имеются в виду богато украшенные шапочки с наконечниками, которые археологически засвидетельствованы пока только в холщовом варианте. Наиболее знатные аланки, видимо, могли себе позволить носить шапочки из драгоценной шелковой ткани, покрытые сверху платком или шарфом. Своеобразным противопоставлением звучит упоминание в эпосе домотканого бешмета: «А к лицу тебе дерюга! Твой бешмет из грубой ткани» [Нарты, 1957, с. 394].

Знаменитый халат с изображениями Сэнмурва из Мощевой Балки, безусловно, выделял своего владельца среди рядового населения.

Особенно ярко противопоставление знатных людей «чернокостным», подчеркнутое одеждой, иллюстрирует следующий отрывок:

Горд убранством, встал Пануко
И сказал, раздутый чванством:
«Матерей мы уважаем,
Но богатырей на Хасу
Не зовем по просьбе женщин.
Так не принято у нартов!
Разные бывают дети:
Мало ли на этом свете
Худородных, чернокостных?
Если приглашать мы будем
Всех, кого рожают бабы, —
Славным нартам, храбрым людям
Места не найдем на Хасе»

[там же, с. 43].

В сказаниях практически всех народов Северного Кавказа наиболее образно и ярко картина социальной борьбы выражена в мотиве соперничества чувяков, изготовленных из разных по стоимости материалов: «У подножия дерева простые сыромятные чувяки боролись с чувяками из сафьяновой кожи. Сыромятные чувяки рвались к вершине дерева, а сафьяновые их не пускали. Едва лишь сыромятные вырывались к плодам и листьям, сафьяновые их догоняли и стаскивали вниз. И вот что было удивительно: добирались сафьяновые до вершины дерева, листья начинали опадать, плоды сохнуть. А если хоть одному из сыромятных чувяков удавалось добраться до вершины, дерево снова зацветало» [там же, с. 137]. Далее находим разъяснение этой аллегии. «Сосруко рассказал

девушка о дереве, у подножия которого сыромятные чуваки вели борьбу с сафьяновыми. Выслушав возлюбленного, девушка сказала: „Почему же тебя удивляет это чудо? Ты видел два враждебных рода. Чуваки из сыромятной кожи — бедный род, чуваки из сафьяновой кожи — богатый род. Вершина дерева, достичь которой стараются чуваки, — сама жизнь. Предстоит, значит, война между бедным родом и богатым, и победит бедный род, ибо, когда сафьяновые чуваки достигают вершины дерева, плоды гибнут, а когда вершины дерева достигают сыромятные чуваки, плоды расцветают“¹ [там же, с. 139].

В сказании о мести Батраза за смерть своего отца Хамыца ясно видна социальная антитеза: с одной стороны — Батраз, которого мать Сатана прятала в детстве в тайной комнате (так он был беден), а с другой — богатые сыновья Бурдфарныга, одетые в парчовые черкески бешметы и хорасанские шапки. Батраз мстит им, уничтожая их роскошные одежды: «Обошел [Батраз] эти места, сбросил стрелы, сказал братьям:

— Ну, а теперь поставьте передо мной ваши парчовые шапки!

Поставили ему мишенью парчовые шапки. Две стрелы приложил к луку и пустил их одним выстрелом. Изрешетил шапки, точно крупный град листья вудуха.

— Ну, а теперь поставьте передо мной ваши парчовые черкески!

И [черкески] тоже разлетелись в разные стороны, будто клочья тумана.

— Ну, а теперь поставьте передо мной ваши парчовые бешметы!

Поставили [они] перед ним свои парчовые бешметы. Опять Батраз пустил стрелы разом. Со скоростью стрел разлетелись бешметы на мелкие клочки в стороны. Бросились они бежать — бежали по старшинству друг за другом» [Нарты, 1989, с. 282].

В другом эпизоде мотив уничтожения одежд выражен еще более остро. Герой мстит за смерть отца всему нартговскому народу:

•— О собаки нарты! Зачем вы мне не платите за кровь моего отца?

Те сказали ему:

— Твой рот — наш суд, наш алдар (владыка, господин. — З.Д.)!

— Так вот, башмак моего отца остался наверху, и вы мне его наполните вудухом от дорогого кумача.

Те начали снимать со своих жен и дочерей архалуки и сорочки, снесли их на вершину холма и там сожгли. Тогда Батырада погрозил нижнему ущелью и начал:

— Горе твоему очагу, если ты не выпустишь теперь ветру на целый год.

Тогда напустился на них невиданный в мире ветер, и он разнес пепел от их архалуков и сорочек. Нарты же возвратились рыдая, со сторбившимися плечами и оплывшими головами» [там же, с. 300]. «Весь шелк истощился в нартговских ущельях» [там же, с. 311].

Известно, что на Кавказе за кровь убитого было принято платить вознаграждение деньгами, скотом, оружием или участком земли. В данном случае Батраз требует не простого выкупа за кровь. Он мстит нартам за смерть отца, уничтожая их дорогие одежды.

Прием наказания-унижения через действия с одеждой прослеживается в другом эпизоде эпоса, рассказывающем о том, как Насран-алдар расправился со своими бездетными женами: «Делать было нечего, вынудил народ Насран-алдара согласиться. Он идет домой. Укоротив фалды-полы платьев своих жен, отрезав у них косы — волосы на голове, сняв у них исподние платья, бросил их на середину толпы народа... Народ, посмеиваясь над женами своего алдара, бросал в них камнями, комками грязи, плевал на них, что они не ода-

¹ Важно отметить, что в некоторых сказаниях нартского эпоса социальная подоплека борьбы сафьяновых и сыромятных чувак заменена идеей газавата (священной войны мусульман с неверными). В одном из эпизодов герой рассказывает о том, что встретил в пути:

— Арчи из свиной кожи и дзабыр из сафьяна спорили под деревом. Арчи взобрался на самую верхушку дерева, а дзабыр из сафьяна остался внизу под деревом.

— А что это означает? — спросил Сосырыко свою жену.

Плещала Вудуха:

— Это то, что придет такое время, когда гяур (презрительное название всякого иноверца) будет очень силен и победит всех. Арчи означает гяура, — продолжала она — и потому ему удалось взобраться на самый верх дерева» [Нарты, 1989, с. 180].

рили голову Насран-алдара детьми и оставили его без потомства» [там же, с. 319]. Здесь описано одно из самых суровых посрамлений женщины у горцев, которое никогда не изглаживалось из памяти; рассказы об этом передавались из поколения в поколение.

Обычай использования одежды в качестве средства унижения описан византийским писателем VII в. Феофилактом Симокаттой. Когда персы потерпели поражение от византийцев в битве, состоявшейся на равнине Кавказской Албании у глубокого рукава реки Аракс, «узнав об этом и не имея сил вынести столь большие несчастья, Хармизд (персидский царь — *З.Д.*) с величайшим презрением нанес Вараму (персидский военачальник — *З.Д.*) позорное оскорбление, в знак бесчестия послав ему в качестве награды за это поражение женские одежды» [Феофилакт Симокатта, 1957, с. 80].

В этом же ряду стоит русский обычай XV–XVI вв. возить провинившихся бояр по городу, одев кафтан задом наперед так, что бытовавшие в ту пору высокие воротники оказывались впереди. Отсюда происходит выражение «пш-ворот-навыворот».

Обычаи манипуляций с одеждой в качестве наказания-унижения на Северном Кавказе, безусловно, были следствием социального расслоения общества, при котором костюм являлся основным показателем имущественного положения человека, в то время как остальные предметы материальной культуры¹, обнаруженные в погребальных памятниках эпохи средневековья, были однотипны.

Часто упоминания костюма встречаются в различных выражениях героев эпоса, которые носят обидный, бранный характер. Так, Сатана, недовольная Сосруко, называет его «чувяком кривоносый, рожденным козопасом» [Нарты, 1975, с. 228]. Выражение «чувяк кривоносый», очевидно, связано с тем же эпизодом эпоса, где сражаются два вида обуви. В нем сафьяновый чувяк говорит сыромятному: «Мерзкое ты дерьмо, ведь меня шила коная девушка, а ты щетина, ты же — дрянь!» [Нарты, 1957, с. 152].

В период VII–XIV вв. каких-либо принципиальных локальных различий в формировании костюма на всей территории Северного Кавказа по археологическим материалам не выявлено. В преданиях осетин, карачаевцев, черкесов, абазин, чеченцев, ингушей упоминаются одинаковые составляющие костюма и в единой интерпретации, что подтверждает общность условий развития материальной культуры народов Северного Кавказа и формирования нартского эпоса как художественно переработанного отражения исторической действительности.

¹ Очевидно, исключением являются предметы вооружения и конской упряжи.

СЛОЖЕНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В КОСТЮМЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Внешний облик костюма народов Кавказа сформировался в рамках региона и является одним из общих признаков кавказского культурно-исторического ландшафта. Эта общность определяется одинаковым набором и покроем одежды, головных уборов и обуви, а также составом убранства. Имеющаяся вариативность не является принципиальной и определяется не столько национальными особенностями, сколько индивидуальным вкусом обладателя костюма и его социально-экономическим положением. Как правило, она выражается в качестве материала одежды и украшений.

Однако один из определяющих моментов кавказского костюма — цветовая гамма — обнаруживает тенденцию к изменению по национально-территориальному признаку. В хронологическом аспекте проследить развитие цветовой палитры кавказского костюма из-за отсутствия археологической базы данных довольно сложно. Но в итоге это развитие завершилось формированием тех цветовых предпочтений, которые видны в этнографических костюмных комплексах адыгских, тюркских, вайнахских и иранских народов Кавказа¹. При этом следует учитывать тот факт, что «наличие определенной избирательности, предпочтение того или иного цвета или рисунка ткани при возможности выбора является показателем устойчивых и давних традиций» [Студенецкая, 1989, с. 213, 218].

4.1. Красильное ремесло

Кавказский костюм в разной степени вобрал в себя почти все составляющие цветового спектра. Традиционно преобладающие цвета мужской черкески — черный и коричневый — оживляли оранжевый, синий, зеленый и белый цвета деталей бешмета, ноговиц и башлыка. Более сложная цветовая гамма характерна для женского костюма. У адыгских, карачаевских и балкарских женщин в одежде преобладали красный и черный цвета. Осетинки предпочитали пастельные тона (розовый, голубой, салатный, желтый), при этом красный как бы уходил на второй план. Вайнахские женщины носили одежду из пестрых тканей, отдавая предпочтение зеленой и коричневой гамме. Зеленый, синий, фиолетовый и коричневый цвета, наряду с яркими набивными тканями, свойственны костюму дагестанок.

Вероятно, цвет не всегда играл определяющую роль в костюмном комплексе. Образцы одежды и головных уборов VII–IX вв., обнаруженные в могильниках Северного Кавказа, выполнены из холщовых неокрашенных тканей. Однако довольно скоро на сером фоне холщового платья появляются яркие цветовые пятна в виде обшлагов, нашивных украшений и отдельных деталей костюма. При этом отделка, выполненная из ярких импортных шелков, свидетельствует о полном равнодушии изготовительниц к цветовой палитре. Они не подбирали фрагменты шелка ни по цветовой гамме, ни по рисунку.

Находки шелковых одежд и головных уборов, связанные с существованием кавказской трассы Великого Шелкового пути, еще не позволяют говорить о формировании традиции цветовых предпочтений. Однако именно в этот период у местных народов уже зарождается искусство крашения, причем как собственно окрашивания тканей разными пигментами, так и узорчатой на-

¹ Цвет в традиционной культуре Карачая и Балкарии рассматривается в работе Самариной. Основное внимание автор уделяет аргументации в пользу гипотезы о том, что использование различных цветов в значительной мере обусловлены влиянием более ранних периодов в истории карачаевцев и балкарцев, в частности доисламским — языческим (хазаро-печенежским) и иудейско-христианским [Самарина, 1999, с. 275–285].

бойки, когда определенный цветной рисунок наносится на холст с помощью штампа.

В качестве пигментов для окрашивания тканей использовались растительные красители. К сожалению, не все красильные растения, произраставшие на Северном Кавказе, давали качественную окраску тканей. Зато только при помощи местной флоры можно было получить желтый, красный, синий, фиолетовый, черный, коричневый и зеленый оттенки. Наибольшее количество растений дают возможность окрасить ткань в желтый цвет, примерно половину от их числа составляют красно-красящие растения. Еще меньше существует растений, окрашивающих ткани в черный, синий, зеленый и коричневый цвета. В среднем на территориях, занимаемых разными кавказскими народами, произрастает одинаковое количество видов красящих растений: 40 окрашивают ткань в желтый цвет, 19 — в красный, 16 — в черный, 15 — в синий, 15 — в зеленый и 8 — в коричневый. Таким образом, возможности получения красителей были равными у всех народов Северного Кавказа и не могли влиять на формирование цветовых предпочтений.

Находки из могильников VII–XIV вв. в различных точках Кавказа (Нижний Архыз, Мошечая Балка, Амгата, Эшкакон, Уллу-Кол, Змейская, Рим-Гора, Дзивгис, Даргавс и др.) показывают, что уровень красильного ремесла у средневекового населения был одинаков и основывался на практическом опыте.

На основании имеющегося на сегодняшний день материала можно отметить, что среди окрашенных тканей местного производства преобладали шерстяные. Животные волокна лучше поддаются окрашиванию благодаря протейновому составу, легко вступающему в реакцию с разнообразными пигментами. Гораздо реже окрашивались кедровые волокна, использовавшиеся для производства холста. Альдегидный характер клетчатки ограничивает способность растительных волокон к восприятию краски, и потому они окрашиваются хуже и почти всегда требуют воздействия протравы.

В качестве протравы, не только способствующей окрашиванию, но и закрепляющей пигмент на волокне, в средние века использовали различные дубильные вещества, которые широко применялись при выделке кож¹. Что касается солей металлов, различных глиноземов и квасцов, тоже используемых в качестве протравы, то они, очевидно, еще не были освоены народами Кавказа.

Этнографические данные свидетельствуют, что различных тонов добывались путем смешивания отваров разных растений. Добавляя отвар щавеля в зверобой (базовый желтый краситель), получали палевые тона, тогда как отвар мяты с тем же зверобоем давал оранжево-красные оттенки. Различные технологические приемы обработки ткани позволяли, используя один и тот же краситель, добиваться разной окраски. Например, цветы сокирки без кипячения окрашивают ткань в синий цвет, а при кипячении в фиолетовый (см. [Гроссгейм, 1946]).

Можно допустить, что растительные красители для холщовых тканей использовались намного шире, чем об этом свидетельствуют археологические находки. Но в том случае, если красители применялись без использования соответствующей протравы, то пигмент постепенно разрушался и утрачивался, поэтому обнаруженные в средневековых погребениях холщовые ткани в основном серого цвета.

Однако ткани как животного, так и растительного происхождения, окрашенные импортным красителем индиго, прекрасно сохранили свой синий цвет. В отличие от других растительных пигментов индиго² не требует протравы и во всех случаях, независимо от характера волокна, дает стойкий цвет.

«История красильного искусства учит нас, что на одежду наций известные технические удобства и преимущества оказывали очень большое влияние, — отмечал И.В.Гёте, — так, немцы часто ходят в синем, потому что это прочная краска для сукна; так же в некоторых местностях все крестьяне — в зеленом тике, потому что последний хорошо красится этой краской» [Гёте, 1957, с. 327].

¹ Археологические находки свидетельствуют, что это ремесло у средневекового населения Кавказа стояло на высоком уровне.

² Получают из растения индигофера (*Indigofera tinctoria*).

4.2. Костюм и природная среда

Естественные цвета шерсти — черный, серый, белый, буро-коричневый — стали предпочтительными в мужской одежде Северного Кавказа. Выбор определенного приоритетного цвета в женском костюме объясняется другими причинами. Их следует искать в явлении, впервые открытом в конце XVIII в. Гёте, который предложил видеть основы гармонизации цветов в особенностях зрения человека. По его теории глаз ищет и получает удовлетворение лишь от полноты цветового спектра.

Последующие исследователи считают, что колористические предпочтения и понятия о цветовой гармонии формируются у людей под влиянием окружающей их природы и ее красок. Предпочтительные цвета в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве, костюме, как правило, воспроизводят либо краски той или иной местности, либо цвета, которых «не хватает» в окружающей среде, но они необходимы для достижения цветовой уравновешенности, гармонии.

Например, художник К.С.Петров-Водкин так описывает свои впечатления от колористических особенностей среднеазиатского пейзажа, которые оказали влияние на формирование цветовых предпочтений восточного человека: «Небо видел во все часы суток. Днем оно невероятных размеров, от нежностей горизонта до дыры, зияющей в звезды на зените. От окружения солнца оно имеет все новые разливы до противостоящей солнцу точки.

Этот пережит ультрамарина, сапфира, кобальта огнит почву, скалы, делая изумрудной зеленью растительности, вконец осеребряя ее, — получается географический колорит страны в этих двух антиподах неба и почвы. Это и дает в Самаркандии ощущение зноя, жара, огня под чашей неба.

Человеку жутко между этими цветовыми полосами, и восточное творчество разрешило аккорд, создав только здесь существующий колорит бирюзы.

Он дополнительный с точностью к огню почвы, и он же отводит основную линию, давая ей выход к смешанности зеленых. Аральское море подсказало художникам эту бирюзу... В угадании этого цвета в мозаике и майолике и есть эллинистический гений Востока» [Петров-Водкин, 1982, с. 587].

Следуя теории Гёте легко объяснить это явление: «Глаз... требует собственно полноты и сам в себе замыкает цветовой круг. В фиолетовом цвете, требуемом цветом, имеется красный и синий; в оранжевом, которому соответствует синий, — желтый и красный; зеленый соединяет синий и желтый цвета и требует красного, и так во всех оттенках разнообразнейших смещений» [Гёте, 1957, с. 291].

В северокавказском костюме цветовые предпочтения формировались на эмпирическом уровне. В разных районах Предкавказья внутреннее, свойственное людям отношение к выбору цвета было различным. В костюме адыгских и чеченских народов Кавказа преобладает красный. Вайнахи предпочитают темные и яркие ткани однотонным.

На наш взгляд, немаловажную роль в этом процессе играл окружающий пейзаж. Центральную часть Кавказского перешейка, объединяющую Карачаевскую и горные территории Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии и Дагестана, занимает Кавказская горная страна. Ландшафты здесь разнообразны, но преобладают в них горно-лесные и горно-степные, с южной пояс к востоку сужается, а леса и луга постепенно сменяются сухими степями, засушливость ландшафтов увеличивается к востоку. В Прикаспийской низинной области расположены опустыненные поlynно-злаковые степи.

Доминирует в пейзаже горно-лесного и горно-степного районов зеленый цвет, который сохраняется здесь довольно долго — с конца марта по конец сентября. Хвойные леса во все времена года зелены, а в смешанных лесах с вечнозелеными подлеском и зимой просвечивает зеленый оттенок (см. [Гроссгейм, 1946]).

Преобладание зеленого в окружении черкесов, карачаевцев и балкарцев, безусловно, могло повлиять на выбор красного в качестве основного цвета женского костюма. При этом сочетание зеленого с красным в одном комплексе костюма не допускалось и считалось крайне безвкусным [Студенецкая, 1989, с. 218].

Пейзажи Восточного Предкавказья характеризуются более унылыми сочетаниями цветов, и лишь на короткий момент в году они взрываются разнообразием всего цветового спектра: «Характерной особенностью полупустынных

районов является пестрота растительного покрова.. ранней весной на общем зеленом фоне видны многочисленные разноцветные пятна (желтые, бледно-фиолетовые и т.п.), образованные массовым цветением весенних растений. С начала мая площади начинают буреть, так как весенняя растительность выгорает, и летом цвет этих площадей определяется цветом почвы — серым, желтоватым, местами, более темным. Позже развивается осенняя растительность, в общем, серо-сизого цвета (попынь) с зелеными пятнами солянок и светло-фиолетовыми пятнами цветущего кермека. В октябре–ноябре цвет становится более блеклым, более однообразным серым, и в таком виде площади уходят под снег, только пятна солянок становятся еще более темными, почти черными и нарушают общее однообразие» [Гроссгейм, 1946, с. 602].

Скорее всего, именно это природное ландшафтно-цветовое однообразие, на короткий период оживляемое многоцветием растений, способствовало тому, что население восточных районов Предкавказья предпочитает пестрые ткани однотонным. Источники акцентируют внимание на набивных многоцветных тканях, из которых шиты платья чеченок (СГОКМ, о.ф. 27901/92, 242, 429, 430, 425 и др.). Интересно, что у других народов Северного Кавказа слово «пестрый» в применении к одежде служило синонимом безвкусицы [Студенецкая, 1989, с. 216].

Формирование предпочтения к пестрым тканям в Восточном Предкавказье, возможно, связано с непосредственным контактом со среднеазиатским культурным регионом, где использование в костюме пестрых и ярких тканей отмечается как преимущественное (см. [Смешко, 1979]). Восточные районы Предкавказья — переходная зона между Кавказом и Средней Азией, где встречаются культурно-исторические традиции разных народов. И потому использование в женском костюме пестрых тканей при сохранении типично кавказского силуэта платья является для этой территории закономерным.

4.3. Социальная символика цвета

Помимо психофизиологического аспекта в сложении колористических предпочтений немаловажную роль играет и символика цвета. «Роль цветовой символики в обществе пропорциональна роли мифологизма в его мышлении. По мере возрастания роли рационализма убывает и роль символики» [Миронова, 1984, с. 16]. Цветовая символика в народной культуре имеет различные аспекты: эстетический, религиозный, нравственный, социальный, космогонический и т.п. Эти аспекты взаимосвязаны, но порой какой-нибудь из них может приобретать преобладающее значение.

В культурно-историческом ландшафте Северного Кавказа отчетливо выделяется социальный аспект цветовой символики, отраженный в костюме. Известно, что цвет как символ социальной дифференциации использовался у многих народов¹. С одной стороны, социальное расслоение общества спо-

¹ В Древнем Риме социальная символика выражалась, например, в цвете обуви: знатные горожане имели право носить калци (высокие башмаки-сапоги) из красной кожи, остальные граждане — из черной. В Византии красный цвет обуви являлся символом царской власти. Интересный факт в этой связи сообщает Анна Комнина: «После того как был свергнут с трона Михаил Дука, его сын от императрицы Марии Константин Порфирородный добровольно снял с себя багряные сандалии и надел обычные черные. Однако Никифор Вотаниат, который взял скипетр у Дука, отца Константина, приказал Константину снять черные сандалии и надеть обувь из пестрых шелковых тканей; Никифор как бы совестился юноши и отдавал должное его красоте и роду. Он не хотел, чтобы сандалии Константина целиком блистали багрянцем, но допустил, чтобы багрянцем цвели отдельные кусочки. После провозглашения Алексея Комнина мать Константина, императрица Мария, убежденная советами кесаря, попросила у самодержца скрепленный красной подписью и золотой печатью документ о том, что она и ее сын будут находиться в безопасности и, более того, что Константин станет царствовать вместе с Алексеем, будет обуть в красные сандалии, получит венец и его вместе с Алексеем провозгласят императором. Просьба Марии была уважена, и она получила хрисовул, который удовлетворял все ее притязания. Тогда же они сняли с него сандалии из шелковой ткани, которые он носил до этого, и дали ему красные» [Анна Комнина, 1996, с. 123–124]. Очень строгой была регламентация цветовой гаммы в Китае: «Лучший цвет — красный предназначен для князей, а те, что поскромнее, — черный и желтый для простого народа» [Миронова, 1984, с. 32]. Роль цвета как социального индикатора выразилась в названиях монгольских орд: «Белая Орда», «Синяя Орда», «Серая Орда» [Жуковская, 1988, с. 155].

способствовало развитию цветовой символики в костюме на фоне ограниченных возможностей материальной культуры. Сходный экономический уклад у северокавказских народов и общность культурно-исторического развития определяли одинаковое исходное сырье для производства одежды и единый фасон костюма для всего Северокавказского региона. С другой стороны, в костюме еще в раннем средневековье экономическая дифференциация общества на Кавказе стала проявляться в использовании дорогих привозных тканей. Эта тенденция характерна и для кавказских обществ XVIII — первой половины XIX в., особенно для кабардинцев.

Будучи показателем имущественного расслоения, дорогие импортные ткани не могли служить показателем сословной символики из-за своей вариативности. Необходим был устойчивый знак, которым и стал цвет. Приоритет, как и во многих других культурах, был отдан красному. Не случайно этот цвет выступает главным цветом богов, жрецов и царей. Он выделяет все выдающееся. Красный — это жизнь, сила, энергия, власть. И потому именно красному обычно отдается предпочтение как показателю высокого социального статуса. К сожалению, фрагментарность исторических источников обуславливает гипотетичность построений исследователей Северокавказского региона, касающихся вопроса цветовой символики в костюме (см. [Равдоникас, 1972, с. 203–204; Нефляшева, 1989, с. 86–95]).

С наибольшей уверенностью можно говорить только о красном цвете, который у населения Северного Кавказа с древнейших времен являлся показателем привилегированного социального положения. В погребениях сарматского времени исследователи обнаруживают одежду, головные уборы и пояса, выполненные из красной кожи, вместе с другими предметами, подчеркивающими высокий социальный статус погребенных (см. [Прохорова, 1992, с. 142–160; Симоненко, 1992, с. 149]). Шлемовидный головной убор из красного шелка с аппликациями из позолоченной кожи, безусловно, признак значительного социального положения его обладательницы, жившей в верховьях Большого Зетенчука в VII–IX вв. Отделанная шелком обувь из красной кожи, обнаруженная в аланском могильнике Мощевая Балка, красные погребальные покрывала, найденные в богатых захоронениях сарматского (см. [Прохорова, 1992]) и аланского (см. [Марковин, 1983]), времени, вероятно, были наделены тем же значением.

Этому археологическому ряду, который, безусловно, может быть продолжен, можно найти подтверждения в письменных источниках.

Армянский историограф V в. Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци) отмечает: «Так как у аланов в большом уважении красная кожа, то Арташес отпускает в приданое много красной кожи, много золота» [Армянские источники, 1985, с. 32].

В этнографическом материале, особенно в кабардинском костюме, отчетливо прослеживается социальная символика красного цвета. Красные сафьяновые чукьяки, красные девичьи шапочки и корсеты являлись принадлежностью костюма исключительно представителей феодального сословия.

В мужском костюме цвет, как социальный знак, обнаруживает себя главным образом в расцветке обуви. Так, К. Кох пишет: «Туфли красного цвета — у князей, желтые — у дворян, и из простой кожи — у простых черкесов» (цит. по [Студенецкая, 1989, с. 33]).

Красный цвет мужской верхней одежды в качестве социального показателя в источниках отмечен только в одном случае — Д. А. Миллютиным: «Кабардинцы богаче других народов и потому и одеваются все несравненно богаче: многие почетные и богатые люди носят богатые бархатные пунцовые кафтаны, шитые золотом или серебром. Этот костюм чрезвычайно великолепен и красив» (цит. по [там же, с. 39]). Темно-красный цвет черкесски упоминается исследователями у зажиточных слоев населения горной Осетии, Чечни и Ингушетии. Представители социальной верхушки адыгов и равнинной Осетии носили одежды светлых тонов.

В нартском эпосе, как в художественно-переработанном отражении исторической действительности, в качестве социального знака верхней мужской одежды упоминается белый цвет: «Твой отец выше всех, шире всех и старше

всех на Хосе! На нем белая черкеска, а сидит он на самом почетном месте» [Нарты, 1957, с. 166].

Если в Европе периода французской революции 1789–1794 гг. или в России с Петровского времени национальный костюм становится признаком определенного сословия, то северокавказские общества не вышли из рамок общенационального костюма, и социальная дифференциация в одежде проявилась исключительно в типе используемого материала и цветовой гамме.

ИСТОКИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАВКАЗСКОГО КОСТЮМА

5.1. Комплекс мужского костюма

Национальный костюм формируется в результате сложного культурного развития народа. Ансамбль костюма складывается поэтапно из тех элементов, которые наилучшим образом отвечают потребностям и вкусам владельцев. Не всегда можно проследить всю цепь развития того или иного элемента костюма. Но существование аналогий между древними и современными этнографическими формами подчас позволяет установить истоки происхождения последних.

Традиционно в отечественной исторической науке считалось, что влияние иранского компонента в формировании культуры народов Северного Кавказа было весьма значительным. Так, в литературе сложилось мнение, что кавказский кафтан «типично иранский в своей основе» [Иерусалимская, 1992, с. 7]. Однако атрибуция одного элемента костюма не определяет происхождения ансамбля в целом.

Что, собственно, понимать под иранской основой? Если иметь в виду скифов и сарматов — предшественников алан на Северном Кавказе, то, несмотря на их принадлежность к иранской культурной общности, полностью возводить аланский костюм к иранским традициям, на наш взгляд, не вполне корректно.

Очевидно, формирование культур скифов и персов происходило одновременно и на одной территории. Большую роль в процессе культурогенеза сыграли комплексы манейской, урартской и мидийской культур. Однако персы испытали мощное воздействие эламско-аншанского культурного компонента, в то время как скифы выросли из «киммерийского» пласта. В результате сформировались очень схожие, но одновременно имеющие много различий варианты иранского культурного комплекса. У персов сложился имперский вариант культуры ближневосточной деспотии, а у скифов, связанных со степью, обнаруживается много сходных черт с культурой племен Средней Азии — саков и оседлых скотоводов и земледельцев Согда и Хорезма.

Проблемы роли иранского компонента в сложении костюмов народов, входивших в иранскую культурную общность, были исследованы в ряде работ М.В.Горелика.

Персидский иранский костюм, входящий, по М.В.Горелику, в общеиранский комплекс, включал длинную, почти до колен, нераспашную рубаху с круглой горловиной и узкими длинными рукавами, подпоясанную довольно широким поясом, концы которого завязаны «узлом Геракла», часто с дополнительным ремнем — португеей акинака; *кандис* — очень длинный, до щиколоток, с удлиненными узкими рукавами распашной кафтан, имеющий завязки в верхней части, двойную оторочку по полам, канты на концах рукавов (носили кандис внакидку, и лишь перед царем руки просовывали в рукава); узкие или полуширокие штаны, заправленные в низкие сапожки, стянутые вокруг щиколотки и ступни; длинный, до пят, плащ — *кас*, с завязками у горла; головные уборы двух разновидностей: полусферическая шапка с лентой сзади и жесткий башлык, тоже полусферический, но с тремя лопастями, прикрывавшими одна — затылок, две другие — уши, щеки и подбородок, причем боковые лопасти могли завязываться на затылке, назатыльник по краю нередко вырезали полукруглыми фестонами [Горелик, 1997, с. 36].

Костюмный комплекс среднеазиатских народов представлен короткой, выше колен, курткой со скошенными назад полами и, как видно из схемы М.В.Горелика, запахнутыми налево. У согдийцев подобные куртки выполняли роль верхней распашной одежды и завязывались в верхней части тесемками. Распашная рубаха у них отсутствовала. Широкие штаны опускались на стопу.

М.В.Горелик не отмечает стягивающих ремней на обуви и предполагает, что она представляла собой высокие сапоги.

Сходный по составу и покрою костюмный комплекс был у саков, его описывает С.И.Руденко: «Об одежде саков только Геродот упоминает один раз. Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны. Одежда одного из девяти пленных, стоящих перед Дарием и изображенных на Бехистунской скале, под которым надпись: „Это Скунки — сак“, состоит из подпоясанного кафтана и высокого островерхого головного убора, загибающегося назад. Такой же головной убор можно видеть на изображении сака на рельефе, украшающем террасу персидского дворца в Персеполе. Кафтан у этого сака короткий, до колен, с узкими рукавами; справа на ремешке висит короткий меч, слева — горит; обувь мягкая, штаны узкие. В точности такой же костюм у мага, изображенного на золотой пластине из Амударьинского клада» [Руденко, 1960, с. 181].

Далее С.И.Руденко говорит о сходстве сакского и скифского комплексов в костюмах, подобных описанному, на цилиндрической печати VI–V вв. до н.э. изображены скифы, сражающиеся с мидянами. «Достаточно полное представление об одежде скифов можно составить по их изображениям работы греческих мастеров. Судя по этим изображениям, они носили короткий, меховой, шерстью внутрь кафтан с косыми, заходящими одна за другую лапами, перетянутыми кожаным поясом. Наружная поверхность этих кафтанов простегивалась в продольном направлении и расшивалась узорами. Штаны на одних изображениях узкие, мягкие, меховые или кожаные, так же как и кафтан, расшитые узорами, на других — широкие матерчатые или из тонкого войлока. Свои длинные штаны скифы заправляли в мягкие, кожаные, без подметок и каблук сапожки, которые, так же как и у саков, перевязывались у лодыжек ремнем. В некоторых случаях эти сапожки привязывались не только выше лодыжек, но и под сводом стопы, одним и тем же ремнем. Короткие голенища таких полусапожек, так же как и верхняя одежда, иногда расшивались узорами. Головные уборы были двух типов: либо островерхие, меховые или войлочные, подобные сакским, либо шлемовидные, вроде шапки-ушанки» [там же, с. 181–182].

В свою очередь, М.В.Горелик считает, что «скифский костюм наиболее близок сакскому и среднеазиатскому (оседлому), особенно согдийскому, тогда как восточноиранский и северозападноиранский, наряду с персидским, различаются с ним по большему числу показателей, чем первые два комплекса. Вместе с тем мы видим значительную близость среднеазиатского и сакского комплексов, и ряд специфических особенностей, характерных для восточноиранского, среднеазиатского и сакского костюма» [Горелик, 1997, с. 21].

Акцентируя внимание на дифференциации иранского и среднеазиатского комплексов, М.В.Горелик подчеркивает общий характер поясов, отделки и головных уборов: «Оригинальны общеиранские башлыки: у согдийцев они без назащитника, с узкими наушниками, не закрывающими подбородка, и выступом вперед над теменной частью. Хорезмийский башлык имеет небольшой назащитник, он ниже и имеет наверху в середине макушки небольшой выступ» [Горелик, 1985, с. 39]. Головные уборы — башлыки с верхушкой, свисающей вбок, назад или вперед, иногда с налобной повязкой, изредка встречающиеся старинные плотные стоячие уборы — шапки полусферической формы (у так называемого «курося») и глухие башлыки М.В.Горелик считает главным этническим показателем. При этом он отмечает, что покроем был одинаков, но у саков и кушан сохранилась торчащая форма головных уборов, в то время как персы вместо кожи и войлока стали использовать дорогие мягкие ткани, в результате чего головные уборы неизбежно теряли форму. Стоячий башлык оставался элементом костюма царствующей особы: «Лишь Дарий на помпейской мозаике носит стоячий башлык, причем видно, что под мягкой тканью убора есть плотная основа» [там же, с. 41].

В качестве общеиранского элемента М.В.Горелик выделяет пояс, завязанный «узлом Геракла», но отмечает у согдийцев оригинальную застежку в виде изогнутой палочки. «Что касается отделки, то ее система очень сходна у всех ирано-язычных народов, где она зафиксирована, причем крайне заметна связь с Ахеменидской Персией» [Горелик, 1997, с. 21]. Отделка костюма предполагает

четкую систему элементов: рубаха украшена вертикальной вставкой на груди, швы по плечам, предплечьям, груди и спине, а также по краям рукавов и подолу расшиты золотыми бляшками либо жемчугом. Аналогично оформлены швы кандиса, полы которого оторачивали мехом, последний накладывали на более широкую, обшитую бляшками, матерчатую или тоже меховую отделку. Штаны по боковым швам часто имели декоративные лампасы.

В этом контексте уместно привести вывод Л.С.Ключко о тенденции стирания этнического своеобразия в Скифии, что выразилось в существовании костюма с единым набором украшений (см. [Ключко, 1992а]).

Скифов на Северном Кавказе сменили сарматы, костюм которых в своей основе также связан с восточносакскими традициями. Сарматы принесли с собой узкий, но более длинный кафтан, длинные штаны и ноговицы, а также высокие сапоги.

В начале I тысячелетия н.э., со второго этапа развития сарматской культуры, в ней резко усиливается влияние центральноазиатских народов. Около самого рубежа новой эры в Сарматии проникают элементы культуры хунну, которые представлены главным образом предметами костюма в погребальных памятниках в низовьях Волги и Кубани, среди которых С.А.Яценко называет подлинную ажурную поясную пластину «ордосского типа» из Кривой Луки, а также подражания хуннским образцам: набор из шести застежек обуви — миниатюрных фигурок лошадок из Песчаного могильника, которые подобны найденным в Ноин-Уле и Ильмовой Паде [Яценко, 1993а, с. 98].

Через столетие, в конце I в. н.э., когда на Нижний Дон и Кубань пришли аланы, там появились ювелирные изделия с красными и зелено-голубыми камнями, стиль которых С.А.Яценко предложил именовать «бирюзово-гранатово-золотым» и отметил, что ранее всего он известен в Китае эпохи Чжоу, с III—II вв. до н.э., а также отмечен у саков и усуней в Семиречье и в I в. н.э. распространяется в Средней Азии и Сарматии [там же, с. 102].

Костюмные комплексы древних ираноязычных и средневековых тюркоязычных кочевников обнаруживают больше сходства, чем различия. Одежда и тех и других была шита по сложной выкройке, что отличало ее от классической одежды античного мира, которую просто драпировали вокруг фигуры. Причина сходства в том, что оба комплекса сформировались как одежда всадника и окончательно сложились еще до середины I тысячелетия до н.э.

Находки целых форм одежды, изготовленных из холщовых, шелковых и шерстяных тканей, головных уборов из кожи, тканей и меха и кожаной обуви фиксируются в могильниках Северного Кавказа с VII в. Это время совпадает с оформлением на широкой территории от Каспия до Черного моря могущественного государственного объединения — Хазарского каганата. Однако в советской исторической науке хазарский вопрос долгое время был под идеологическим запретом [Доде, 1996].

На сегодняшний день целый ряд памятников в Дагестане и Центральном Предкавказье археологи связывают с хазарской культурой: Чир-Юртовский комплекс, богатые захоронения в склепах у городища Тарки, Андрей-аульское городище [Магомедов, 1983], Агачкалинский могильник [Смирнов, 1951], Хумаринское городище, где были обнаружены рунические письма [Биджиев, 1983], поселение Кольцо-гора у г. Кисловодска [Кузнецов, 1992].

В обобщающей монографии С.А.Плетневой приведены памятники хазарского круга на Дону, в Крыму, степном Приднепровье, степях Поволжья и Прикаспия, а также в предгорьях и равнинах Северного Кавказа — землях, составлявших в VII—IX вв. владения каганата [Плетнева, 1999].

О неоднородности населения Хазарии писали многие авторы. А.В.Гадло приводит сведения арабских авторов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукаля об антропологической неоднородности хазар: «Одни из них были очень смуглые, их называли „карахазары“ (буквально „черные хазары“). Другие, напротив, были светлые, „белые“ и, в отличие от первых, „видные по красоте и наружным качествам“» [Гадло, 1979, с. 203].

Культура Хазарского каганата в своей основе была хазарской. Но в ее создании принимали участие древнеболгарский и аланский этносы. Не следует сбрасывать со счетов и роль адыгских племен, населявших юго-западные

районы Северного Кавказа и втянутых в орбиту хазарского владычества предков нахских народностей.

Вопрос о роли Хазарского каганата в развитии культуры входивших в него народов не все исследователи решают позитивно. Положительное влияние Хазарии отметил Е.И.Крупнов, считавший, что «с включением Северного Кавказа в орбиту влияния Хазарии (с VII в.) создавались благоприятные условия для участия в широком обмене материальными и культурными ценностями» [Крупнов, 1947, с. 127]. В.А.Кузнецов отметил благотворное влияние каганата на экономическое и социальное развитие Алании, что выразилось в окончательном оформлении густой сети городов и оседлого земледельческого населения, в интенсивных процессах феодализации и классовообразования, расширении внешних связей с окружающими странами [Кузнецов, 1992, с. 166]. С.А.Плетнева сделала вывод о том, что властители Хазарии «обеспечивали относительное спокойствие в стране, единение этносов и постепенное их слияние друг с другом» [Плетнева, 1999, с. 221]. А.В.Гадло видит положительную роль каганата в том, что в VII–VIII вв. хазары выступили «в авангарде борьбы разрозненных этнических групп Северного Кавказа против арабской экспансии... помогли им сблизиться и отбить натиск арабов». «Но в дальнейшем, — продолжает автор, — став политической надстройкой над ними, они, видимо, затормозили процесс их этнокультурной интеграции» [Гадло, 1979, с. 205].

В то время как С.А.Плетнева считает, что салтово-маяцкая культура являлась единой культурой Хазарского каганата, А.В.Гадло отрицает существование единой культурной общности на территории Северного Кавказа в средневековье и считает, что отдельные народности сохранили свои специфические особенности. Вместе с тем А.В.Гадло признает «явное культурное сближение ряда областей», а также говорит о том, что были созданы предпосылки для формирования единой культуры в течение последующих столетий.

Таким образом, факт сближения культур разных народностей, населявших Хазарский каганат, никем из исследователей не оспаривается. Многие элементы культуры, как показала С.А.Плетнева, были сходными на всей территории Хазарии. Близость материальной культуры различных областей Хазарского каганата и руническая письменность выделены С.А.Плетневой в качестве объединяющего базиса, который позволил существовать сильному политическому объединению этнически разнородных земель в течение 300 лет.

Особое место в этом ряду занимает костюм как важнейший показатель единства материальной культуры народов Хазарского каганата. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль свидетельствуют о том, что одежда хазар была схожа с одеждой соседних народов (см. [Гадло, 1979, с. 176]). На серебряном хазарском блюде в сцене единоборства двух богатырей можно увидеть хазарский костюмный комплекс. Он состоял из распашного, приталенного, подпоясанного кафтана, запахнутого налево с отворотом по вороту, длинных штанов, заправленных в сапоги, и головного убора в виде повязки (на одном из персонажей). Оба борца одеты в кафтаны из одинаковой ткани, идентичен и материал поясной одежды. Возможно, здесь изображены изделия из импортного шелка, так как ал-Истахри и Ибн Хаукаль указывают на то, что «хазары одежду не производят, а она ввозится из разных стран, включая Рум (Византию), Закавказье и Джурджан (Торган)» (цит. по [Гадло, 1979, с. 176]). В данном случае арабские авторы имели в виду именно ткани, а не предметы одежды, которые хазарские мастерицы изготавливали в соответствии с традициями и вкусами тюрок.

Изображенный на упомянутом блюде покрой кафтанов встречается на некоторых других памятниках искусства. В частности, на фреске из Афрасиаба изображен тюрк в запахнутом налево приталенном распашном кафтане, ворот которого тоже имеет отвороты (см. [Альбаум, 1975, рис. 5]). Мужские платья такого же покроя можно видеть на росписях в Кизиле, Тарашлыке и в Кучаре. Согдийский вариант тюркского кафтана зафиксирован в росписях Пенджикента.

На мужскую одежду раннего средневековья в Иране, Средней Азии или Византии оказали мощное воздействие тюркоязычные кочевники свразий-

Илл. 1. Реконструкция базового аланского мужского костюма VII–XI вв., выполненная на основе материалов могильника Подорванная Балка в Нижнем Архызе (находки В. Н. Каминского и И. В. Каминской). Мужской костюм выполнен из холщевой ткани. Кафтан по вороту и обшлагам рукавов отделан шелком. Притягивно-расклевываемый распахнутой кафтан закрывался налево. Шлемовидный головной убор. Штаны с широким шагом и чулки до колен, которые крепились с помощью кожаных ремней к нижнему поясу. Верх мягкой кожаной обуви отделан шелком. Кинжал в деревянных ножнах с амулетом из рога мелкого рогатого животного. Могильник Мощевая Балка (находка А. А. Иерусалимской). Детский костюм. Поясная одежда повторяет взрослый набор: штаны с широким шагом, холщовые короткие чулки, кожаные носочки-меси, обувь из мягкой кожи. Верхняя одежда представлена короткими рубашками из красной китайской ткани, отделанными согдийским шелком. Верхняя рубашка-курточка на холщевой подкладке, застегивается встык на бронзовые пуговицы-бубенчики. Шапочка типа тюбетейки из согдийского шелка, сшитая из четырех клиньев. Могильник Подорванная Балка (находки В. Н. Каминского, И. В. Каминской)

Pl. 1. The basic Alanic male costume of 7th–11th cc., made of canvas fabric.

The collar and cuffs of the kaftan are covered with silk. The tight-waisted, funnel-shaped kaftan was wrapped over to the left side. The headgear was shaped as a helmet. Wide pants had knee spats that were attached to the lower belt by leather straps. Soft leather shoes trimmed with silk on top. The reconstruction is based on the finds from kurgan Podorvannaya Balka on the Lower Arkhyz (excav. by V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya). A dagger in a wooden scabbard, with an amulet made of the horn of an animal. Burial Mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya).

Child's costume. Upper body garment consists of a short shirt made of four triangular pieces of red cotton fabric kamka of Chinese origin, and decorated with Sogdiana silk. From Podorvannaya Balka (excav. by V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya).

Ил. 2. Реконструкция мужской и детской одежды, выполненная на основе материалов из могильников Хасаут (находки М. М. Ковалевского) и Мошчевая Балка (находка А. А. Иерусалимской). Мужская верхняя холщовая шуба подбита мехом. Холщовый кафтан отделан шелком по вороту и боковым разрезам. Головной убор округлой шлемовидной формы имеет опушку из разноцветного меха. Костюм мальчика. Распашной кафтан с присобранной по линии талии юбкой и застежкой встык.

Pl. 2. Man's topcoat, made of canvas with fur lining. The collar and side slits of the canvas coat are covered with silk. The round, helmet-like headgear is decorated with furs of several colors. From burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya). Boy's clothes

Илл. 3. Реконструкция костюма воина, выполненная на основе материалов из могильников Мощевая Балка (находки А. А. Иерусалимской и Е. А. Милованова), Подорванная Балка (находки В. Н. Каминского и И. В. Каминской) и Хасаут (находки А. П. Рунича). Костюм воина выполнен из холста и различных фрагментов шелка. На спине кафтана хорошо заметны выступающие уголки в области талии — непременный элемент конструкции мужской этнографической черкески XIX—XX вв. На руках воина надеты холщовые перчатки без пальчиков. Кожаные сапоги без подметок сшиты по сложной выкройке, образующей оригинальный орнамент задников и голенищ. Вооружение — лук и колчан со стрелами.

Pl. 3. Warrior's costume made mainly of canvas with some parts of silk. The structure of the kaftan back part has "prominent edges" near the waist, a typical element in man's ethnographic Circassian coat of 19th–20th cc. After the finds from burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya). The warrior's hands were covered with canvas mittens that left the fingers and thumbs bare. After finds from Podorvannaya Balka (excav. V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya). The soleless leather boots were made on a complex pattern that formed a unique ornament in the heel and boot tops. From the burial mound of Hasaut, (excav. A. P. Runich).
Weapons: long bow and quiver with arrows. From the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by E. A. Milovanov and A. A. Iyerusalimskaya)

Илл. 4. Реконструкция костюма представителя аланской знати, выполненная на основе материалов из могильника Мошчевая Балка (находка А.А. Иерусалимской). Шлемовидный головной убор на кожаной основе и холщовой подкладке выпалнен из согдийского шелка. Убор увенчан палочкой, обтянутой позолоченной кожей. Кафтан из иранской ткани с изображениями Сэмурва, подбитый белчьим мехом; сшит по тюркскому канону. Могильник в Мошчевой Балке связывается с адыгским этносом. Это подтверждает единство материальной культуры Хазарской империи, в которой знать независимо от этнической принадлежности одевалась по тюркской моде. Схожи аналогичны хасгутской находке А.П. Рунича. Красный цвет подчеркивает знатность их обладателя

Pl. 4. Costume of an Alanic nobleman. A leather-based helmet-like hat lined with canvas was made of Sogdiana silk. The beaded top was adorned with a short rod wrapped in gilded leather. From the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A.A. Iyerusalimskaya). A kaftan of Iranian fabric with semmurva lined with squirrel fur. The kaftan was made to the established Turkic type. The burial mound of Moschevaya Balka belongs to the Adygee ethnic group. This confirms the unity of the material culture of the Khazar Empire where the nobility wore clothes after the Turkic fashion, independent of their ethnic affiliation (from the burial mound of Moschevaya Balka, excav. by A.A. Iyerusalimskaya). The boots are similar to the Hasaut footwear found by A.P. Runich. The red color emphasized the aristocratic origin of the owner

Ил. 5. Реконструкция женских платьев, выполненная по материалам могильников Подорванной Балки (находка В. И. Каминского и И. В. Каминской) и Мосчевай Балки (находка А. А. Иерусалимской). Женские платья туникообразного покроя с запянувшим карманом. Замужняя женщина в женском головном уборе, халцедоновых чулках и кожаной обуви. Девушка в девичьем головном уборе, босиком

Pl. 5. All dresses for females, including children and even dolls, followed the same pattern. A woman's dress was basically tunic-like, with seamless folded shoulders. The pouch pocket was a remarkable detail. The pocket was rectangular, sewn in under the front collar, covered the shoulders and fixed on the back top. There was a vertical slit whose height varied depending on the woman's marital status. Long slits down to the stomach area were typical for mothers. The slit on a girl's dress was not so long, just large enough for the head. The reconstruction is based on the finds from the kurgan Podorvannaya Balka on the Lower Arkhlyz (excav. by V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya) and the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya). There was a distinction between the headgear of a mother and a young girl or unmarried woman. Until her first child was born, a woman could expose her hair. Young girls walked bareheaded, with hair in plaits decorated with status-typical ornament: on their foreheads they wore a diadem of silk or ornamented woolen fabric on which bracteates and typical ornaments were sewn. From the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya)

Ил. 6. Реконструкция костюмов мальчика и женщины-матери по материалам из могильников Мощевая Балка (находки А.А.Иерусалимской) и Подорванная Балка (находки В.Н.Каминского и И.В.Каминской).

Головной убор женщины-матери (вид сзади) состоит из нижней диадемы, шапочки с наkostиком, шарфа (или платка); сверху все закреплялось верхней диадемой (лентой).

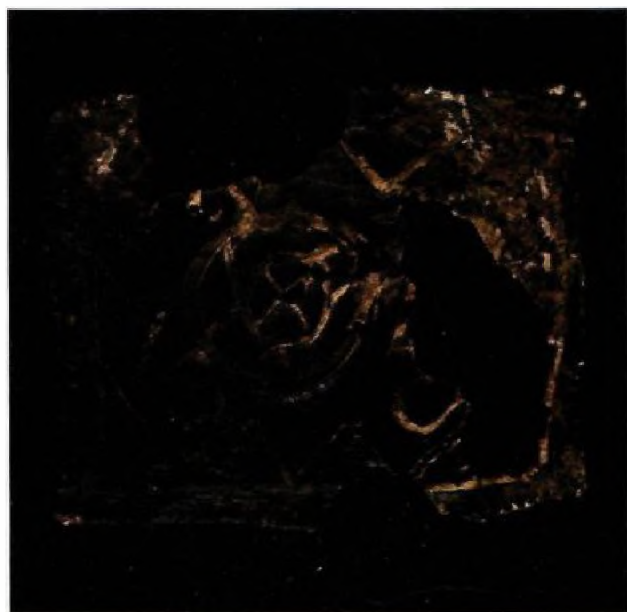
Костюм мальчика. Распашной холщовый кафтанчик. Шелковая шапочка с меховым окалышем. Игрушка уточка выполнена из кожи

Pl. 6. A mother's headgear was elaborate and complex. These women had to hide their hair, so they wore a plait-pouch with a lower diadem under it and a diadem on top of it. The entire composition was covered with a beadsscarf or a shawl. From burial mounds of Moschevaya Balka (excav. by A.A. Iyerusalimskaya) and Podorvannaya Balka (excav. by V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya). Child's buttonless canvas kaftan. From the burial mound of Moschevaya Balka. Silk hat with fur band. From Podorvannaya Balka (excav. by V. N. Kaminski, I. V. Kaminskaya) Toy duck. From the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya)

8

6

Илл. 7. Халицкие женские и детские платья, как и мужские кафтаны, украшали шелком по вороту, низу рукавов, подолу и боковым разрезам. Но декор женской и детской одежды был несравненно богаче. Ее украшали разного рода нашивками на плечах, рукавах или подоле. Могильник Подорванная Балка (находка Л. Н. Глушкова): а — нашивные шелковые украшения — орбикюл и табليون; б — кожаный табليون; в — фрагменты рукавов, отделанных шелковой тканью

Pl. 7. Similar to men's clothes, women's and children's canvas dresses had collar, sleeve cuffs, hems and side slits decorated with silk. However, women's and children's clothes were a lot richer, and were decorated with a variety of stripes and tabs on the shoulders, sleeves and the hem. After the finds from Podorvannaya Balka (excav. by L. N. Glushkov): а — Sewn-on silk decorations: orbicle and tablion; б — A tablion of leather; в — Parts of sleeves decorated with silk fabric

в

Илл. 8. Женский головной убор, изготовленный из прямоугольного куска холста. В середине длинной стороны завязан узел, что придает головному убору форму, сходную с башлыквидной. Могильник Эшкакон (находка А. П. Рунича)

Pl. 8. A hat made of a rectangular piece of canvas cloth. The knot on the edge of the central part of the longer side makes the headgear look like a bashlik. From Esbkakon (excav. by A. P. Runich).

The knot on the headgear has an interesting interpretation. In Kabarda, the headscarf knot tied on the top of the head by a married woman, was called hzbakue — literally, a burn. In Karachay, it was called chob — a crest or a forelock. This is close to the Ingush curbars, where cur is a born, forelock or tuft. An Ossetian woman's hat was called gopp, meaning a bird's crest, the same as the Ingush chugal

Илл. 9. Женский головной убор конической формы, выполненный из шелковой китайской тафты красного цвета с аппликацией из золоченой кожи. Опушка первоначально была изготовлена из темного и светлого меха куницы или норки. Могильник Подорванная Балка (находка Л. Н. Глушкова)

Pl. 9. Conical hat of red Chinese silk damask with appliqué of gilded leather. The original fur trimming was dark and light marten or mink fur. From Podorvannaya Balka (excav. by L. N. Glushkov)

Ил. 10. Женское ожерелье. Могильник Подорванная Балка (находка Л. Н. Глушкова)

Pl. 10. Woman's necklace attached to the eye-loops on the shoulders. The necklace set consists of "eye-beads" to keep away the "evil eye", a deer's tooth, a pebble with a central hole and an amulet of chamois horn — all clearly solar symbols — and also of mollusk shells believed to have magical and medicinal powers, a water nut and a peach stone. The latter obviously found its way into the necklace through silk caravans. The name of the peach, Persius, translates as magical. All objects were attached to a leather string with a peculiar system of knots. The fact that Byzantine beads and a peach stone from the remote East were part of the necklace together with objects of local origin, suggests that the necklace is a link to connect the two ends of the Silk Road, East and West. From Podorvannaya Balka (excav. by L. N. Glushkov)

Ил. 11. Рубашка-кофта из пенькового полотна. Могильник в Балкарии (находка Г. Н. Прозрителева)

Pl. 11. Kaftan-gown of hemp canvas. From a burial mound in Balkaria (excav. by G. N. Prozritelev)

Ил. 12. Кожаный баимачок, обнаруженный Г. Н. Прозрителевым в могильнике Балкарии. См. также рис. 29

Pl. 12. A leather shoe from a mound in Balkaria (found by G. N. Prozritelev). See fig. 29

Илл. 13. Реконструкции детских костюмов и костюма пожилой женщины выполнены по материалам могильников Мошчевая Балка (выходки А. А. Иерусалимской) и Амгата. Детская одежда во многом повторяла взрослый ансамбль. Платья девочкам шили по одной выкройке со взрослыми. Вышивки по подолу и боковым разрезам имеют аналогии в Хасаутском могильнике (находка М. М. Ковалевского). Пожилая женщина одета в шелковую иубу, сшитую из трех различных шелков. Спинка выкроена из холщовой ткани. Совмещение разных шелков свидетельствует о том, что цвет в аланском платье VII–XI вв. еще не имел определяющего значения. Головное холщовое покрывало, отделанное шелковой каймой, обрамляющей лицо, свободно наброшено на голову

Pl. 13. Children's clothes in many ways copied adult dress. A girl's dress used the same adult pattern. The reconstruction of the children's clothes is based on the finds from the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya). The embroidery on the hem and side slits is similar to those found in the Hasaut mound (excav. by M. M. Kovalevski) and the burial mound of Moschevaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya). An elderly woman wears a silk coat made of three kinds of silk. The back is made of canvas. The combination of different kinds of silk shows that the color was still not significant in the Alanic dress of the 7th–11th cc. A headscarf of canvas, covered with silk edging around the face, was loosely worn on the head (from the mound of Amgata)

Ил. 14. Реконструкция женского костюма по материалам могильника Подорванная Балка (находка Л. Н. Глушкова) и Мощевая Балка (находки А. А. Иерусалимской). Головной убор из могильника Подорванная Балка. Башмачик из красной кожи, отделанный шелком. Белые перчатки из кожи ягненка с аппликацией в виде красных кружочков у каждого пальчика. Могильник Мощевая Балка. Аланки тщательно следили за своей внешностью. Находки туалетных принадлежностей в аланских комплексах представляют массовый материал. Женщины использовали румяна из охры, волосы окрашивали хной

Pl. 14. Alanic women paid serious attention to their appearance. Dressing and toilet-cases are a typical attribute of Alanic burial complexes. Women used rouge made of ochre, and dyed their hair with henna. Headgear from the burial mound of Podorvannaya Balka (found by L. N. Glushkov). A shoe of red leather finished with silk. White gloves of lamb leather with red dot appliques on each finger. Found in the burial mound of Moschetayaya Balka (excav. by A. A. Iyerusalimskaya)

Ил. 15. Плетеная икатулка из лозы для рукоделия или туалетных принадлежностей. Могильник Подорванная Балка (находка Л. Н. Глушкова)

Pl. 15. Wicker casket for needlework also used as a toilet-case. From Podorvannaya Balka (excav. by L. N. Glushkov)

Ил. 16. Мозаика «Отцы церкви» в Палатинской капелле в Палермо. XII в. На изображении видно, что передняя сторона широкого, покрывающего всю фигуру облачения приподнималась до груди, чтобы можно было свободно действовать руками

Pl. 16. The mosaic of the "Fathers of the Church" in the Palatine Chapel of Palermo. This picture of the Saint Fathers dated to the 6th-7th cc. clearly shows that the front of the body-wide attire could be raised to the chest level, to leave the hands free. Found in an Alanic grave of the 11th cent. (donated to Stavropol Museum by L. N. Glushkov in 1957)

Ил. 17. Аланская гробница XI в. Доставлена в Ставропольский музей в 1957 г. Л. Н. Глушковым. Три персонажи на центральной плите символизируют основные достоинства захороненного в гробнице: щедрость и гостеприимство, храбрость и боевые подвиги, христианское благочестие.

В сцене причащения допустимо видеть аланского митрополита, благословляющего аланского правителя.

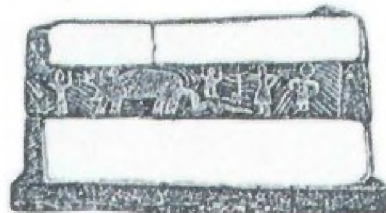
При общем сходстве силуэтов одежды и обуви на рельефах видны различия в головных уборах персонажей. На государе — конусовидный головной убор с остроконечным навершием, который являлся знаком социального статуса воина; шлемоносец символизировал силу военной организации, к которой принадлежал.

Pl. 17. Alanic burial dated to the 11th c., brought to Stavropol Museum in 1957 by L. N. Glushkov. The three characters in the central plate symbolize the principal virtues of the person buried in the grave: generosity and hospitality, courage and valiance, and Christian righteousness. It is probable that the scene of the Eucharist shows an Alanic metropolitan as he gives blessings to an Alanic chief.

The outline of the man's secular clothes, selected by the artist, was typical of the basic Alanic dress. The cut did not signify social differences, therefore the lord himself and his wine-waiter, who was obviously much lower in the social hierarchy, are both depicted wearing kaskets of the same outline in the bas-relief. Though the outlines of clothes and shoes of both are similar, the difference between the hats is clear. The monarch wears a cone-shaped hat with a pointed top-piece. The waiter has a helmet-like hat with a rounded top. A pointed hat was a sign of the warrior's social status, while the person wearing a helmet symbolized the strength of the military system to which he belonged.

Ил. 18. Очертания крайней справа фигуры в среднем фризе южной стены принципиально иные, чем очертания фигуры мужчины. Этот силуэт соответствует женскому костюму, археологически засвидетельствованному в скальных могильниках VII–X вв.: Мощевой Балке, Нижнем Архызе, Амгате. Анализ костюма позволяет утверждать, что данный персонаж — женщина. Это вполне соответствует трактовке сцены как героического сватовства главного героя, добывающего себе жену в борьбе с чудовищем

Pl. 18. The clothes of the right figure in the middle section on the south wall have a fundamentally different outline from a male figure. This silhouette agrees with the female costume archaeologically confirmed by the rock burials of the 7th–10th cc. in Moschevaya Balka, Lower Arkhyz, Angata. The female image of this heroine, established by the costume analysis, is in full correspondence with the concept of the protagonist's heroic betrothal as he acquires his spouse by defeating a monster

Ил. 19. Реконструкция кочевнического средневекового костюма, выполненная на основе каменных половецких изваяний (по С. А. Плетниевой). В одежде мужчины можно проследить кафтан, нательную рубашку, штаны и сапоги. Судя по изваяниям, кафтаны украшали галунами по вороту, длине рукава, полам и подолу. Обувь на всех изваяниях однотипна — это сапоги с мысообразным выступом, которые при помощи крючка и ремешка закреплялись на поясе

Pl. 19. With few exceptions, the Polovtsian stone sculptures are our principal source of information on the costume of medieval nomads. A kaftan, an undershirt, pants and boots are part of the man's clothes. According to the effigies, the kaftan was decorated with lacing on the collar, along the sleeves, the hem and flaps. The footwear of all the effigies are of the same type: boots had jutting ends and were attached to the belt with a hook and straps. The reconstruction is by S. A. Pletniova on the basis of the Polovtsian stone sculptures

Ил. 20. Реконструкция женской одежды, выполненная на основе каменных половецких изваяний (по С. А. Плетневой).
 Походная жизнь, связанная с конем, сформировала у кочевников одинаковый комплект мужской и женской одежды: распахнутой кафтан, нижняя рубашка, штаны и сапоги. На женских изваяниях изображен пояс, который служил для подвешивания зеркала, гребня, сумочки и других предметов. Разнообразием и сложностью отличались женские головные уборы.

Pl. 20. Nomadic life around the horse resulted in the unisex costume of the nomads: the same open-cut kaftan, an undershirt, pants and boots. The female statues wear belts that were used to attach a mirror, a comb, a handbag etc. Women used various and complex hats. The reconstruction is by S. A. Pletniova on the basis of the Polovtstan stone culture

Илл. 21. Реконструкция женской одежды, выполненная на основе каменных половецких изваяний (по С. А. Плетневой). Декор женской плечевой одежды был гораздо богаче, чем мужской. Кафтаны расширяли по подолу, плечам, рукавам и вороту, и в некоторых случаях отделка прикрывала швы сверху. В качестве отделки использовали шелковые узорчатые ткани, вышивку и аппликацию

Pl. 21. Female clothing was a lot richer in decorations than that shown on the male statues. The khalat was embroidered on the hem, shoulder flaps, sleeves and collar, while in some cases the decoration was covering the seams. Patterned silk fabrics, embroidery and applique were used to decorate the clothes. The reconstruction is by S. A. Pletniova on the basis of the Polovtsian stone sculptures

Илл. 22. Реконструкции аланского мужского костюма XI–XII вв., выполненные на основе материалов могильников Змеицкий (находки В. А. Кузнецова) и Рим-Гора (находки А. П. Рунича). Покрои остаются прежними. Однако изменяется манера ношения одежды: теперь короткий и тонкий кафтан надевают поверх длинного и плотного платья. Появляются новые детали — набедренные юбки-бельдек. Одежда богато украшена бронзовыми бляшками и бубенчиками. Широко распространены аппликации кожей по коже

Pl. 22. Alanic man's clothes of the 11th–12th cc.: the old pattern survives. However, the manner of wearing the clothes changes: now a short and thin kaftan is worn on top of a long and thick garment. New details appear, like the rib-skirt beldek. The clothes are decorated with plenty of bronze clasps and little bells. Leather appliques on leather are common. The reconstructions are based on the finds from the burials of Zmeiski (excav. by V. A. Kuznetsov), and Rim-Gora, by A. P. Runich)

Ил. 23. Реконструкция одежды аланок XI—XII вв., изготовленная по материалам могилок Грим-Гора (находка А. П. Рунича) и Змеиный (находка

В. А. Кузнецова). Невольно можно ли не заметить близкой женской одежды. Туркообразную платье сменяется расстегиваемым открытым кафтаном, аналогичным мужскому. Ясно прослеживается единый обхватник и осевой разрез платья, чего не было в VII—X вв. Единственным отличием кров, конструкция, структура платья — все эти следы бытовых наших форм — только объясняют только истинным отношением людей. Очевидно, в этом иезитии кроются более сложные причины, связанные с изменением положения женщины в обществе и характере ее занятий, ибо на родной костюме всегда отпечател потребности повседневной жизни.

Pl. 23. Alanic woman's clothes of the 11th—12th cc. The Polotskian influence resulted in a change of the basic shape of women's dress. The tunic-shaped dress is replaced by an open-cut kaftan with a horizontal waist seam, like that of a man. The upright collar and the axial cut of the dress are clearly traceable — something not found in the 7th—10th cc. The concurrent change of cut, structure and silhouette of the dress, that took centuries to establish, cannot be explained by fashion alone. Obviously, this coincidence conceals more complex reasons. These could be connected with a change of woman's social status and the character of their work, since the ethnic costume invariably corresponds to the requirements of everyday life. The reconstructions are based on the finds from the burial mounds of Zmeiski (excav. by V. A. Kuznetsov) and Rim-Gora, (excav. by A. P. Runich)

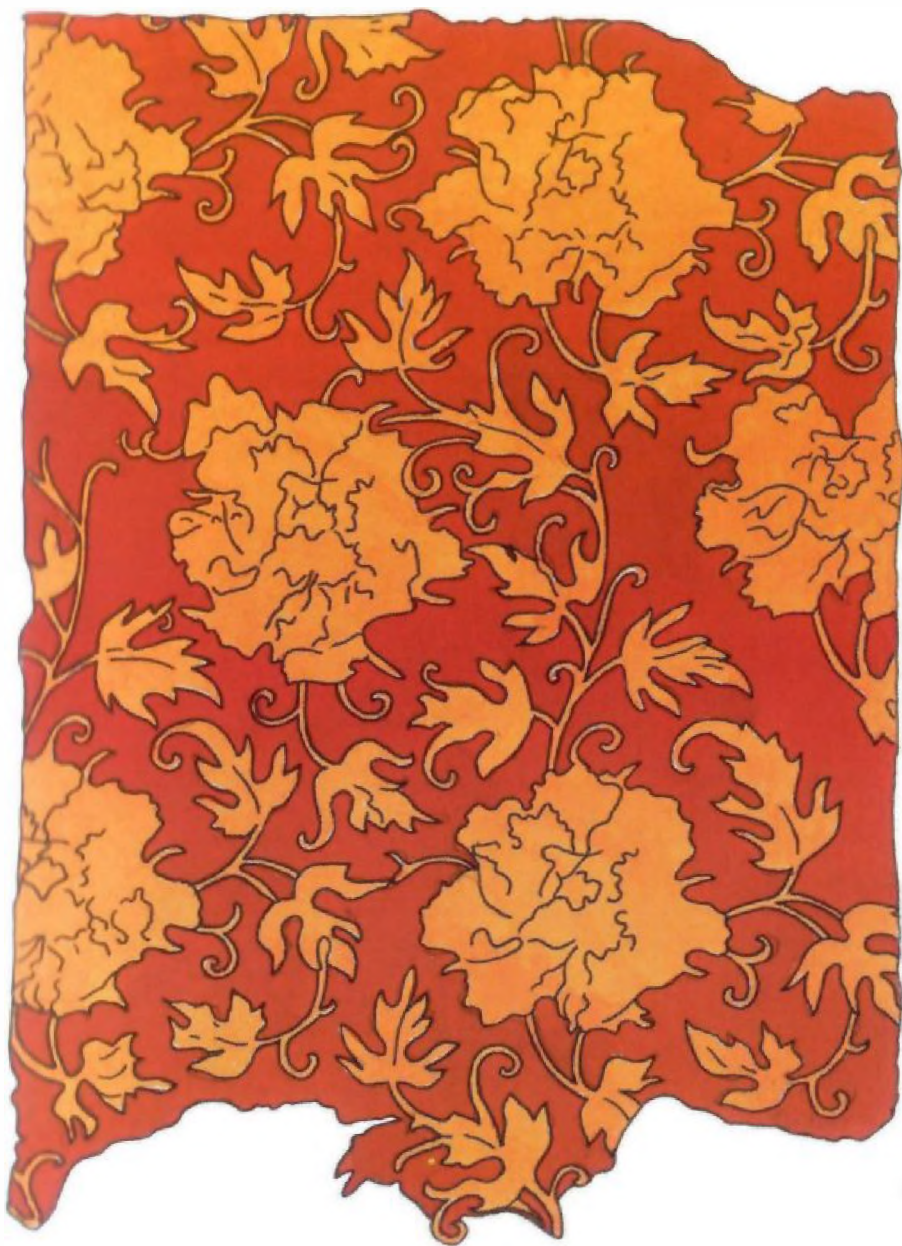
Ил. 24. Фрагмент ткани нижнего кафтанчика. Зеленый шелк с желто-коричневым орнаментом, образованным жаккардовым однослойным переплетением швей утка и основы. Увек (находка А. А. Кроткова)

Pl. 24. Part of the fabric of an underkaftan. Green silk with a yellow-brown ornament done as a single layer of interwoven weft and warp threads (from Uvek excav. by A. A. Krotkov)

Ил. 25. Шелковая ткань халата, первоначально красного цвета. На ткани сохранились остатки позолоты, причем в одних случаях это пряденое золото, а в других — золотая набойка поверх тканого узора. Реперит состоит из цветов и листьев пиона. Очевидно, ткань была изготовлена в царских мастерских Минского Китая. Новонавловский могильник (находка Н. А. Оконько). См. также ил. 26

Pl. 25. The silk fabric of the robe was originally red. There is still some gilding left on the fabric: in some cases that is loomed gold thread, in others, gold chasing on top of the woven ornament. The repeat unit consists of peony flowers and leaves. The fabric was clearly made in the imperial factories of Ming China. From the burial mound of Novopavlovsk (excav. by N. A. Okonko). See pl. 26

Ил. 26. Фрагмент шелковой ткани халата. Новоняуровский могильник (находки Н. А. Охотько). См. также ил. 25

Pl. 26. The drawing of piece of silk fabric of robe. From the burial mound of Novonaurorsk (excav. by N. A. Okhonko). See pl. 25

Ил. 27. Кружева очень тонкой работы, первоначально представлявшие целое полотно. Новопаоловский могильник

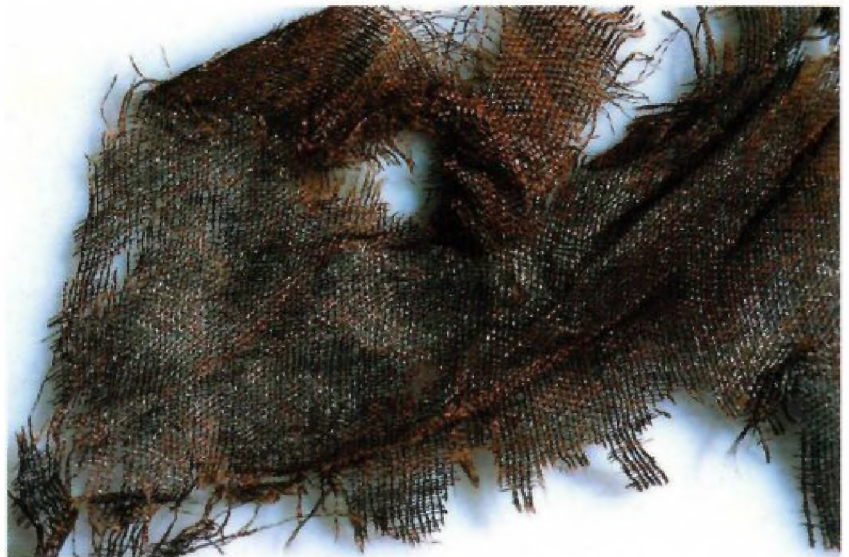
Pl. 27. Very fine lace that originally was part of a complete sheet of fabric. From the burial mound of Novopavlovsk

Ил. 28. Фрагмент шелкового платка, которым было закрыто лицо погребенной. Новопаоловский могильник

Pl. 28. Part of a silk shawl that covered the face of a woman buried in the Novopavlovsk mound

Ил. 29. Фрагмент оформления выреза горловины нижнего платья вышивкой и сутажом. Новопаоловский могильник

Pl. 29. Part of embroidery and soutache on the underwear collar cleavage. From the burial mound of Novopavlovsk

Pl. 30. Реконструкция костюма знатной монголки, выполненная по материалам Новопапковского могильника (находки Н. А. Охонько). Расшитой халат из красного китайского шелка с золотой набойкой, подпоясанный зеленым шелковым поясом. На правом рукаве халата нашиты золотая лунница и полоска фольги, на левом — солнечный диск, очевидно знак монгольской пространственной ориентации. Головной убор — бокка выполнен из берестяного каркаса, обтянутого шелком с печатным орнаментом в виде стилизованных цветов. На шелк нашиты четырехлепестковые серебряные с позолотой украшения. Головной убор укреплялся на голове с помощью широких лент, проходящих под подбородком и завязанных сзади в большой бант. На эти ленты нашиты золотые ромбические украшения с жемчугом. Высокие кожаные сапоги без подметок

Pl. 30. Costume of a noble Mongolian woman. Open-cut robe of red Chinese silk with gold print, and a green silk belt. There was a moon shape and a foil strip sewn on the right sleeve, while on the left there was a sun disk — probably symbols of Mongolian spatial concepts. The headgear is a birch-bark frame covered with printed silk with a stylized flower pattern. Four-petal gilded silver shapes were sewn on to the silk. The headgear was fixed on the head with wide ribbons that crossed under the chin and were tied in a large bow behind. Gold rhomboid shapes with pearls were sewn onto these ribbons. The high boots had no soles. The reconstruction is based on the materials from the burial mound of Novopavlovsk (excav. by N. A. Okhonko)

Ил. 31. Кожаная сумочка, расшитая шелковыми нитями с бронзовой застежкой

Pl. 31. Leather bag embroidered with silk thread, with a bronze buckle

Ил. 32. Кожаная сумочка и портупейный ремень

Pl. 32. Leather hand bag and shoulder strap

Ил. 33. Фрагменты ткани нижнего мужского бешмета (находка А. В. Белинского). См. также рис. 41

Pl. 33. Part of cloth of lower besbmet. From Djukhta-2 (excav. by A. V. Belinskij). See fig. 41

Ил. 34, 35. Фрагменты ткани
нижнего мужского беизмета.
Среди ассиметрично распо-
ложенных растительных мотивов
изображены фигуры драконов и
летищих гусей. Драконы выста-
влены в характерной китайской
манере, сочетающей в одном об-
разе черты различных живот-
ных. У драконов голова льва с
развешивающейся гривой, козы
рюга, змеиное туловище, покры-
тое рыбьей чешуей, на изогну-
тых лапах — орлиные когти.
Гусь изображен с распахнутыми
крыльями, длинной изогнутой
шеей; на его голове — короны в
виде распустившегося цветка.
Могильник Джухта-2 (находка
А. В. Белинского). См. также
рис. 42, 43

Pl. 34, 35. Parts of cloth of lower
heshmet. Among the asymmetric
foliage, figures of dragons and
flying geese are shown. The dragons
are of typical Chinese pattern where
one image combines a number of
ornamental animal elements. It has
a lion head with a flying mane, deer
horns, snake body covered with fish
scales, and eagle claws on bent
paws. The goose is pictured with the
wings spread widely, and a long
curved neck. On the head it wears a
crown shaped as an open flower.
The image of the goose shows most
realistically the plumage, legs, eyes,
and the anatomy of the bird. From
Djulehta-2 (excav. by A. B. Belinskij).
See fig. 42, 43

Ил. 36. Головной убор из мужского захоронения в могильнике Дюхтин-2 (находка А. В. Беллинского). См. также рис. 45

Pl. 36. A headgear from a man's grave in the burial mound of Dyubtin-2 (excav. by A. V. Belinskij). See fig. 45

Ил. 37. На каждом из четырех клиньев головного убора были вышиты гепарды в черных шелковых медальонах, которые шли друг за другом, переставляя лапы, в обрамлении растительного орнамента. Могильник Джухта-2 (находка А. Б. Белинского)

Pl. 37. All four wedge-pieces of the beadedgar were decorated with four embroidered cheetabs wearing black silk medallions following each other with changing pace, among ornamental verdure. From Djukhta-2 (excav. by A. B. Belinskij)

Ил. 38. Ткань верхнего халата златного воина, вытканна жаккардовым полуторасловным переплетением шелковых нитей основы и утка. Среди растительных мотивов орнамента в шахматном порядке расположены изображения фениксов, по одной линии раппорта они развернуты направо, по другой — влево. У фениксов раскрыты крылья и три разбегающихся стилизованных хвоста. Симметрия в композиции отсутствует. Ткань несомненно является текстилем китайского производства, о чем свидетельствуют характерная орнамента и технологические характеристики. Джукхта-2 (находка А. В. Белинского). См. также рис. 44

Pl. 38. The fabric of the top robe is done as a layer-and-a-half of interwoven weft and warp silk threads. Among the ornamental verdure, phoenixes are placed in a checkerboard pattern. The squares are turned to the right on one line of repeat, to the left on the other. The phoenixes are shown with widely spread wings and three flying stylized tails. The composition is asymmetrical. This fabric is doubtlessly of Chinese origin, which is proven by the typical ornaments and technological characteristics. From Djukhta-2 (excav. by A. V. Belinskij). See fig. 44

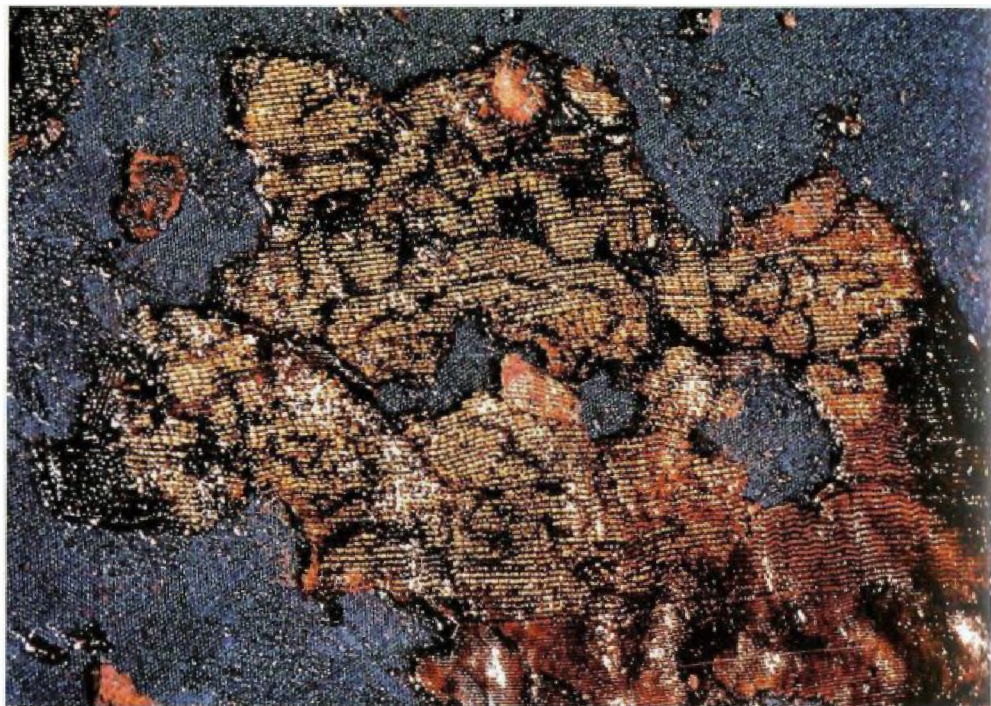

Ил. 39. Серебряные чаши из мужского и женского захоронений Джукхтинского кургана. Чаши украшены золоченым растительным орнаментом и лотосом на дне. Могильник Джукхта-2 (находка А. В. Белинского)

Pl. 39. Silver cups from man's and woman's graves in the Djukhta mound. The cups were decorated with gilded ornamental verdure and a lotus on the bottom. From Djukhta-2 (excav. by A. V. Belinskij)

Ил. 40. Фрагменты ткани женского халата. Орнамент из стилизованных растительных мотивов на поверхность шелка нанесен способом набойки веществом желтого цвета, похожим на золото, на черной клеевой основе. Могильник Джукта-2 (находка А. Б. Белинского). См. также рис. 56

Pl. 40. Pieces of fabric from a woman's robe. Stylized ornamental verdure is printed onto the silk fabric using a yellow gold-like substance on glutinous basis. From Djukhta-2 (excav. by A. B. Belinskij). See fig. 56

*Ил. 41. Золотая бляха в виде
цветочной розетки. Могильник
Джукта-2 (находка
А. Б. Белинского)*

*Pl. 41. Golden buckle in the shape of
flower rosette. From Djukhta-2
(excav. by A. B. Belinskij)*

Ил. 42. Костяной игольник с железными иглами. Могильник Джукта-2 (находка А. Б. Белинского)

Pl. 42. Needle-case of bone with iron needles. From Djukhta-2 (excav. by A. B. Belinskij)

Илл. 43. Реконструкция мужского и женского костюмных комплексов из джукхтинского кургана. Могильник Джукхта-2 (находки А. В. Белинского)

Pl. 43. Reconstructed costume complexes from the Djukhta kurgan. From Djukhta-2 (excav. by A. V. Belinskij)

Илл. 44. Фрагменты ткани верхнего шелкового платья. Могильник Зарагизж (находка Б. Х. Атабиева). Нити узора на отдельных участках уложены параллельно и закреплены стежками из шелковых нитей серо-черного цвета, расположенных в четырех рядах в шахматном порядке и образующих геометрический рисунок, в некоторых местах переходящий в петлевую обработку. См. также рис. 57

Pl. 44. Fabric pieces of silk top dress. The ornament threads are in some places laid in parallel and fixed with stitches of gray and black silk threads. The stitches are in chequerboard pattern with four rows, forming a geometrical drawing that in other places turns into a buttonhole. From Zaragizh (excav. by B. Atabiyev). See fig. 57

*Ил. 45. Серебряное навершие
железного головного убора. Мо-
гильник, Заргиш
(находка Б. Х. Атабиева)*

*Pl. 45. The silver top of woman's
headgear. From Zaragish (excav. by
B. Atabiyev)*

Ил. 46. Фрагменты шелкового футлярчика с серебряным шитьем. Могильник Зарагиз (находка Б. Х. Атабиева)

Pl. 46. Fragments of a silk case with silver embroidery. From Zaragizh (excav. by B. Atabiyev)

Ил. 47. Комплекс женского костюма устанавливает прямые параллели с костюмами предшествующего времени и этнографическим платьем. Могилишник Зарагизж

Pl 47. The set of woman's costume from the burial of Zaragizh shows direct parallels with the costumes of previous periods and the ethnographically documented clothes. From Zaragizh

Ил. 48. В. Шмитев. Чеченка в национальном костюме. [1925]

Pl. 48. A Chechen woman in ethnic clothes (drawing by V. Shpirtsov). Chechnya. [1925]

Ил. 49. В. Федоров. Карачаевский костюм (новый). Кабардин. 1925

Pl. 49. Modern Karachai costume (drawing by V. Piodorov). Karachai. 1925

Ил. 50. Ф. Чернушенко. Горянка,
несущая ребенка. Селение Шат-
ной, Чечня. 1925

Ил. 50. A highland woman carrying a
baby (drawing by F. Chernousenko).
Village of Sbatoy, Chechnya. 1925

Ил. 51. Ф.Черномусенко. Старая женщина с клюкой. Дуба-Юрт, Чечня. 1925

Pl. 51. An old woman with a cane (drawing by F. Chernomusenko). Daba-Yurt, Chechnya. 1925

*Ил. 52. Ф. Черноусенко. Девушка из
селения Шатой. Чечня. 1925*

*Pl. 52. A girl from the village of
Sbatoy (drawing by
F. Chernousenko). Chechnya. 1925*

Pl. 53. Portrait of a highland woman
(drawing by V. Sakhnko). The shawl
is decorated with edging around the
face

Кр. 53. Б. Высокая женщина
портрет (1925). Край
шали украшен
орнаментом

Ил. 54. В. Шлитиев. Чеченка-старуха из селения Шатой. Чечня. 1925

Pl. 54. A Chechen old woman from the village of Sbatoy (drawing by V. Shlitiev). 1925

ских степей — авары, болгары, хазары. Повсеместно прослеживается влияние тюрков не только на одежду, но и на доспехи, и конскую упряжь [Распопова, 1970, с. 86–91]. Даже автор знаменитого византийского военного трактата VI в. «Стратегикон» Маврикий рекомендовал: «Одежда самих воинов должна быть просторна, длинна и красива, как у авар» [Маврикий Стратег, 1903, с. 17]. Персидский шах изображен в гроте Таки-Бустан в шитом по тюркской моде кафтане, опоясанном наборным поясом тоже тюркского типа с подвесками (см. [Зиалур, 1965, с. 552]).

Покрой северокавказских кафтанов соответствовал крою тюркской плечевой одежды. Особенно наглядно это иллюстрирует кафтан, найденный в Мощевой Балке. Он шит из иранской ткани с изображениями Сэнмурва, но по тюркскому канону. Следует отметить, что могильник в Мощевой Балке связывается с адыгским этносом. Это подтверждает единство материальной культуры Хазарской империи, в которой знать независимо от этнической принадлежности одевалась по тюркской моде. Однако покрой холщовых халатов рядовых общинников, в целом соответствующий тюркскому, отличался большей сложностью. В тюркском варианте перекидной стан соединяли с юбкой прямым швом немного ниже линии талии. Клеш юбки достигался соответствующим кроем. В северокавказских же кафтанах юбку пришивали к стану по линии талии, где дополнительно собирали в сборки и часть ткани выпускали в выступающие на спине «уголки». Шов, соединяющий лиф и юбку, был отделан специальным кантом, который выполнял не только декоративную, но и конструктивную функцию. Эти особенности кроя, а также боковые разрезы на юбке, смещенные, согласно конструкции, назад, сохраняются в современном этнографическом костюме населения Северного Кавказа. Крой средневекового кафтана вполне соответствует описанию черкески, приведенному Е.Н.Студенецкой: «Черкеска, обтянутая по фигуре, от пояса плавно расширялась книзу при помощи особого кроя спины и клиньев. Боковые швы у подола оставляли незащитыми на 10–12 см» [Студенецкая, 1989, с. 87]. Традиция застежки встык, состоящей из матерчатых пуговиц и петелек, часто пришитых на полочке верхней одежды, или представляющей собой несколько пар галунов с металлическими пуговицами, фиксируется в кавказском костюме с раннего средневековья и встречается среди найденных изделий XI–XV вв. Таким образом, можно констатировать, что бытовавший в средние века покрой верхней одежды не только сохранился в этнографическом платье, но стал господствующим, типичным в одежде народов Северного Кавказа.

В аланских погребениях VII–XI вв. штаны ниже колен не зафиксировано, хотя в сарматском и скифском костюмах бытовали именно длинные штаны. Их происхождение, как уже указывалось, исследователи связывают с персидским костюмом. «По этому признаку — штанам (галльское *brassa*), римляне дали всем так называемым варварским народам, пользовавшимся этим предметом одежды, — от Персии через Кавказ до северного побережья Черного моря и по всей Европе до Галлии — прозвище *braccati* (носящие штаны — иноземные, чужие)» [Брун, Тильке, 1996, с. 8]. Но в античной литературной традиции длинные штаны стали символом сарматов. Покрой же коротких аланских штанов с широким шагом имеет аналогии в центральноазиатских древностях.

Аланы носили чулки на подвязках, крепившихся к поясу. Этот способ крепления чулок, вероятно, следует связывать с восточнокочевнической традицией. На уже упоминавшейся китайской статуэтке азиатского воина эпохи Тан из собрания музея в Торонто можно видеть подобный способ крепления сапог к поясу с помощью пряжек и ремней (см. [Mahler, 1959]). Позднее точно так же закрепляли сапоги половцы, о чем свидетельствуют их каменные изображения.

В аланском костюме штаны-чулки не зафиксированы, но традиция использования такого элемента в мужском костюме ираноязычных народов прослеживается в более раннее время. Верхние штаны-чулки, пристегивавшиеся к поясу под рубахой, входили в костюм саргатинов — северо-западного иранского народа. В Пазырыкских курганах С.И.Руденко обнаружил очень длинные войлочные чулки, верхний край которых украшен художественной аппли-

кацией из цветного войлока. Античные источники указывают на существование у скифов подобных штанов: несшитых, представляющих собой длинные ноговицы, прикреплявшиеся к поясу завязками. Высокие чулки, крепившиеся к поясу, отмечены и в костюме саков-тикрахауда.

Среди исследованных этнографами видов поясной одежды выявляются прямые параллели кроя со средневековыми аналогами. Прежде всего, следует сказать о штанах с широким шагом, исключительно удобных для верховой езды и распространенных в костюме адыгских народов, карачаевцев, балкарцев и большинства осетин. Такая аналогия опровергает мнение о половецком влиянии на развитие этого типа одежды. Не отрицая тюркского происхождения подобных штанов, можно считать, что в кавказском костюме они бытовали задолго до появления здесь половцев. Характерно, что такие штаны сохраняются и в женской одежде народов Северного Кавказа.

Традиция изготовления обуви из мягкой кожи без каблуков и подметок, характерная для современного кавказского этнографического костюма, прослеживается еще со времен скифов, у которых исследователи отмечают главным образом невысокие мягкие сапожки. С середины II до середины III в. в Сарматии появляются высокие сапоги, в том числе и женские [Яценко, 1993а, с. 101]. В мягкой кожаной обуви изображались персонажи среднеазиатских росписей Пенджикента. Основную роль в формировании кавказских форм обуви, скорее всего, сыграла не столько культурная преемственность, сколько особенности местного рельефа и климата.

Е.Н.Студенецкая отмечала, что самые простейшие формы обуви на Северном Кавказе сохранялись тысячелетиями. Поэтому совсем несложно увидеть аналогии рассмотренным археологическим экземплярам в этнографическом материале. «Традиционные формы обуви, сложившиеся в давние времена, прошли почти неизменными через XVIII–XIX вв. и оказались довольно устойчивы и в первой половине XX в. Это объясняется приспособленностью народной обуви к условиям природы и быта, практичностью, несложностью изготовления в домашних условиях» [Студенецкая, 1989, с. 122].

Прототипом некоторых средневековых северокавказских головных уборов, очевидно, были скифские остроконечные шапки-башлыки, закрывающие уши, затылок и шею, которые иногда завязывались у подбородка. Остроконечный башлык также был головным убором сармат. У головных уборов хорезмийского комплекса наверху, в середине макушки, имелся небольшой выступ. Как уже говорилось, аланы в качестве одного из символов воинского достоинства использовали остроконечные наверхшия головных уборов.

Вместе с тем существуют и некоторые отличия в крое. Головные уборы древних азиатских принцев имеют вырез между наушами и назатыльником, в аланских же шапках, как и в скифских, эти детали выкроены вместе и представляют единое целое. Так что башлыкообразные формы средневековых головных уборов следует связать с иранским пластом в культуре северокавказских народов¹.

В то же время широкополые войлочные шляпы, бытовавшие в этнографическом костюме народов Северного Кавказа, археологически не засвидетельствованные, скупулесно воспроизводят монгольские образцы².

Распространение наборных поясов и использование в костюме двух поясов одновременно исследователи относят к VII в. и связывают с тюрками. «Вооружение более раннего времени в Византии и Сасанидском Иране было другим: один пояс и портупея» [Расопова, 1980, с. 105]. Пояс в раннем иранском костюме, как правило, представлен кушаком (см. [Зиапур, 1965, с. 215]). Но в гроте Таки-Бустан Хосров II опоясан двумя поясами, украшенными наборными бляшками [Там же, с. 105].

¹ В этом же контексте интересен факт, связанный с аланскими амулетами. Преимущественно в мужских погребениях на рубеже VII–VIII вв. встречаются небольшие зеркала диаметром от 1,2 до 3,5 см. Размер этих зеркал лишает их функциональности. Вероятно, их нашивали на одежду в качестве оберега-амулета. Интересна этнографическая аналогия, имеющая место в современном иранском костюме. До сих пор сохранился обычай нашивать маленькие зеркала на пиджаки и куртки с той же целью (см. [Fairservis, 1972, p. 71]).

² Устная консультация М.В.Горелика.

Тенденцию изменения доспеха под влиянием тюрков отмечает В.И.Распопова: «Совокупность письменных источников, археологического материала и памятников изобразительного искусства показывает, что в начале VII в. Иран и Византия, а к VIII в. и арабы имели очень сходный тип вооружения конного воина, причем письменные источники свидетельствуют о том, что это вооружение сложилось под влиянием северных кочевников» [Распопова, 1980, с. 105].

Следующая волна тюркского влияния на формирование кавказского костюма отмечается с приходом половцев. Это выразилось в изменении манеры ношения верхней одежды: более короткое и тонкое платье надевается поверх длинного и плотного. Появляется новая деталь костюма — набедренные юбки *бельдек*.

На ирано-тюркской основе и развивался собственно северокавказский костюм.

5.2. Комплекс женского костюма

Провести подробный анализ комплекса женского костюма достаточно сложно. Наиболее древний туникообразный покрой платья бытовал у многих народов на довольно широкой территории. Л.С.Клочко приводит покрой и реконструкции скифского женского платья, которое по форме сходно с северокавказским. Это сходство выявляется в следующем: платье имеет прямой перекидной стан, к которому пришивались прямоугольные боковины для расширения подола. Рукава пришивали к стану по прямой линии с полуластовицами, а ширину подола варьировали, вставляя в боковые швы раскачивающие клинья. Запазушный карман представляет собой уникальный элемент в конструкции аланского платья.

Платья туникообразного покроя, короткие широкие штаны, шапочки округлой формы и начельные диадемы С.А.Яценко считает характерными элементами сармато-аланского женского костюма. Особый интерес представляет женское платье из 309-й могилы Танаиса, в котором Яценко выделяет элемент, сходный с аланским запазушным карманом.

Э.А.Рикман отметил, что скифянки и сарматки носили свободные сорочки, стянутые в талии поясом, поверх которых надевали широкие распашные халаты с длинными узкими рукавами. Очевидно, Рикман имеет в виду тот же кандис. Распашная одежда была и у сарматок, носивших одинаковый с мужчинами костюм. Распашной характер женской верхней одежды зафиксирован в росписях Пенджикента, где мужские и женские кафтаны почти не отличаются друг от друга. Единственное сходство между кавказским женским костюмом и комплексом женского ансамбля, изображенного на восточных средневековых фресках, — в том, что верхнее платье никогда не подпоясывалось.

Силуэт женского этнографического костюма сложился позже. Его основу составило распашное, расклешенное и приталенное платье. Казалось бы, не подпоясанное платье Т-образного силуэта и характерный головной убор аланских женщин-матерей остались в рамках XI в. Однако данные этнографии свидетельствуют, что это не так. На этих данных основаны, например, исследования Е.Н.Студенецкой. Большой интерес в этой связи представляет собрание этнографических рисунков, в которых художники запечатлели образы представителей народов Северного Кавказа 20-х годов XX в. (см. [Доде, 1997б, 1998]).

Исследователи отметили, что у вайнахских народов — чеченцев и ингушей — в XIX — начале XX в. женская рубаша в сочетании с надетыми под нее штанами считалась одеждой, достаточной для выхода за пределы дома, селения, на праздник. Подтверждение тому можно найти в многочисленном графическом материале.

Представляет интерес описание покроя рубах, бытующих в этнографическом костюме Северного Кавказа: «Первый, основной тип, идущий из более ранних периодов, — туникообразная рубаша. Она имела перекидное плечо, довольно широкий и длинный рукав, пришитый к стану по прямой линии, с ластовицей. Книзу рубаша расширялась за счет боковых клиньев, идущих к подмышке.

Клинья могли быть составлены из двух частей, со швом на боку или цельными в виде сильно вытянутого равнобедренного треугольника, при этом его вершина вшивалась в шов рукава, заменяя ластовицу» [Студенецкая, 1989, с. 130].

Нательные рубахи такого типа были распространены у всех народов Северного Кавказа, что свидетельствует об изначально общем культурном субстрате, воспринятом разными кавказскими этносами. В данном случае речь идет о средневековом прототипе этой формы костюма. Приведенное ранее описание женской этнографической рубахи полностью соответствует выкройке археологического платья. Бытование покроя платья VII–XI вв. в нательной одежде XIX–XX вв. подчеркивает древние традиции этой формы. Генетическая связь со средневековым женским платьем выразилась и в том, что чеченские и ингушские женщины платье-рубаху не подпоясывали. Так же одевались и адыгейки. Покрой же верхнего национального кавказского платья диктует необходимость пояса как конструктивного подкрепления.

Известно, что на Кавказе женщины носят большие шали. Манера ношения этих головных уборов такова: «...платок (шаль) складывали углом и накрывали голову, все концы спускались на спину и висели свободно (такой способ ношения платка чаще встречался в Осетии, Чечне и Ингушетии, реже в других местах)» [Там же, с. 186]; «Осетинские женщины надевают на голову платок, концы которого висят по обеим сторонам лица, но они редко покрываются им» [Там же, с. 61]. Об этой манере ношения больших шалей свидетельствуют и изобразительные источники.

Поразительные аналогии археологическим находкам встречаются в этнографических источниках среди декора шалей. Большой холщовый платок из могильника Амгата VII–IX вв. был украшен шелковой каймой, которая обрамляла лицо носившей его женщины. На рисунке, выполненном в 20-х годах XX в. ростовским художником В.Шлипневым, виден совершенно аналогичный прием декора платка, о котором сообщает и Е.Н.Студенецкая: «На Северном Кавказе преобладали шали и платки одноцветные с каймой» [Там же, с. 190].

Возможно, что в Алании манера ношения больших шалей, свободно наброшенных на голову, с ниспадающими концами, сложилась под влиянием Византии. В византийском женском костюме покрывало — *мафорий* — всегда спускалось с головы на плечи и окутывало всю фигуру. Мафорий являлся непременным атрибутом одежды святых в византийском и русском изобразительном искусстве. Как видно из многочисленных фресок и мозаик, мафорий почти всегда имеет отделку в виде узкой каймы, обрамляющей лицо.

Этнографическим отголоском аланской шапочки с накосником является, вероятно, чеченская *чухта* — обязательная принадлежность головного убора замужней женщины, которая представляет собой узкий мешочек с незашитыми боковыми краями. В верхней части есть две тесемки, которые завязывались на темени или на затылке. Чухту носили в сочетании с шалью. У карачаевцев такой головной убор назывался *чич салган* — продолговатый мешочек, украшенный вышивкой и кисточками.

Аланский женский головной убор отличался большим количеством составляющих деталей. Среди них отмечались начельные диадемы. В ряде случаев в археологическом материале зафиксированы узлы, завязанные на диадемах. В одном контексте с ними следует рассматривать шлемовидный головной убор с завязанным над лбом узлом, обнаруженный А.П.Руничем в могильнике Эшкакон. Абстрагируемся от отношения к узлу как оковам для духов и обратимся к этнографическому материалу. Е.Н.Студенецкая указывает, что у адыгов «замужняя женщина заменяла шапочку повязкой с узлом на темени, которую покрывала большой шалью или покрывалом» [Студенецкая, 1989, с. 56].

В этой связи интересна предложенная Е.Н.Студенецкой интерпретация узла на головном уборе. «Многие информаторы в Кабарде называли узел головного платка замужних женщин, завязываемый на темени, бжъакъуэ (рог). По-карачаевски такой узел называется чох — „гребень, чуб“. Это значение близко к ингушскому курхарс, где кур обозначает „рог, чуб, хохол“. Женский головной убор осетинок — голп, что означает „хохол, гребень у птиц“, так же как члугал у ингушей. В XIX в. на женских шапочках и в нагрудных застежках (верхняя пара) адыгских народов встречаются изображения птиц. Мотив птицы

особенно широко распространен в дагестанских женских украшениях — на подвесках, серьгах, головных украшениях. Рогатые головные уборы замужних женщин встречались и у других народов, например, у русских — кичка рогатая. Рога, петушиные гребни, по-видимому, связаны с древнейшими магическими представлениями» [Там же, с. 60]. Тема птиц прослеживается и по более раннему археологическому материалу. Так, среди находок VI–V вв. до н.э. в могильниках Чечни и Ингушетии, а также Осетии обнаружены так называемые птицевидные бляхи, которые имеют аналогии и в средневековых могильниках Северного Кавказа VII в., что позволило М.Х.Багаеву сделать вывод о глубокой традиционности данного вида украшений [Багаев, 1973, с. 204].

Исследователи отмечают, что цилиндрические шапочки кавказских женщин связаны с тюркским культурным компонентом, на что указывают их названия: *тәтәр пылә* (татарская шапка), *крым пылә* (крымская шапка), *кыуцхьэ пылә* (балкарская, горская шапка) [Студенецкая, 1989, с. 196].

Половцы повлияли на изменение базовой формы женского платья. Единовременный отказ от веками сложившихся форм — кроя, конструкции, силуэта платья — нельзя объяснить только влиянием моды. Очевидно, здесь скрыты более сложные причины. Они могут быть связаны и с изменением положения женщины в обществе, и с переменой характера ее занятий, ибо народный костюм всегда отвечает потребностям повседневной жизни. К сожалению, имеющиеся на сегодняшний день данные не позволяют ответить на этот вопрос.

Пока лишь очевидно, что именно в то время определился силуэт этнографического кавказского платья. Более того, именно тогда произошла смена возрастной символики женского костюма.

Впервые безрукавный кафтан отмечен у печенегов Приаралья как признак их ничтожества и бедности. На Кавказе безрукавки в женском костюме появляются с приходом половцев. Короткие безрукавки — типичный элемент тюркского ансамбля, связанный с символикой птицы [Чеснов, 1998, с. 220]. Однако в кавказском костюме он получил совсем иное развитие и оформился в корсет, предназначенный для коррекции фигуры девушки в соответствии с канонами красоты. По представлениям многих народов, девичье тело ритуально незрелое, поэтому девушки должны маскировать свою грудь. Этой цели служили безрукавки, стягивавшие грудь и делавшие ее плоской. «Лишь замужней женщине можно получить необходимую соматическую полноту — развитую грудь» [Там же, с. 225]. Не случайно этимология слова безрукавка у тюркских народов связана с женской грудью.

Тенденция разделения на женские и девичьи прослеживается и в отношении головных уборов. Девушки всегда оставляют открытыми волосы и макушку, в то время как замужние, а в особенности рожавшие женщины тщательно прячут волосы и закрывают темя. В кавказском археологическом материале девичьи венчики зафиксированы еще в памятниках кобанского времени, где начальная лента, украшенная бусами, бисером, раковинами каури, а также металлическими бляшками, была основой головного убора. Различие между головными уборами девушек и женщин-матерей на Северном Кавказе в период раннего средневековья подробно проследила А.А.Иерусалимская. Но со второй половины XI в., когда в Предкавказье наблюдается идентичность плечевой одежды в мужском и женском костюме, возрастную границу между формой головных уборов провести практически невозможно.

Следовательно, акцент атрибутики в женском костюме смещается с головного убора на плечевую одежду. Замена одного символа (головного убора) другим (безрукавкой) не была единовременной. И венчики, и безрукавки во второй половине XI–XII в. бытовали в ансамбле кавказского костюма параллельно. В монгольский период венчики сохранились в головном уборе как элемент декора, а позже совсем ушли из обихода. В XII–XV вв. принадлежностью исключительно девичьего кавказского костюма становится безрукавка, которая в дальнейшем трансформируется в корсет.

По половецким изваяниям прослеживается разнообразие форм и сложность женских головных уборов. В этой связи смена символа возрастного

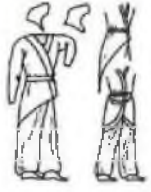

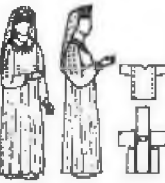

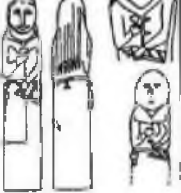

Персидско-иранский комплекс	Скифский комплекс	Сарматский комплекс	Одежда народов Восточного Туркестана II-VII вв.	Одежда народов Средней Азии VI-VII вв.	Одежда тюрок VI-X вв. по фрескам и изваяниям
	<p data-bbox="619 208 687 234">мужской</p> 	<p data-bbox="810 208 879 234">мужской</p> 			
<p data-bbox="375 363 544 389">Согдийский комплекс</p> 	<p data-bbox="619 495 687 521">женский</p> 	<p data-bbox="810 666 879 691">женский</p> 			
<p data-bbox="375 597 544 623">Хорезмский комплекс</p> 					
<p data-bbox="384 832 534 857">Саянский комплекс</p> 					
<p data-bbox="384 1066 534 1091">Восточно-сакский комплекс</p> 					
<p data-bbox="375 1300 544 1325">Свибский комплекс</p> 					
<p data-bbox="384 1534 534 1559">По М.В.Горелкину</p>	<p data-bbox="592 1534 715 1559">По Л.С.Ключко</p>	<p data-bbox="783 1534 906 1559">По С.А.Яценко</p>	<p data-bbox="959 1534 1114 1559">По Н.В.Дьяконовой</p>	<p data-bbox="1150 1534 1305 1559">По И.Б.Есктавич</p>	<p data-bbox="1342 1534 1497 1772">«Стены Евразии в эпоху средневековья»</p>

Рис. 61. Элементы ирано-тюркского комплекса

Fig. 61. Elements of the Iranian-Turkic costume complex

показателя в кавказском костюме тем более интересна в культурологическом отношении.

Из половецких украшений женщины Северного Кавказа заимствовали только серьги. В привычно употребительных украшениях происходили изменения. Стекланные бусы вытеснили каменные, русские браслеты — закавказские, половецкие серьги — местные образцы. Однако в кавказском костюме не появилось, например, гривен — распространенного половецкого украшения, которое являлось к тому же их главным этносоциальным признаком. Возможно, это связано с тенденцией снижения использования шейных украшений в северокавказском женском костюме; в этнографическом кавказском костюме они практически отсутствуют.

Монголы внесли свою лепту в формирование кавказского ансамбля, но их влияние не носило определяющего характера и было распространено, очевидно, только в высших слоях общества. На наш взгляд, высокие конусовидные шапочки, бытовавшие и в этнографическом костюме, можно связать с монгольскими бокками. Шапочки с наверхушками появляются в костюмном комплексе местного населения именно в монгольское время, о чем свидетельствуют находки в Белореченских и Зарагизском могильниках. Типологически они прослеживаются в виде конусообразных головных уборов с разного рода наверхушками в более поздних материалах из могильников XV–XVIII вв. у аула Карт-Джурт (раскопки Х.Х.Биджиева), Курнаят близ села Верхняя Балкария (раскопки И.М.Мизиева), в Городе мертвых у селения Даргавс в Северной Осетии (раскопки Т.Б.Мамукаева, В.Х.Тменова, В.А.Кузнецова). Такие высокие конусообразные шапочки характерны для этнографического костюма кабардинок. Носят их также абазинки и балкарки.

Но это не было прямым заимствованием. Кавказские мастерицы творчески переработали монгольские образцы и создали свой вариант высокого головного убора с наверхушкой, который отличал женщину знатного происхождения от остальных членов общества. В целом можно считать, что головные уборы в Предкавказье развивались на местной основе. Необходимая деталь костюма — головной убор — являлся важным показателем этнической и половозрастной принадлежности его обладателя. В VII–IX вв. можно провести четкую границу между различными возрастными и социальными категориями населения по носимым ими головным уборам. Формы мужских и женских шапочек отличаются по своей конструкции так же, как головные уборы матерей, молодых и девушек, что было характерно для многих народов в разные хронологические периоды.

Покрой поясной одежды и обуви мужчин и женщин сохраняет в этнографическом костюме формы, бытовавшие еще в VII–IX в. В более позднее время (XIII–XV вв.), которым датируются Дзивгисские склепы, видны такие необходимые дополнения к костюму, как рукавички, встречавшиеся в захоронениях предшествующего периода. Сохранение архаичности покроя поясной одежды объясняется, вероятно, тем, что она была скрыта под плечевой одеждой, а обувь оказалась настолько приспособленной к местному рельефу, что на протяжении веков не претерпела никаких изменений даже под внешними влияниями.

Местное население Предкавказья активно воспринимало кочевнические приемы декора одежды, положившие начало кавказскому золотному шитью.

В то же время в современном этнографическом кавказском платье сохранились приемы убранства одежды металлическими нашитыми украшениями, что следует связывать, вероятно, с иранской традицией, а также, очевидно, с кобанской культурой. В качестве металлических украшений женского платья и кафтанчика «вдоль разреза по сторонам застежек часто нашивали подвески, расположенные одна под другой от плечей до пояса. Они имели вид шариков на цепочках, целых или разрезанных вдоль миндалин, грушевидных пуговиц, висящих узким концом вниз. Последние чаще встречались у чеченцев (а также в Закавказье), остальные — у адыгских народов, карачаевцев, балкарцев, осетин. Интересна связанная с ними терминология. Карачаевцы и балкарцы называли эти подвески зынгырла — «звенящие». Это соответствовало действительности: ударяясь при движении друг о друга, они издавали звон. Кабардинцы называли

их щылу́ ухунэ — пуговица отгоняющая (ухун — „отгонять“). Оба эти термина позволяют думать, что в прошлом шумящие подвески играли роль оберегов, широко распространенных у многих народов с древнейших времен» [Студенецкая, 1989, с. 202]. Находки большого числа бубенчиков, которыми обшивались одежды населения, оставившего Змейский могильник, подтверждают этот вывод. Такая же традиция, по мнению исследователей, бытовала и в более ранний период. Известно, что сарматы обшивали свои одежды бубенчиками и колокольчиками.

Заключение

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОСТЮМ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В данной работе костюм рассматривается в целом — как источник, обладающий информационным полем, и там, где это было возможно, показаны содержащиеся в нем сведения о культуре и истории народов Северного Кавказа в эпоху средних веков.

С точки зрения этнографии костюмы бывают бытовые, праздничные и обрядовые. Провести такое разделение для археологических комплексов довольно сложно из-за того, что материал происходит из погребальных памятников. Однако необходимо принять во внимание следующий факт: праздничным, как правило, становится костюм, выполненный из более дорогого материала, чем бытовой, и с более дорогими украшениями. Надевают его в исключительных случаях, может быть, всего один или несколько раз (свадьба, похороны), тем самым праздничный костюм переходит в разряд обрядового [Богатырев, 1971, с. 307–309]. Праздничный костюм, а обрядовый в особенности, предполагает консервативность и статичность форм, выработанных в результате экономического, эстетического и интеллектуального развития народа. Процесс творческого развития костюма народов Северного Кавказа наблюдается в период средневековья. Таким образом, имеющиеся археологические артефакты можно рассматривать как соответствующие формам общепотребительного костюма.

Костюм выполняет несколько функций. Основная из них — практическая. Он должен соответствовать климату и занятиям населения. Другая важная функция — эстетическая. Костюму также присуща знаковая функция. Отражая различные сферы общественной жизни, он выступает как знак, или символ. В VII–XIV вв. в качестве знаковых можно рассматривать отдельные его элементы. Например, символом изменения социального статуса женщины являлась, прежде всего, смена головного убора. Положение воина в дружинной иерархии можно было определить по наверху на головном уборе и поясному набору. Большое количество шелка в одежде выделяло вождя из рядовых общинников. Цвет как символ социального статуса играл важную роль и в древности, и в средние века.

В других элементах костюма — тканях, украшениях, амулетах и аксессуарах — преобладают не символическая, а практическая или эстетическая функции. Но и эти детали наделены информацией об экономических и духовных сферах общественной жизни.

В рамках знаковой системы костюма выделяется функция региональной принадлежности. Для средневековья вычленив ее трудно, так как Северный Кавказ входил в область широкого распространения и довольно долгого бытования тюркской моды. Но тем не менее эта функция стала доминирующей в этнографическом комплексе. Для культуры народов Северного Кавказа костюм стал этнорегиональным символом. Поэтому можно говорить именно о его региональной, а не национальной принадлежности. Здесь на довольно большой территории представители различных народов считают «своим» по существу одинаковый комплекс, включающий различные этнические пласты. Этот факт является важным показателем культурной общности Северокавказского региона.

Весь комплекс костюма народов Северного Кавказа формировался в русле культурогенеза. Изменение старых и возникновение новых форм костюмного ансамбля проходили в процессе взаимодействия местного кавказского субстрата и многочисленных пришедших ираноязычных и тюркоязычных племен.

С одной стороны, в кавказском средневековом костюме отразилась сущность культурогенеза как процесса постоянного самообновления культуры.

С другой — костюмный комплекс достаточно полно вообрал в себя составляющие феномена складывания культуры народов Северного Кавказа — традиции и инновации, взаимодействующие на диахронном и синхронном уровнях.

Основную роль на диахронном уровне культурогенеза играла этническая принадлежность носителей соответствующих культур. Информация на диахронном уровне передается как культурная традиция народа, его творческое наследие, облеченное в словесную и материально-изобразительную форму. «Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков» [Арутюнов, 1989, с. 21].

На диахронном уровне передаются взаимодействующие между собой монотнические традиции. Часто бывает сложно отделить временные напластования и точно их датировать, ибо традиции сохраняются, развиваются и передаются из поколения в поколение с глубокой древности. Например, мотив шубы, спитой из человеческих бород, усов и скальпов, отраженный в нартском эпосе, уходит своими корнями в древнеиранскую культуру, носителями которой в Предкавказье были скифы, сарматы и аланы.

Та же линия развития может быть прослежена и на другом материале. По сей день в осетинских семьях хранятся и передаются по наследству своеобразные пеналы — *бинат-и-хицау* («домик домового», покровителя семьи и очага), которые бытовали у алан, а генетически связаны еще со скифской порой. Содержание пенала — сладкий плод или бусина — считается приношением домовому. В одном из таких пеналов в могильнике Мощева Балка были обнаружены остатки мочала, в которое заворачивали бусину. Как отмечает А.А.Иерусалимская, мочало было связано с различными гаданиями у иранских народов, и прежде всего у скифов. Это позволило исследователю предположить, что культ домового был перенесен в долину реки Лабы иранскими (аланскими) племенами [Иерусалимская, 1978, с. 109].

Костюм с наибольшей очевидностью показывает, что культурогенез является сложным и протяженным во времени процессом. На его синхронном уровне происходит трансформация полиэтнических инноваций. В комплексе полиэтнического взаимодействия на Северном Кавказе в эпоху средневековья выделяются несколько основных компонентов: местный (автохтонные культуры, аланы), исламский (Ближний и Средний Восток, Средняя Азия), степной центральноазиатский (авары, согдийцы, половцы, монголы) и византийский. Эпизодическими импульсами были влияния Китая и Италии.

Для понимания роли костюма в процессе взаимодействия традиции и инноваций как феномена культурогенеза необходимо определить статус этих понятий. По мнению С.А.Арутюнова, традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот, «традиция необходима для самого существования общества, инновация — для его развития» [Арутюнов, 1989, с. 161].

Мужской костюмный ансамбль VII в. представляет собой результат синтеза степных центральноазиатских (древнетюркских), иранских, а также местных компонентов. Прежде чем предстать как окончательно сложившийся ансамбль (XVIII — первая половина XIX в.), северокавказский костюм претерпел воздействие со стороны половцев, монголо-татар, турок-сельджуков, турок-османов и персов. Между тем крой как основа одежды часто оставался неизменным и передавался из поколения в поколение.

Непосредственные контакты со степняками-половцами и взаимовлияние разных социокультурных систем стало мощным инновационным импульсом для изменения покроя традиционного аланского женского платья, что в дальнейшем отразилось в оформлении женской верхней одежды, которая по крою была максимально схожа с мужской.

Процесс взаимодействия традиций и инноваций более наглядно прослеживается в изменении кроя одежды, чем ее декора. На украшения, непосредственно с одеждой не связанные, этот процесс влияет в меньшей степени, так как они подвержены моде и более подвижны. В то же время амулеты и талисманы сохраняют свои формы и функции на протяжении веков. Существуют три основных типа трансформации инноваций: спонтанная, стимулированная

и прямое заимствование. В костюме кавказских народов присутствуют все три типа. Например башлыкообразная форма головных уборов переходит из VII–X в XI–XII вв. Однако крой их упрощается. Теперь они состоят из двух деталей, а не из четырех, как ранее. А в XI–XII вв. появляется большое количество холщовых тканей местной выделки, окрашенных в различные цвета, что свидетельствует о расширении знаний и навыков по использованию различных красителей. В данных примерах речь идет о спонтанной трансформации, когда инновация возникает в костюме за счет его собственного развития.

Косвенное воздействие выразилось в замене шелковыми нашивками металлических нашивных украшений, традиция которых прослеживается в кавказском костюме с сарматского времени. Возможно, на некоторый период металл был вытеснен драгоценным шелком, и лишь памятники X–XI вв. говорят о возрождении давней традиции.

Торговля шелком, очевидно, стимулировала развитие такого приема декора, как аппликация золоченой кожей по коже, а впоследствии и техники золотого шитья, которая позволила имитировать парчу, ценившуюся на вес золота.

Роль прямых заимствований особенно усиливается в период функционирования на Северном Кавказе части Великого Шелкового пути. В аланском платье появляются элементы восточной и византийской моды. Инновации, полученные в результате прямого заимствования, не всегда становятся традицией. Некоторые из них приживаются, но меняют форму, как это случилось с тюркскими безрукавками, трансформировавшимися в кавказском костюме в корсет. Однако изменение формы в данном случае не повлекло за собой изменения функций данного вида одежды. Другие элементы средневекового костюма, возникшие в результате заимствования (нашивные шелковые украшения или распашные юбки — бельдек), дальнейшего развития в традиционном костюме не получили.

Смену покроя женского платья во второй половине XI в. следует рассматривать как внешнее проявление процессов изменения материальной культуры в результате взаимодействия разных социокультурных систем и непосредственного контакта местного населения со степняками-половцами.

Процесс восприятия инноваций зависит от уровня социально-экономического развития, достигнутого местным обществом. Легче воспринимался тот импульс, который совпадал с тенденциями внутреннего развития. Костюм наглядно иллюстрирует это явление на примере применения в VII–X вв. византийских нашивных украшений, заимствованных рядовыми общинниками у верхушки общества, которые использовали в своей одежде подарки от византийского двора (парадные облачения, ткани и различные нашивки). В данном случае речь идет о престижно-знаковой функции инновации, когда культура-донор на шкале престижных оценок стоит выше, чем культура-реципиент. Аланы заимствовали не просто декор, а символы царской власти, что было для местной аристократии особенно важно в пору становления государственности. Однако распространение тюркской моды в средние века на довольно широкой территории, включая не только страны, где проживали варвары, но Византию и Иран, свидетельствует о том, что реальное развитие культуры-донора не всегда опережает развитие культуры-реципиента. «Например, культура кочевников, сама по себе сравнительно невысокая, в силу причин политического или конкретно-исторического характера может восприниматься как престижная и референтная различными слоями более развитых оседлых обществ» [Арутюнов, 1989, с. 186] из-за их политического и военного господства.

На культуру этого периода повлияла конкретная историческая обстановка, в определенной мере отразившаяся и в костюме.

Народы Северного Кавказа стали широко применять шелк благодаря перемещению трассы Великого Шелкового пути на перевалы Кавказа в обход Ирана. Уровень экономического развития алан в VII–X вв. был таковым, что только количество в костюме шелковых тканей, являвшихся предметом роскоши, при однотипности всего остального, могло указать на наличие социальной дифференциации общества.

На процесс восприятия костюмом инноваций большое влияние оказывал характер межэтнических отношений. Очевидно, что между местными народами

Северного Кавказа и половцами установились тесные торговые, производственные и культурные отношения. Не исключается также факт одновременного проживания различных этносов на одной территории. Мирный характер их взаимодействия и возможность совместной деятельности обусловили взаимовлияние разных социокультурных систем.

Эти контакты, носившие обоюдный характер, вызвали серьезные изменения в общей структуре общественной жизни местных народов. «Изменение костюма является лишь частью изменения всей структуры бытия, изменения, которое требует не сохранения прежних функций костюма, а вызывает появление новых функций. И так как костюм со своими функциями является лишь частью общей структуры, основывающейся, в частности, на мировоззрении нации, на экологической системе и т.д., то ясно, что искусственно сохранять одну из частей структуры, изменившейся в целом, нельзя» [Богатырев, 1971, с. 335].

В период VII–XIV вв. на всей территории Северного Кавказа не выявлено каких либо принципиальных различий в формировании костюма. Все это говорит о том, что в средние века костюм формировался в сходных природно-хозяйственных и социально-экономических условиях. Таким образом, как суть процесса взаимодействия традиций и инноваций в историческом контексте культурный синтез отразился в развитии костюма, который иллюстрирует общность корней и судеб народов Северного Кавказа. В этой связи Северокавказский регион следует рассматривать как культурно-исторический ландшафт, который характеризуется общностью территории и природно-климатических условий, определяющих сходное хозяйственно-экономическое развитие его частей, а также общностью базового культурного субстрата и воздействующих на него инновационных процессов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев, 1949 — *Абаев В.И.* Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка и фольклора. — Т. 1. — М.—Л., 1949.
- Абаев, 1989 — *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // «Нарты»: Осетинский героический эпос. — Т. 1. — М., 1989.
- Александров, 1966 — *Александров В.Г.* Анатомия растений. — М., 1966.
- Алексеева Е.М., 1982 — *Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. — Вып. Г1—12. — М., 1982.
- Алексеева Е.П., 1964 — *Алексеева Е.П.* Материальная культура черкесов в средние века: (По данным археологии) // Труды КЧНИИ. — Вып. IV. — Ставрополь, 1964.
- Алибегашвили, 1989 — *Алибегашвили Г.* Светский портрет в грузинской средневековой живописи. — Тб., 1989.
- Альбаум, 1975 — *Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. — Таш., 1975.
- Амин ал-Холи, 1962 — *Амин ал-Холи.* Связь между Нилом и Волгой. — М., 1962.
- Анна Комнина, 1996 — *Анна Комнина.* Алексиада. — СПб., 1996.
- Арманд, 1975 — *Арманд Д.Л.* Наука о ландшафте. — М., 1975.
- Армянские источники, 1985. — Армянские источники об аланах. — Вып. I. — Ер., 1985.
- Артамонов, 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. — Л., 1962.
- Арутюнов, 1989 — *Арутюнов С.А.* Народы и культуры, развитие и взаимодействие. — М., 1989.
- Арутюнов, Жуковская, 1987 — *Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л.* «Святые реликвии»: миф и действительность. — М., 1987.
- Атаев, 1963 — *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье: (По материалам археологических раскопок в Аварии). — Махачкала, 1963.
- Багаев, 1973 — *Багаев М.Х.* Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973.
- Баркова, 1973 — *Баркова Л.Л.* Алтайские курганы // Краткий путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири». — Л., 1973.
- Беленицкий, 1973 — *Беленицкий А.М.* Монументальное искусство Пенджикента. — М., 1973.
- Бентковский, 1869 — *Бентковский И.* Одежда калмыков Большедербентовского Улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Вып. 2. — Ставрополь, 1869.
- Бентович, 1980 — *Бентович И.Б.* Одежда раннесредневековой средней Азии: (По данным стенописей VI—VIII вв.) // Страны и народы Востока. — Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География. Этнография. История. Кн. 2. — М., 1980.
- Берестнев, Флексер, Лукьянова, 1982 — *Берестнев В.А., Флексер Л.А., Лукьянова Л.М.* Макроструктура волокон и элементарных нитей и особенности их разрушения. — М., 1982.
- Берладина, 1960 — *Берладина К.А.* Народная вышивка Северной Осетии // Известия СОНИИ. Археология, этнография. — Т. XXII. — Вып. IV. — Орджоникидзе, 1960.
- Бессонова, 1983 — *Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. — Киев, 1983.
- Биджелов, 1992 — *Биджелов Б.Х.* Социальная сущность религиозных верований осетин. — Владикавказ, 1992.
- Биджиев, 1983 — *Биджиев Х.Х.* Хумаринское городище. — Черкесск, 1983.
- Бларамберг, 1992 — *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. — Ставрополь, 1992.
- Богатырев, 1971 — *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. — М., 1971.
- Богуславская, 1972 — *Богуславская И.Я.* Русская народная вышивка. — М., 1972.
- Брун, Тильке, 1996 — *Брун В., Тильке М.* История костюма: От древности до Нового времени. — М., 1996.
- Вагнер, 1969 — *Вагнер Г.К.* Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово (XII в.) — М., 1969.
- Васильев, 1998 — *Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. — Вып. 6. — Волгоград, 1998.
- Васильева, 1991 — *Васильева Г.П.* Ювелирные украшения как источник для этногенетических исследований: (По материалам Туркмении) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. — Вып. III. — М., 1991.
- Вахушти, 1904 — Царевич *Вахушти.* География Грузии. — Тифлис, 1904.
- Витденбаум, 1864 — *Витденбаум Е.* Воспоминания кавказского офицера. — М., 1864.
- Восточные и европейские ткани. — Восточные и европейские ткани в собрании Государственного Исторического музея. Каталог. ГИМ. — М., б.г.
- Гаген-Торн, 1933 — *Гаген-Торн Н.И.* Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. — 1933. — № 5—6.
- Гадло, 1979 — *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. — Л., 1979.
- Галонифонтибус, 1980 — *Галонифонтибус, Иоанн де.* Сведения о народах Кавказа. — Баку, 1980.
- Гамрексли, 1959 — *Гамрексли В.Н.* Двалы и Двалетия в I—XIV вв. — Тб., 1959.

- Герасимова, в печати — *Герасимова М.М.* Палеонтологические материалы из кочевнических памятников курганного могильника Джухта-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2 (в печати).
- Геродот. — *Геродот.* История. — Л., 1972.
- Гёте, 1957 — *Гёте И.В.* Избранные сочинения по естествознанию. — М., 1957.
- Гиляровская, 1954 — *Гиляровская Н.* Русский исторический костюм для сцены. — М.-Л., 1954.
- Горелик, 1985 — *Горелик М.В.* К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах Амударьинскогоклада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. — Л., 1985.
- Горелик, 1993 — *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. — М., 1993.
- Горелик, 1997 — *Горелик М.В.* Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексах костюма ираноязычных народов VI–IV вв. до н.э. // Базы данных по истории Евразии в средние века. — М., 1997.
- Греков, Якубовский, 1950 — *Греков Б.А., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. — М., 1950.
- Гроссгейм, 1946 — *Гроссгейм А.А.* Растительные ресурсы Кавказа. — Баку, 1946.
- Гумилев, 1993 — *Гумилев Л.Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности: (Ландшафт и этнос) // Ритмы Евразии. — Вып. IV. — М., 1993.
- Гуриев, 1982 — *Гуриев Т.А.* Проблемы наргиады. — Орджоникидзе, 1982.
- Далгат, 1972 — *Далгат У.Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. — М., 1972.
- Деоник, 1961 — *Деоник В.Б.* Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // СА. — 1961. — № 3.
- Дешериев, 1963 — *Дешериев Ю.Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горных кавказских народов. — Грозный, 1963.
- Джангар — *Джангар.* Калмыцкий героический эпос. — М., 1990.
- Догузов, 1987 — *Догузов К.Г.* Византийско-аланские отношения (VI–XII вв.). — Тб., 1987.
- Доде, 1991 — *Доде З.В.* Аланский женский головной убор из могильника Подорванная Балка в Нижнем Архызе // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкессии. — Черкесск, 1991.
- Доде, 1993 — *Доде З.В.* Средневековый костюм Предкавказья как исторический источник по истории региона в VII–XIV вв. Автореф. канд. дис. — М., 1993.
- Доде, 1994а — *Доде З.В.* Находки в могильнике Подорванная Балка как свидетельства функционирования Шелкового пути // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. — Кисловодск, 1994.
- Доде, 1994б — *Доде З.В.* Костюмы персонажей Кыфарской гробницы // Аланская гробница XI века. — Ставрополь, 1994.
- Доде, 1996 — *Доде З.В.* Об одном аспекте изучения тюркской проблематики в советской исторической науке // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. — М., 1996.
- Доде, 1997а — *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте Нартского эпоса // Научная мысль Кавказа. — 1997. — № 1.
- Доде, 1997б — *Доде З.В.* Художественно-этнографические экспедиции 20-х гг. XX в. по Северному Кавказу // Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т.М.Минасовой. — Ставрополь, 1997.
- Доде, 1998 — *Доде З.В.* Энциклопедия в рисунках // Наука в России. — 1998. — № 2.
- Дьяконова, 1980 — *Дьяконова Н.В.* К истории одежды в Восточном Туркестане II–VII вв. // Страны и народы Востока. — Вып. 22. — М., 1980.
- Дюмезиль, 1990 — *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. — М., 1990.
- Жуковская, 1988 — *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. — М., 1988.
- Жуковский, 1971 — *Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. — Л., 1971.
- Зиатур, 1965 — *Зиатур Д.* Одежда иранцев с древности до конца династии Сасанидов. — Тегеран, 1965 (на перс. яз.).
- Иакинф, 1828 — Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. — Т. 1. — Ч. 1–2. — СПб., 1828.
- Иерусалимская, 1963 — *Иерусалимская А.А.* К вопросу о культурных связях в раннем средневековье: (Несколько шелковых тканей из Мошевой Балки) // Сборник ГЭ. — Вып. XXIV. — Л., 1963.
- Иерусалимская, 1967 — *Иерусалимская А.А.* О Северо-Кавказском Шелковом пути в раннем средневековье // СА. — 1967. — № 2.
- Иерусалимская, 1972а — *Иерусалимская А.А.* Великий Шелковый путь и Северный Кавказ. — Л., 1972.
- Иерусалимская, 1972б — *Иерусалимская А.А.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. — Л., 1972.
- Иерусалимская, 1975 — *Иерусалимская А.А.* Западные ткани на Дальнем Востоке: (Эллинизм и раннее средневековье) // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. — Л., 1975.

- Иерусалимская, 1978 — *Иерусалимская А.А.* Аланский мир на Шелковом пути // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. — Л., 1978.
- Иерусалимская, 1983 — *Иерусалимская А.А.* Археологические параллели этнографически засвидетельствованным культам Кавказа: (По материалам могильника Мощевая Балка) // СЭ. — 1983. — № 1.
- Иерусалимская, 1992 — *Иерусалимская А.А.* Кавказ на Шелковом пути. — СПб., 1992.
- История народов Северного Кавказа, 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. — М., 1988.
- Кавказ, 1966 — Кавказ. — М., 1966.
- Каминская, 1989 — *Каминская И.В.* Отчет о раскопках могильника в Отрадненском районе Краснодарского края в 1989 году. — Краснодар, 1989.
- Каминский, 1984 — *Каминский В.Н.* Раннесредневековые аланские катакомбы на средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1984.
- Карачаевцы, 1978 — Карачаевцы. — Черкесск, 1978.
- Катамура, 1986 — *Катамура Тэцуро.* Каталог выставки тканей коллекции Тацумура. — Асахи, 1986 (на яп. яз.).
- Клочко, 1979 — *Клочко Л.С.* Реконструкция скифских головных жіночих уборов за материалами Червонопереконских курганів // Археологія. — 1979. — № 31.
- Клочко, 1982 — *Клочко Л.С.* Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. — Киев, 1982.
- Клочко, 1986 — *Клочко Л.С.* Реконструкция конусоподібних головних уборов скифянок // Археологія. — 1986. — № 56.
- Клочко, 1992а — *Клочко Л.С.* Скифский жіночий костюм: Автореф. канд. дис. — Киев, 1992.
- Клочко, 1992б — *Клочко Л.С.* Скифская обувь // РА. — 1992. — № 1.
- Ключко, Гребенников, 1982 — *Ключко Л.С., Гребенников Ю.С.* Скифский калаф IV в. до н.э.: Материалы по хронологии археологических памятников Украины. — Киев, 1982.
- Ковалевская, 1970 — *Ковалевская В.Б.* К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. — М., 1970.
- Ковалевская, 1972 — *Ковалевская В.Б.* Башкирия и евразийские степи IV–IX веков (По материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории утроб. — М., 1972.
- Кондаков, 1906 — *Кондаков Н.П.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. — СПб., 1906.
- Кондаков, 1929 — *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. — Прага, 1929.
- Кононов, 1978 — *Кононов Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник 1974. — М., 1978.
- Константин Багрянородный, 1991 — *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — М., 1991.
- Криминалистическое исследование, 1983 — Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. — Вып. II. Исследование текстильных волокон. — М., 1983.
- Кротков, 1915 — *Кротков А.А.* Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. — Вып. 32. — Саратов, 1915.
- Крупинов, 1947 — *Крупинов Е.И.* К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным // УЗ КНИИ. — Т. II. — Нальчик, 1947.
- Кузнецов, 1958 — *Кузнецов В.А.* Полный научный отчет Северо-Кавказской экспедиции 1957 года о работах в Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР. — М., 1958.
- Кузнецов, 1959 — *Кузнецов В.А.* К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. — 1959. — № 2.
- Кузнецов, 1961 — *Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА. — Вып. 85. — М., 1961.
- Кузнецов, 1963 — *Кузнецов В.А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 году // МИА. — № 114. — М., 1963.
- Кузнецов, 1984а — *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. — Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов, 1984б — *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. — Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов, 1985 — *Кузнецов В.А.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. — Орджоникидзе, 1985.
- Кузнецов, 1988 — *Кузнецов В.А.* Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1988.
- Кузнецов, 1992 — *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. — Владикавказ, 1992.
- Кузнецова, 1982 — *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. — Нальчик, 1982.
- Кулаковский, 1899 — *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — Киев, 1899.
- Кутцов, 1975 — *Кутцов А.И.* Введение в географию культурных растений. — М., 1975.
- Кусаева, 1956 — *Кусаева С.С.* Некоторые итоги археологических раскопок могильника в станице Змейской // Известия СОНИИ. — Т. XVII. — Орджоникидзе, 1956.

- Кюннер, 1961 — *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.
- Лавров, 1952 — *Лавров Л.И.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII века // *Материалы по истории земледелия СССР.* — Вып. I. — М., 1952.
- Лавров, 1959 — *Лавров Л.И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.* — М., 1959.
- Левашева, 1953 — *Левашева В.П.* Белореченские курганы // *Труды ГИМ.* — Т. 22. — Археологический сборник — М., 1953.
- Лесик, Вужнов, 1954 — *Лесик Б.В., Вужнов В.И.* Первичная обработка конопли. — М., 1954.
- Лобачева, 1991 — *Лобачева Н.П.* Народная одежда, как источник по этногенезу: (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана) // *Проблемы этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана.* — Вып. 3. — М., 1991.
- Львова, 1960 — *Львова З.Н.* Стекланные бусы и браслеты из Саркела-Белой Вежи // *МИА.* — № 75. — М., 1960.
- Маврикий Стратег, 1903 — *Маврикий Стратег.* Тактика и стратегия. Пер. капитана Цыбышева. — СПб., 1903.
- Магомедов, 1983 — *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. — М., 1983.
- Макарова, Плетнева, 1983 — *Макарова Т.И., Плетнева С.А.* Пояс знатного воина из Саркела // *СА.* — 1983. — № 2.
- Мамукаев, 1968 — *Мамукаев И.М.* Могильник Курнят в Кабардино-Балкарии // *АО.* — М., 1968.
- Мамукаев, 1980 — *Мамукаев Т.Б.* К этнографии и антропологии Города мертвых // *Вопросы осетинской археологии и этнографии.* — Т. XXXVI. — Вып. 1. — Орджоникидзе, 1980.
- Марковин, 1961 — *Марковин В.И.* Пещеры — родовые усыпальницы в Шатоевской котловине (Чечня) // *КСИА.* — № 86. — М., 1961.
- Марковин, 1983 — *Марковин В.И.* Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма // *Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии.* — Черкесск, 1983.
- Массон, 1989 — *Массон В.М.* Первые цивилизации. — Л., 1989.
- Массон, 1990а — *Массон В.М.* Великий Шелковый путь как инструмент экономической и интеллектуальной интеграции // *Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и в средневековье: Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО.* — Самарканд, 1990.
- Массон, 1990б — *Массон В.М.* Исторические реконструкции в археологии. — Фрунзе, 1990.
- Махова, 1979 — *Махова Е.И.* Некоторые элементы киргизского национального костюма // *Костюм народов Средней Азии.* — М., 1979.
- Мень, 1991 — *Мень А.* Православное богослужение: Таинство, слово и образ. — М., — СПб., 1991.
- Мешкерис, 1979 — *Мешкерис В.А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках // *Костюм народов Средней Азии.* — М., 1979.
- Мизиев, 1964 — *Мизиев И.М.* Средневековый могильник Байрым у селения Верхний Чегем // *Сборник студенческих работ Кабардино-Балкарского Университета.* — Нальчик, 1964.
- Мизиев, 1968 — *Мизиев И.М.* Могильник Курнят в Кабардино-Балкарии // *АО.* — М., 1968.
- Миллер, 1882 — *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // *ЖМНП.* — Ч. ССXXXII. — СПб., 1882.
- Миллер, 1893 — *Миллер В.Ф.* Отголоски Кавказских верований на могильных памятниках // *МАК.* — Вып. III. — М., 1893.
- Милорадович, 1963 — *Милорадович О.В.* Христианский могильник на городище Джулат // *МИА.* — № 14. — М., 1963.
- Минаева, 1954 — *Минаева Т.М.* Археологические памятники Черкесии // *Труды ЧНИИ.* — Вып. 2. — Черкесск, 1954.
- Минаева, 1955 — *Минаева Т.М.* Городище Аднух в Черкесии // *КСИИМК.* — Вып. 60. — М., 1955.
- Минкевич, 1968 — *Минкевич И.А.* Растениеводство. — М., 1968.
- Минорский, 1963 — *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X—XI веков. — М., 1963.
- Миронова, 1984 — *Миронова Л.Н.* Цветоведение. — Минск, 1984.
- Мирошина, 1980 — *Мирошина Т.В.* Скифские калафы // *СА.* — 1980. — № 1.
- Михаил Пселл, 1978 — *Михаил Пселл.* Хронография. — М., 1978.
- Моравчик, 1931 — *Моравчик Ю.* Происхождение слова «titzakon» // *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием Н.П.Кондакова.* — Т. V. — Прага, 1931.
- Мошкова, Максименко, 1971 — *Мошкова М.Г., Максименко В.Е.* Отчет о работе Багаевской экспедиции в 1971 году. — М., 1971.
- Мыськов, 1995 — *Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // *РА.* — 1995. — № 2.
- Намазов, 1988 — *Намазов Э.С.* «Китаб-и-дэдэм Коркут» как источник для изучения этикета огузов // *Этикет у народов Передней Азии.* — М., 1988.
- Нарты, 1957 — *Нарты.* Кабардинский эпос. — М., 1957.

- Нарты, 1974 — Нарты: Адыгский героический эпос. — М., 1974.
- Нарты, 1975 — Нарты: Абазинский народный эпос. — Черкесск, 1975.
- Нарты, 1989 — Нарты: Осетинский героический эпос. — Т. 2. — М., 1989.
- Нефляшева, 1989 — *Нефляшева Н.А.* Цветовая символика адыгского девичьего костюма и легенды об амазонках // *Культура и быт адыгов.* — Майкоп, 1989.
- Охонько, 1994 — *Охонько Н.А.* Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища // *Аланская гробница XI века.* — Ставрополь, 1994.
- Патрик, 1967 — *Патрик А.* Армянская одежда с древнейших времен до наших дней. — Ер., 1967.
- Петров-Водкин, 1982 — *Петров-Водкин К.С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. — М., 1982.
- Плано Карпини, 1957 — *Плано Карпини, Джованни дель.* История монгалов * *Рубрук, Гильом де.* Путешествия в восточные страны. — М., 1957.
- Плетнева, 1958 — *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // *МИА.* — № 62. — Т. 1. — М.-Л., 1958.
- Плетнева, 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. — М., 1967.
- Плетнева, 1974 — *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // *САИ.* — Вып. Е 4-2. — М., 1974.
- Плетнева, 1999 — *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. — М., 1999.
- Приступа, 1973 — *Приступа А.А.* Основные сырьевые растения и их использование. — Л., 1973.
- Прозрителев, 1913 — *Прозрителев Г.Н.* Мумии балкарских могильников Терской области, Нальчикского округа // *Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии.* — Ставрополь, 1913. — Вып. 5.
- Прохорова, 1992 — *Прохорова Т.А., Ругуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // *СА.* — 1992. — № 1.
- Равдоникас, 1972 — *Равдоникас Т.Д.* О некоторых типах аланской одежды X—XII веков // *КЭС.* — Вып. V. — М., 1972.
- Равдоникас, 1990 — *Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа. V в. до н.э. — конец XVII в.: (Античность и средневековье). — Л., 1990.
- Распопова, 1970 — *Распопова В.И.* Согдийский город и кочевая стель в VII—VIII вв. // *КСИА.* — Вып. 22. — М., 1970.
- Распопова, 1980 — *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. — Л., 1980.
- Рикман, 1986 — *Рикман Э.А.* Одежда народов Восточной Европы в раннем железном веке: Скифы, сарматы и гето-даки // *Древняя одежда народов Восточной Европы.* — М., 1986.
- Рубрук, 1957 — *Плано Карпини, Джованни дель.* История монгалов * *Рубрук, Гильом де.* Путешествие в восточные страны. — М., 1957.
- Руденко, 1951 — *Руденко С.И.* Сокровища Пазырыкских курганов // *По следам древних культур.* — М., 1951.
- Руденко, 1960 — *Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.-Л., 1960.
- Рунич, 1963 — *Рунич А.П.* Катакомбные могильники в районе Кисловодска // *СА.* — 1963. — № 3.
- Рунич, 1971 — *Рунич А.П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // *СА.* — 1971. — № 2.
- Самарина, 1999 — *Самарина Л.В.* Цвет в традиционной культуре Карачая и Балкарии: (К проблеме истоков формирования традиции) // *Карачаевцы и балкарцы: Этнография. История. Археология.* — М., 1999.
- Семенов, 1957 — *Семенов Л.П.* Нартский эпос и памятники материальной культуры // *Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года.* — Орджоникидзе, 1957.
- Сизов, 1956 — *Сизов И.А.* К истории льноводства в СССР. — М., 1956.
- Симоненко, 1992 — *Симоненко А.В.* Фарзой и Инисмей — аорсы или аланы? // *ВДИ.* — 1992. — № 3.
- Синская, 1969 — *Синская Е.Н.* Историческая география культурной флоры. — Л., 1969.
- Слово о полку Игореве — Слово о полку Игореве. Пер. В.А.Жуковского. — Куйбышев, 1974.
- Смешко, 1979 — *Смешко Т.Н.* Ткани в одежде киргизов: (Вторая половина XIX — начало XX в.) // *Костюм народов Средней Азии.* — М., 1979.
- Смирнов, 1951 — *Смирнов К.Ф.* Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // *КСИИМК.* — Вып. 38. — М., 1951.
- Смирнова, 1978 — *Смирнова Я.С.* Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа // *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе.* — М., 1978.
- Соболев, 1934 — *Соболев Н.Н.* Очерки по истории украшения тканей. — М.-Л., 1934.
- Степи Евразии — Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981.
- Студенецкая, 1989 — *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. — М., 1989.

- Сухарева, 1979 — *Сухарева О.А.* Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // *Костюм народов Средней Азии.* — М., 1979.
- Сын медведя Батыр — Сын медведя Батыр // *Адыгейские народные сказки.* — Майкоп, 1953.
- Сычев, 1973 — *Сычев Д.В.* Из истории монгольского костюма. — Элиста, 1973.
- Сычев Л.П., Сычев В.Л., 1975 — *Сычев Л.П., Сычев В.Л.* Китайский костюм: Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. — М., 1975.
- Тизенгаузен, 1884 — *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. I. — СПб., 1884.
- Тменов, 1969 — *Тменов В.Х.* Археологическое исследование Города мертвых у селения Даргавс в 1967 году // *Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.* — Т. 2. — Орджоникидзе, 1969.
- Тменов, 1983 — *Тменов В.Х.* Археологическое изучение пещерного склепа № 15 у селения Дзагис (Куртатинское ущелье): Рукопись археологического отчета. — 1982–1983.
- Уварова, 1900 — *Уварова П.С.* Могилиники Северного Кавказа // *МАК.* — Т. VIII. — М., 1900.
- Федоров-Давыдов, 1966 — *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966.
- Феофилакт Симокатта, 1957 — *Феофилакт Симокатта.* История. — М., 1957.
- Фидаров, 1990 — *Фидаров Р.Ф.* Отчет по раскопкам Змейской могилиники в 1982 году. — Орджоникидзе, 1990.
- Фрилинг, Ауэр, 1973 — *Фрилинг Г., Ауэр К.* Человек, цвет, пространство. — М., 1973.
- Чеснов, 1998 — *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. — М., 1998.
- Чубинашвили, 1959 — *Чубинашвили Г.Н.* Грузинское чеканное искусство. — Тб., 1959.
- Чурсин, 1929 — *Чурсин Г.* Амулеты и талисманы кавказских народов // *СМОМПК.* — Вып. 46. — Махачкала, 1929.
- Шарден, 1902 — Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. — Тифлис, 1902.
- Шефер, 1981 — *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. — М., 1981.
- Штедер, 1940 — Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. — Орджоникидзе, 1940.
- Эссау, 1969 — *Эссау К.* Анатомия растений. — М., 1969.
- Яценко, 1977 — *Яценко С.А.* К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // *СА.* — 1977. — № 3.
- Яценко, 1984 — *Яценко С.А.* «Сарматизация» и «эллинизация» костюма этносов Северного Причерноморья // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. — Майкоп, 1984.
- Яценко, 1985 — *Яценко С.А.* О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // *Археология и традиционная этнография Северной Осетии.* — Орджоникидзе, 1985.
- Яценко, 1993а — *Яценко С.А.* Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. — III в. н.э.: Происхождение стиля «клуазонне» // *Петербургский археологический вестник.* — 1993. — № 4.
- Яценко, 1993б — *Яценко С.А.* Очерки об антропоморфных изображениях скифов VII–IV вв. до н.э. // *Петербургский этнографический вестник.* — 1993. — № 7.
- Яценко, 1993в — *Яценко С.А.* Скифский мужской костюм на предметах греко-римской торговли IV в. до н.э. (К вопросу об этнографизме изображений) // *Вестник Шелкового пути.* — Вып. I. — М., 1993.
- Amiranashvili, 1971 — *Amiranashvili S.* Poklady Gruzie. — Tbilisi, 1971.
- Boucher — *Boucher F.* Histoire du costume en occident de l'antiquité à nos jours. — P., 1965.
- Daudet, 1992 — *Daudet Z.* The Outline of Culture Synthesis in the Northern Caucasus (6th–9th C. AD) // *Bulletin of the Ancient Orient Museum.* Vol. XIII. — Tokyo, 1992.
- Fairservis, 1972 — *Fairservis W.A.* Costumes of the East. The American Museum of Natural History. — N. Y., 1972.
- Ierusalimskaja, 1978 — *Ierusalimskaja A.A.* Le caftan aux Simourgs du tombeau de Moschtchevaja Balka (Caucas Septentrional). *Studia Iranica.* — Paris–Leiden, 1978.
- Ierusalimskaja, 1996 — *Ierusalimskaja A.A.* Die Gräber der Mosevaya Balka Frühmittelalterliche Funde an der Nordkaukasischen Seidenstrasse. — München, 1996.
- Ierusalimskaja, Borkopp, 1996 — *Ierusalimskaja A.A. und Borkopp B.* Von China nach Byzanz. — München, 1996.
- Kločko, 1992 — *Kločko L.S.* Skythische Tracht // *Gold der Steppe Archäologie der Ukraine.* — Schlieswig, 1992.
- Kouznetsov, Lebedynsky, 1999 — *Kouznetsov V., Lebedynsky I.* Les chrétiens disparus du Caucase. Histoire et archéologie du Nord de Caucase et en Crimée. — P., 1999.
- Macfarquhar, 1972. — *Macfarquhar R.* The Forbidden City. — N. Y., 1972.
- Mahler, 1959 — *Mahler S.T.* The Western Testimony of the Figurines of the Tang Dynasty of China. — Roma, 1959.
- Smith, Van Goven, 1979 — *Smith B., Van Goven.* A History in Art. — Hong Kong, 1979.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия
ВДИ	—	Вестник древней истории
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии СССР
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЧНИИ	—	Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЭС	—	Кавказский этнографический сборник
МАК	—	Материалы по археологии Кавказа
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МУЖВЗ	—	Московское училище живописи, ваяния и зодчества
ОР РГБ	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РА	—	Российская археология
РАН	—	Российская академия наук
СА	—	Советская археология
САИ	—	Археология СССР. Свод археологических источников
СГОКМ	—	Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им. Г.Н.Прозрителева и Г.К.Праве
СМОМПК	—	Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СОНИИ	—	Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
соч.	—	сочинение
СЭ	—	Советская этнография
УЗ КНИИ	—	Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
ЧКНИИ	—	Черкесский научно-исследовательский институт
ф.и.	—	фрагмент изделия
ф.о.	—	фрагмент одежды
ф.о.т.	—	фрагмент основной ткани
ф.п.т.	—	фрагмент подкладочной ткани
ф.т.	—	фрагмент ткани

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ал-Истахри*, арабский автор X в., оставил сведения о культуре и жизни восточных народов в соч. «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» на арабском языке **103, 104**
- Ал-Макризи* (1364–1442), египетский историк, оставил труды по истории Египта и сопредельных стран **84**
- Ал-Смари*, арабский путешественник и писатель XIII в. **73**
- Аммиан Марцеллин* (ок. 330 – ок. 400), римский историк. Автор «Деяний», описывающих события от правления императора Нервы (конец I в. н.э.) до 378 г. Из 31 книги «Деяний» до нас дошли 14–31-я, охватившие период с 353 по 378 г. **30**
- Анна Комнина* (1083 – ок. 1153–1155), византийская принцесса, дочь императора Алексея I Комнина. После смерти отца пыталась вырвать власть из рук своего брата Иоанна, но потерпела неудачу, удалилась в монастырь, где уже в преклонном возрасте написала историю царствования своего родителя — «Алексиаду» **16, 29, 98**
- Бларамберг, Иоанн* (Бларамберг Иван Федорович), немец, переселившийся в Россию в 1823 г. С 1827 г. на военной службе в русской армии, генерал-лейтенант, офицер Генерального штаба России, служивший в Отдельном Кавказском корпусе. Рукопись по культуре и обычаям адыгов составлена им в 1834 г. по заданию командования на основании сведений, имевшихся в штабе Отдельного Кавказского корпуса **90**
- Вахушти Багратиони* (ок. 1696–1784), грузинский историк, географ и лексикограф. Сын Вахтанга VI, дед П.И.Багратиона. Свой главный труд «Сакартвелос цховреба» посвятил историко-географическому описанию Грузии **40**
- Галонифонтибус, Иоанн де* (конец XIV – начало XV в.), архиепископ персидского города Султанийи. «Книга познания мира», завершенная в 1404 г., содержит сведения о народах Кавказа **61**
- Геродот* (между 490 и 480 – ок. 425 до н.э.), древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор исторического описания греко-персидских войн, государства Ахеменидов, Египта и др. Оставил первое систематическое описание жизни и быта скифов **23, 37–40, 88, 102**
- Д'Асколи* (Асколи д'Эмиддио Дортелли), итальянский католический священнослужитель (XVII в.), глава доминиканской миссии в Крыму в 1624–1634 гг. Неоднократно совершал плавания по Черному морю, во время которых знакомился с культурой и обычаями народов, проживавших на побережье **40**
- Иакинф* (Бичурин Никита Яковлевич) (1777–1853), русский китаевед, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1828). 14 лет возглавлял духовную миссию в Пекине. Служил переводчиком в Министерстве иностранных дел России. Основные работы по истории и этнографии монголо- и тюркоязычных народов (по китайским источникам), истории и философии Китая **65**
- Ибн Аль-Асир* (1160–1233 или 1234), арабский историк. Основные труды по всеобщей истории и биографический словарь сподвижников Мухаммеда **54**
- Ибн Баттута* (1304–1377), арабский путешественник. В 30-х годах XIV в. побывал в Золотой Орде. Оставил описание своих путешествий по Египту, Аравии, Месопотамии, Сирии, Малой Азии, Ирану, Крыму, южным областям России, Средней Азии, Индии, Китаю, Испании, Западному и Центральному Судану **63**
- Ибн Руста* (Абу-Али-Ахмед), арабский автор X–XI вв. Соч. «География» **24**
- Ибн Хаукаль*, арабский автор X в., оставил сведения о культуре и жизни восточных народов, входящих в империю ислама. Соч. «Книга путей и царств» является для X в. высшей точкой в развитии арабского страноведения. Труд Ибн Хаукаля брали за образец более поздние арабские историки **103, 104**
- Иоанн VI Кантакузин*, император Византии (1341–1354), покровитель наук и ученых. После отречения от престола ушел в монастырь **55**
- Исаак I Комнин*, византийский император (1057–1059), положивший начало династии Комнинов **82**
- Константин V Копроним*, византийский император (741–775) из Исаврийской династии. Будучи наследником престола, в 733 г. женился на хазарской принцессе по настоянию своего отца, императора Льва III, стремившегося сохранить союз с Хазарией. Этот брак был впоследствии осужден Константином VII Багрянородным, считавшим, что тем самым был нанесен ущерб престижу императорской власти **83**
- Константин VII Багрянородный*, византийский император (913–956), автор сочинений, в которых изложена система воззрений, являющихся вершиной официальной политической мысли империи в X в.: политическая доктрина и учение об императорской власти, теория нравственных ценностей верноподданного византийца того времени и катехизис его поведения. Наиболее значимый в этом отношении труд «О народах» или «Об управлении Империей» **82, 83**
- Константин IX Монамах*, византийский император (1042–1055), весьма благожелательно относившийся к ученым и оказывавший им покровительство. В его дворце жили образованнейшие люди эпохи, среди которых Константин Лихуд, Михаил Пселл и др. **82**

- Маврикий Стратег*, византийский автор VI в., занимавший видное место в военной иерархии, вплоть до самых высоких чинов. Его произведение «Стратегикон» — самый известный памятник византийской военной литературы **17, 105**
- Масуди* (Абу-л-Хасан ибн ал-Хусейн ал Масуди) (896?–956 или 957), арабский историк, оригинальный писатель и выдающийся путешественник, оставивший в своих работах объективные описания многих земель, известных в то время арабо-мусульманам: Ирана, Индии, Цейлона, Северной Африки, Азербайджана, Армении, Сирии и Египта. Его сведения, заключенные в книге «Золотые копи и россыпи самоцветов», стали важным источником для историков, географов, этнографов **30, 40, 41**
- Михаил VII Дука*, византийский император (1071–1078) **29, 82, 98**
- Михаил Пселл* (до пострижения в монахи — Константин) (1018 — ок. 1078 или 1096), византийский политический деятель, ученый и философ. Был воспитателем наследника престола, будущего императора Михаила VII. Приближенный и советник императора Константина IX Мономаха, оказывал сильное влияние на политический курс его правительства. События 976–1078 гг. описаны Пселлом в «Хронографии» — политических мемуарах, отличающихся рационалистическим взглядом на исторический процесс и проницательностью в понимании эгоистических интересов правящих лиц и групп **82, 83**
- Моисей Хоренский* (Мовсес Хоренаци), армянский историограф V в. Соч. «История Армении» **99**
- Никифор III Вотаниат*, византийский император (1078–1081) **29, 82, 98**
- Плано Карпини* (латинизированная форма итальянского имени Джованни дель Пьяно Карпини), францисканский монах (XIII в.), родом из Перуджи (Италия). Занимал видные должности в римской церкви. Вернувшись из путешествия по Азии, которое длилось более двух лет (16 апреля 1245 — осень 1247), составил соч. «История монголов, именуемых нами татарами», в котором знакомил европейцев с неизвестным им миром и народами **22, 63**
- Рубрук, Вильгельм* (Гильом, Виллем; Рубруквис) (между 1215 и 1220–1293), фламандский путешественник, монах ордена миноритов, возглавлял миссию короля Людовика IX Святого в Монголию в 1253–1255 гг. Во время следования к месту назначения проехал по Северному Кавказу **65**
- Федоров Дмитрий Степанович* (1890, ст. Кавказская Краснодарского края — 1964, Краснодар), художник. Мальчиком с родителями переехал в Ростов, где учился в частной художественной школе Ивана Семеновича Богатырева. В начале 1900-х годов поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), откуда после двух лет обучения был исключен за отступление от академических канонов живописи. Федоров возвратился в Ростов, где работал в театрах. Накануне Великой Отечественной войны переехал в Абхазию и тоже работал в театре. После войны жил в Краснодаре, работал в Художественном фонде и преподавал в Художественном училище. В 1921–1925 гг. принимал участие в комплексных этнографических экспедициях, проходивших на Кавказе **ил. 49**
- Феодор Гавра* (1081–1118), дука Трапезунда. Гавра происходил от знатных и богатых предков из горных районов Халдии — византийской фемы на территории Армении. Зная дерзость и энергию этого провинциального магната, византийский император Алексей I Комнин удалил его из столицы, сделав правителем Трапезунда, города, который Феодор Гавра отобрал у турок. В источниках Гавра характеризуется как человек, превосходящий других умом и мужеством. Трапезундом распоряжался как своей собственностью. Во втором браке был женат на знатной аланке **82**
- Феофилакт Симокатта*, выдающийся историк светского направления в Византии в конце VI — первой половине VII в., секретарь василевса Ираклия (610–641). Уроженец Египта, он имел родственные связи в высших кругах византийского общества. Его «История» написана между 628 и 638 гг. Произведение осталось незаконченным, оно обрывается на трагических событиях 602 г., связанных с казнью императора Маврикия. В качестве источников Симокатта использовал сведения античных авторов, преимущественно Геродота и Диодора, и ранних византийских писателей — Иоанна Лиды, Прокопия, Евгария, Менандра и др. **17, 94**
- Чань Чунь*, китайский путешественник XIII в. Записки о путешествии Чань Чуня в 1221 г. переведены на русский язык в 1866 г. П. Кафаровым и опубликованы в Трудах Пекинской миссии **67**
- Чернусенко Федор Матвеевич* (1883, Ростов-на-Дону — 1960, Москва), художник. Окончил Ростовскую художественную школу, а затем МУЖВЗ. Участвовал в выставках в Париже, в том числе во Всемирной художественной выставке в 1937 г. Занимался наглядной агитацией в военном комиссариате Ростова, преподавал живопись, рисунок и композицию в Ростовском художественном училище. Известен как автор портретов политических вождей и картин с советской тематикой. В 1921–1925 гг. принимал участие в комплексных этнографических экспедициях, проходивших на Кавказе **ил. 50–52**
- Шлиппев Василий*, художник. Жил в Москве. Как живописец в 1910-е годы выставлялся в Ростове. В 1921–1925 гг. принимал участие в комплексных этнографических экспедициях, проходивших на Кавказе **108, ил. 53, 54**

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЭЛЕМЕНТОВ КОСТЮМА

- апликация* (от лат. applicatio — прикладывание), способ художественного декорирования изделий из ткани, кожи или войлока путем наклеивания или нашивания на основу разноцветных кусочков другого или такого же материала, составляющих орнамент или изображение 19–21, 53, 54, 56, 57, 59, 60, 65, 80, 86, 87, 115
- архалу́к* (тюрк. arkaluk — куртка), одежда прямого покроя, с перскидным плечом и с широкими рукавами, пришитыми к стану под прямым углом ниже линии плеча. На Кавказе архалуками называют отрезные и присборенные у талии кафтаны, застегивающиеся на крючки от ворота до пояса 93
- арчата*, простейший вид обуви у народов Северного Кавказа, сшитый из сыромятной кожи, внутрь подкладывали сухую траву 15, 19, 85
- бельдек*, поясная мужская одежда у киргизов, алан и половцев. Утепленная юбка из кожи или войлока 57, 58, 107, 115
- бельдемчи*, поясная одежда, деталь национального женского киргизского костюма: распашная юбка на широком поясе, надеваемая поверх плечевой одежды — платья или халата. Изготавливали бельдемчи из бархата, шелковых тканей, войлока и овчины, украшали вышивками, аппликациями, оторачивали или подбивали мехом. Киргизские женщины, как правило, надевали ее после рождения первого ребенка 57
- бешмет* (тат. Bəşmät), верхняя плечевая мужская или женская одежда, распашная, приталенная, с расклеванными полами, застегивающаяся от стоячего воротника до талии на мелкие частые матерчатые пуговицы или металлические застёжки-крючки. Разновидность кафтана. У народов Северного Кавказа — традиционный вид одежды, имеющий единое название с тюркским корнем в основе (адыгейск — къэптан, кабардинск — къэптал, карачаевск. и балкарск. — къаптал, чеченск. и ингушск. — пөвтэл) 61, 63, 69, 73, 75, 85, 92, 93, 95
- бурка*, войлочная безрукавная накидка-плащ у народов Северного Кавказа — типичный элемент костюма путника или пастуха. Выполняется из войлока естественных цветов: белого, черного и бурого 5, 34, 54, 58, 75, 85–89
- венчик*, девичий головной убор в виде обруча из металла, ткани или кожи 20, 109
- галун* (от фр. galon — галун, позумент; или польск. galon — кант), плотная тканая плетеная тесьма из золотой, серебряной или мишурной нити для украшения одежды, в том числе для создания композиций в форме каймы или бордюра. Используется также для окантовки элементов золотного шитья и соединения их в единый узор 52, 60, 75, 82, 86, 105
- гончурки* (*гончарышки*), обувь из выделанной кожи. «Гон» — выделанная кожа, «чарык» — вид крестьянской обуви 85
- диадема*, в древности — полоска ткани, кожи или металла, которую в качестве налобной повязки носили мужчины и женщины 20, 22, 42, 91, 108
- эпитрахиль* (от греч. epitrachelion), часть обязательного при богослужении облачения священника, сшитая из двух широких лент с узорами, надеваемая на шею и спускающаяся до земли 32
- золотное шитье*, вышивка золотыми или серебряными нитями гладью или вприкреп. На Северном Кавказе было распространено шитье вприкреп. Орнаментальная мотивная вырезали из плотной ткани, на которую параллельными рядами укладывалась металлическая нить и в нескольких местах прикреплялась шелковой нитью к основе. Когда весь элемент был полностью покрыт золотом или серебром, его после специальной обработки нашивали на ткань изделия, контур обшивали галуном и галуном же соединяли с другими мотивами орнамента. Таким образом, северокавказское золотное шитье представляло собой вид аппликации 111
- кандис*, длинный, до щиколоток, с удлиненными узкими рукавами распашной кафтан в персидско-иранском комплексе костюма. Носили кандис внакидку; руки просовывали в рукава только перед царем 101, 103, 107
- кас*, персидский плащ с завязками у горла 101
- кафтан* (перс. kaftan), верхняя плечевая одежда, распашная, свободного или приталенного покроя, застегивающаяся на пуговицы, крючки, завязки, длиннополая (до щиколоток) или короткая (до колен). Базовая форма, послужившая для создания различных разновидностей: бешмета, архалука, бекеши, ферязи, черкески, чекмена, казакина и т.д. 12–18, 20, 26, 27, 29–31, 33, 36, 41, 52–59, 63, 65, 70, 74, 75, 80–82, 94, 99, 101–105, 107, 109
- корсет*, элемент костюма кавказских девушек знатного происхождения, предназначенный для придания фигуре формы, соответствующей кавказскому идеалу красоты. Девушка должна была быть стройной, иметь плоскую маленькую грудь и тонкую талию, которая по объему равнялась завязке для ногвиц (то есть 50–55 см). Корсет изготавливали из сафьяна или кожи простой выработки, в него вставляли деревянные пластины, одна из которых поддерживала позвоночник, а две другие давили на грудь, мешая ее развитию. Корсет начинался от плеч и спускался до бедер. Впереди его туго шнуровали. Надев корсет в 10–12 лет, девочка почти не снимала его до замужества 57, 74, 90, 99, 109, 115

- мафорий*, женский византийский головной убор — покрывало, закрывающее голову и верхнюю часть фигуры **108**
- меси*, кожаные носки. Название у всех народов Кавказа имеет иранский корень, восходящий к слову «овца» (адыгейск. — майст, местэ, кабардинск. и черкеск. — мест, карачаевск. — месси, балкарск. — меси, осетинск. — мес, чеченск. и ингушск. — маьхси) **19**
- митенки* (от фр. *mitaine* — рукавица), полуперчатки без пальцев. В европейском costume элемент женского ансамбля, который удерживался на руке при помощи перемычек между пальцами или за счет эластичности материала, из которого митенки изготавливали **19**
- накосник*, в аланском женском головном уборе прямоугольный мешочек, как правило, из холщовой ткани, крепившийся к округлой шапочке и предназначенный для того, чтобы тщательно спрятать волосы. Нашел дальнейшее развитие в женских головных уборах народов Северного Кавказа. См. *чухта* и *чач-салгъан* **22, 29, 91, 92**
- ноговицы*, часть одежды, закрывающая только голень, то же, что гетры **15, 19, 53, 73, 75, 78, 81, 95, 103, 106**
- омофор*, часть облачения архиериев, знак епископского сана, длинная широкая полоса, спускающаяся одним концом спереди, другим сзади **32**
- парча* (от татарск. *paĉa* — парча, узор; возможно, от перс. *pačā* — клочок, обрезок), шелковая ткань с утками, выполненными золотой или серебряной нитью, образующими сложный орнамент **52, 54, 63, 70, 115**
- скуфья*, островерхая шапочка христианского священнослужителя, в которой требы совершались на открытом воздухе. Изготавливалась обычно из ткани черного цвета. В качестве поощрения священнослужителям разрешали носить скуфью из фиолетового бархата **32**
- сутаж*, вид тонкой плотной тесьмы для отделки одежды, аппликации, плетения макраме и т.п. **27, 60**
- тафта* (перс. *taftā* — сотканное), шелковая ткань полотняного переплетения из очень туго скрученных нитей основы и утка, что обеспечивало тонкость и жесткость ткани **21, 63**
- T-образный силуэт*, силуэт, образованный на основе туникообразного покроя **27, 35, 36, 85, 107**
- туникообразный покрой*, покрой прямой неразъемной спереди одежды, как правило, без воротника, имеющей перекидное плечо (со стибом, а не со швом), прямой стан, рукав, пришитый к стану под прямым углом с ластовицей или полуластовицей **107**
- тюбетейка* (тюрк.), мелкая шапочка округлой или квадратной формы, как правило, выполненная из клиньев. Элемент национальных костюмов у народов Средней и Передней Азии **27, 77, 80, 84**
- фелонь*, первоначально в Риме — широкий плащ без рукавов, покрывавший все тело. Позже — до XV в. — облачение священнослужителей христианской церкви высокого ранга в виде широкого одеяния без рукавов с круглым отверстием для головы и плавно вырезанным передним полотнищем от середины груди до низа. Во время литургии фелонь символизировала хламиду Христа. Облаченный в фелонь священнослужитель изображает Спасителя, приносящего себя в жертву **32, 34**
- халат* (арабск. *hiġat* — почетное платье), основной элемент национального костюма многих народов Востока. Представляет собой разновидность кафтана без перехвата в поясе **56, 63–69, 71, 75, 81, 92, 105, 107**
- чалма* (тюрк.), у народов Востока традиционный головной убор в виде полотнища ткани, многократно обернутого разными способами вокруг головы, как правило, элемент мужского костюма, надеваемый поверх фески или тюбетейки. Чалму носил пророк Мухаммед, поэтому она являлась обязательной принадлежностью мусульманина **84**
- чач салгъан*, карачаевский женский головной убор в виде продолговатого мешочка, украшенного кисточками и вышивками, предназначенный для того, чтобы тщательно прятать волосы **108**
- черкеска*, верхняя плечевая одежда, типа кафтана, без воротника, с глубоким вырезом на груди, затянутая в талии и украшенная газырями. Основной элемент национального кавказского мужского костюма **5, 85, 93, 95, 99, 100, 105**
- чухта*, чеченский головной убор замужней женщины, представляющий собой узкий мешочек с незашитыми краями. Завязки в верхней части закреплялись на темени или сзади. Чухту носили в сочетании с шалью **108**
- штаны-чулки*, не сшитая поясная одежда, представляющая собой длинные ноговицы, надевавшиеся до паха и прикреплявшиеся к поясу завязками **53, 105**
- шуба* (араб. *šubba* — одежда с длинными рукавами), верхняя мужская и женская одежда из меха или на меху, свободного покроя. На Кавказе в VII–X вв. в женском ансамбле была не распашной, но с осевым разрезом спереди **13, 19, 34, 85, 87, 88, 114**

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Адыях*, археологический комплекс: городище и грунтовый могильник XI–XII вв. в Карачаево-Черкесии. Городище представляет собой остатки крупного средневекового города, окончательно еще не отделившегося от сельских поселений. Городище имеет трехчастную структуру с цитаделью — наиболее древней и хорошо укрепленной частью, к которой примыкает территория города, где проживали рядовые общинники, и селищами открытого типа, которые заселяли трудовые низы общества, занимавшиеся сельским хозяйством. На городище прослеживается высокий уровень строительного дела, о чем свидетельствуют целые комплексы жилых, хозяйственных, производственных построек и оборонительные сооружения 7, 20, 23, 52, 80
- Амгата*, археологический комплекс VI–X вв.: городище и пещерный могильник. Городище располагается на левом берегу р. Теберды на высоком скальном плато, неудобном для постоянного жительства, но, очевидно, созданном как труднодоступный оборонительный пункт. С комплексом городища связан христианский Сентинский храм. Здесь наиболее полно сохранилась византийская фресковая живопись, которая, как и в Зеленчукских храмах, сопровождалась греческими надписями и автографами прихожан. Скальный могильник расположен в ущелье р. Амгаты в Карачаево-Черкесии 14, 16, 20, 22, 26, 35, 41, 80, 96, 108
- Архон*, катакомбный могильник VII–X вв. у селения Архон в Северной Осетии 76
- Байрыт*, могильник XIII–XIV вв. у селения Верхний Чегем в Балкарии 77
- Балка Балабанка*, пещерный могильник VII–X вв. в балке Балабанка в верховьях р. Уруп в Карачаево-Черкесии 23
- Белореченская*, курганный могильник XIII–XV вв., принадлежавший адыгейской родовой знати у города Белореченск Краснодарского края 60, 75–78, 81, 111
- Верхний Джулат*, археологический комплекс XIII–XIV вв.: городище и христианский могильник. Городище представляет собой остатки крупного города золотоордынского времени, возникшего на месте аланского поселения. Городище располагается на обоих берегах р. Терек близ села Эльхотово в Северной Осетии. Верхний Джулат–Татартуп (Татарский стан) соотносится с городом Дедаков. В городе зафиксированы остатки трех мусульманских мечетей, трех христианских храмов, булыжная мостовая на городской площади 52
- Верхний Чегем*, археологический комплекс: городище и могильники. Городище представляет собой поселение со строго продуманной оборонительной системой, водоснабжением, связями с ближней и дальней округой 77
- Гиляч*, грунтовый могильник VI–X вв., расположенный в Карачаево-Черкесии в 13 км от города Карачаевск, вверх по течению р. Кубань, там, где с левой стороны в нее впадает горная р. Гиляч 7
- Даргаев*, «Город мертвых», склеповый могильник XIII – начало XIX в. на р. Гизелдон, притоке Терека в Северной Осетии 75, 78, 81, 96, 111
- Джухта-2*, курганный могильник середины XIII – XIV в. у селения Апанасенковское Ставропольского края 7, 61–65, 68, 70–73, 76
- Дзигвис*, склеповый могильник XIII–XV вв. у селения Дзигвис в Северной Осетии 7, 24, 69, 70, 73–78, 81, 84, 90, 91, 96, 111
- Зарагисж*, курганный могильник XIV–XV вв. на северо-западной окраине селения Зарагисж Черекского района в Кабардино-Балкарии 7, 68, 71, 72–79, 81, 111
- Змейский могильник*, аланский катакомбный могильник X–XII вв. у станции Змейская в Северной Осетии. В топографии могильника прослеживается четкая стратиграфия. Богатые погребения, очевидно принадлежавшие дружинникам, располагаются отдельными компактными группами катакомб, разделенных межой, определявшей родовые участки могильника 35, 53, 55–61, 74–77, 81, 84, 87, 90, 96, 112
- Карт-Джурт*, склеповый могильник XV–XVIII вв. вблизи одноименного карачаевского селения 67, 76, 81, 111
- Курнаят*, могильник XIV–XVI вв. близ селения Верхняя Балкария 76, 111
- Кяфарское городище*, городище VIII–XII вв., расположенное в месте слияния горного притока Кубани р. Кяфар с р. Кривой в Карачаево-Черкесии. Городище являлось резиденцией-убежищем аланских правителей и находилось в 12 км от административного, религиозного и культурного центра Алании — Нижнеархызского городища. В окрестностях городища зафиксировано большое количество наземных гробниц и дольменнообразных склепов 30–33, 37
- Махческ*, могильник XIV в. у одноименного селения в Северной Осетии. Погребения совершены в каменных ящиках 76, 81
- Мошечая Балка*, скальный могильник VII–IX вв. в верховьях р. Большая Лаба (левый приток Кубани), у поселка Курджиново в Карачаево-Черкесии. Гробницы, сложенные из каменных плит в естественных или искусственно вытесанных нишах, располагались на террасах с навесами. Благодаря высокогорному климату с его чистым воздухом и отсутствием микроорганизмов в погребениях сохранились дерево, кожа, ткани, а умершие оказались естественным образом мумифицированными 7, 15, 16, 19, 20–24, 26, 27, 29, 30–33, 35, 37, 48, 50, 77, 80, 81, 84, 87, 88, 92, 96, 99, 105, 114

Нижний Архыз, археологический комплекс, включающий раннесредневековое городище и могильники. Городище расположено в ущелье р. Большой Зеленчук в 22 км от станицы Зеленчукской в Карачаево-Черкесии. Одно из наиболее крупных средневековых городищ Северного Кавказа, представляет собой сложный социальный комплекс с присущим ему территориально-патронимическим принципом расселения. Территория городища делится на город, поселок спархии и земледельческие участки. Сохранились целые комплексы жилых, хозяйственных, производственных построек, оборонительных сооружений, три монументальных культовых архитектурных памятника — христианские храмы. Они связаны с деятельностью Аланской епархии, существовавшей в X—XII вв. Кафедральным собором епархии был северный Зеленчукский храм. В X—XIII вв. здесь концентрировалось христианское население, оставившее несколько церквей и могильников. Население предшествующего периода VII—IX вв. оставило могильники на склонах хребтов Ужум и Мыщешта, вырубленные в скалах и благодаря особым условиям сохранившие органические предметы 19, 21, 26, 33, 35, 37, 44–46, 52, 84, 87, 96

Новопавловск, склеповый некрополь XIII—XIV вв. с богатыми захоронениями в песчаном карьере у города Новопавловск Ставропольского края 7, 65–68, 73

Пазырыкские курганы, курганы с каменной наброской VII—IV вв. до н.э. в долине Пазырык на Алтае, связанные с культурой евразийских скотоводческих племен 59, 105

Подорванная Балка, скальный могильник VII—X вв. на склонах хребта Ужум по южной и юго-западной экспозиции балки Подорванной в Нижнем Архызе 7, 13–16, 19–27, 33, 74, 77, 80, 81, 87

Рим-Гора, археологический комплекс X—XII вв.: крупное раннесредневековое городище и катакомбный и скальный могильники. Городище располагается в 17 км к западу от города Кисловодска, у впадения р. Эшкакон в Подкумок в Карачаево-Черкесии. Здесь зафиксированы фортификационные сооружения: крепость, вал, фундаменты нескольких крупных зданий, грунтовая дорога, которая вела к катакомбному могильнику 7, 35, 52, 56–60, 81, 84, 87, 96

Старокорсунская, станица в Краснодарском крае, возле которой расположен раннесредневековый аланский катакомбный могильник 20, 23, 80

Увек, Увекский городище XIII—XIV вв., отождествляемое с золотоордынским городом Увекком — одним из самых значительных городов Золотой Орды. Располагается на южной окраине города Саратова. Город занимал доминирующее положение на волжском пути — важнейшей торговой артерии государства Джучи 62, 70

Уллу-Кол, археологический комплекс VII—X вв.: поселение и скальный могильник. Поселение располагается на обширном и ровном плато на расстоянии 1–1,5 км от устья р. Уллу-Кол по ее левую сторону. С северной стороны поселения возвышается скалистый хребет, где был обнаружен скальный могильник. Подобный могильник открыт в 2 км ниже по течению реки Подкумок, в балке Кызыл-Кол 7, 20, 37, 50, 96

Хасаут, археологический комплекс VI—X вв. у селения Хасаут на границе Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Городище-крепость возвышалось над долиной р. Хасаут. Скальный могильник расположен по левой стороне р. Хасаут, верхнего левого притока р. Малки. Здесь в захоронениях найдены остатки предметов из органических материалов — обрывки тканей и одежда из холста и шелка. Хасаутский могильник — один из наиболее известных скальных могильников Северного Кавказа 15, 26, 27, 32, 58, 81, 87

Эшкакон, скальные могильники VII—X вв. в ущелье долины р. Эшкакон в 4–6 км к югу от аула Учкхен в Карачаево-Черкесии 7, 20, 21, 24, 37, 44, 46, 48, 80, 87, 96, 108

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абазги 13
Абхазия, абхазы 40, 42
Агачкалинский могильник 103
адыги, адыгейцы 13, 22, 52, 61, 108
Алания, аланы 13, 17, 18, 25, 29, 32–34, 52,
53, 57, 59, 65, 82–84, 99, 101, 103–106,
108, 114, 115
Алхан-Кала 52
Андрей-аульское городище 103
Аргуданское городище 52
Армения, армяне 6, 77
Афрасиаб 104
- Бактрия 40
Балкария, балкарцы 12, 13, 34–37, 50, 61,
76, 97, 106, 111
Белая Вежа 60
Белая Орда 61, 68, 98
булгары 13, 105
- вайнахи 52, 97
венгры 53
Верхняя Балкария 76
Византия 13, 16, 17, 25, 32, 33, 82, 83, 104,
106–108, 115
Владикавказ 76
Волга, р. 25, 61, 66, 103
- готы 83
Грузия, грузины 6, 77
гунны 15, 83
- Дагестан 6, 97, 103
Дальний Восток 27, 28
Дешт-и Кипчак 68
- Египет 25, 39, 84
- Зеленчукский храм 32
Зикия 61
Золотая Орда 6, 52, 60, 61, 63, 66, 68, 73
- Ингушетия, ингуши 6, 13, 52, 61, 94, 97, 99,
107–109
Иран, иранцы 13, 30, 104, 107, 115
- Кабарда, кабардинцы 61, 108, 111
Кабардино-Балкария 6, 52, 73, 78, 97
Казахстан 60, 67
Карачай, карачасцы 12, 13, 61, 94, 97, 106,
111
Каспийское море 25, 40
Киевское городище 52
Кизил 104
кипчаки 73, 84
киргизы 63
Китай, китайцы 14, 16, 21, 25, 61, 66, 68,
103, 114
Колхида 39
Кольцо-Гора 103
Крым 103
- куманы 53
Кучара 104
Кызыл-Кала 52
- Лаба, р. 114
- Малая Азия 39, 40
мамлюки 84
монголо-татары 52, 61, 84, 114
- нахче 61
Нижний Джулат 52
- осети 61
Осетия, осетины 6, 11, 13, 19, 22, 40, 52, 61,
73, 76, 94, 99, 106, 108–109, 111
- Палестина 25
Пенджикент 27, 35, 104, 106, 107
Персия, персы 23, 94, 101, 102, 105, 114
половцы 6, 52, 53, 57, 59, 61, 65, 68, 72, 84,
105, 106, 109, 114, 116
- Русь, русские 76, 82, 94, 109, 111
- Саки 88
Самарканд 25
Саркел 60
Сарматия, сарматы 11, 61, 103, 105, 106,
114
Сентинский храм 23
Сирия 25
Согд, Согдиана 40, 101
Средняя Азия 17, 53, 60, 67, 98, 101, 103,
104, 114
Ставропольский край 17
Старо-Лескенское городище 52
- Таки-Бустан 105, 106
Тарашлык 104
Тарки 103
Татария, татары 40, 76, 84
Терек, р. 52, 90
Терское городище 52
- узбеки 53
Улус Джучи 61, 68
Усть-Теберда 26
- Хазария, хазары 13, 83, 103–105
Хорезм, хорезмийцы 101
Хумара 103
хунну 103
- черкесы 94, 97
Чечня, чеченцы 6, 13, 52, 61, 94, 97, 99,
107–109, 111
Чир-Юрт 103
- шапсуги 24

SUMMARY

The long-term process of cultural development in the North Caucasus resulted in ethnographic complexity. At the same time, within the North Caucasus area, a folk costume complex with a single style emerged—a clear evidence of the common historical trajectory and of cultural and economic connections, the principal elements of ethnographic development.

Not only is the costume an essential cultural marker related to ethnic and social categories of human society, it is also a valuable historical source providing a wealth of information on various fields of human activity, particularly where the group in question used no system of writing. The costume reflects the continuity of generations and the heritage of popular tradition, which may actually have an extreme time depth. Fashion is the most volatile part of material culture, the most sensitive to all innovations. Due to this, the costume helps us trace long-distance contacts. The costume in its comprehensive semantics is a vehicle for information on the gender, age and socio-economic status of the owner, thus reflecting the general level of the economy in a particular society.

Being conservative to an extent, clothes preserve some elements of the traditional costume, which often have the role of an ethnic marker. The costume ensemble is closely related to people's spiritual life, customs and rituals. Of great significance in the costume are decorations that frequently perform the function of an amulet or talisman, whose meaning, when revealed to us, sheds light on certain elements of ideological concepts.

The geographical area of this research is limited to the North Caucasus, which includes the Western and Middle Cis-Caucasian areas. The compact area under examination is united by cultural and historical bonds and comprises the modern Ossetia, Kabarda-Balkaria, Karachai-Cherkessia, Chechnya and Ingushetia.

The period of research is limited to the 7th–14th centuries. The starting point of the period is explained by the fact that it was in the 7th century that the Khazar Kingdom arose, whose culture spread over an extensive territory, including that of North Caucasus.

The time of the second half of the 11th through the 12th centuries is dealt with as a distinct period when the cultures of the North Caucasian peoples evolved in immediate contact with the new wave of Turkic-speaking nomads. Their interaction with the steppe during that period obviously affected the development of diverse cultural spheres of the North Caucasian peoples. A profound influence by the Polovtsy on the material culture of the North Caucasian populations is seen in the woman's costume.

In the 13th–14th centuries, the Caucasus came under the control of the Golden Horde. The Tartar-Mongol invasion was the last major intrusion into the North Caucasus that seriously reshaped the ethnic map of the North Caucasus, changing the economy, culture and daily life of the indigenous peoples.

The clothes, footwear and headgear found in burial mounds of the North Caucasus during archeological excavations became the principal evidence for this research.

For a variety of reasons, certain details of the garments found in the burials may have been shifted from their original locations. Clothes, headgear and parts of attire are at times found without their composite ensemble. In such an event, pictorial evidence serves as a valuable source that helps reconstruct the complete costume ensemble, the manner of wearing and attaching belts, decorations, amulets, accessories, weapons, etc. Repeating images of a very frequent element would lead us to believe that the element was typical for that ethnic environment.

Archaeological and pictorial sources are to a great extent supported by written evidence, folk tales and traditional lore.

Ancient and medieval authors in the East and West provide evidence of different aspects of the costume of the Caucasus. Such descriptions in fact illustrate outsiders' perception of the outward appearance of the garment. The contemporary meaning of the costume ensembles is reflected in oral epics and folklore of the peoples of North Caucasus. Of particular value in this respect are tales and stories, since the clothes, headgear and footwear that they mention are described by the people who manufactured and used them, and interpreted through their own attitude towards their costume. The study of the costume in the Nart legend helps specify certain parts of the archaeological forms of the costume: the manner of wearing, its connection to ideology, and social history. The epic mentions virtually each and every component of the Caucasian costume within the context of the funeral rite, trade relations, the economic differentiation in the society. The Nart legend preserved the historical reality that was the background for the medieval costume.

The method developed by the author compares ethnographic materials with those of archaeology, art, written records and folklore; it helps balance the ethnic components that

make up the culture of the peoples of the Caucasus, and allows to consider the national costume as an expression of that culture and as a source of historical data.

Reconstruction based on a number of sources allows us to outline the formation process of the costume that eventually was completed in the Caucasus by the 19th century. The ensemble of the Caucasian costume is not just a typical feature of outward appearance, but an indication of the ethnographic integrity of the Caucasus as a cultural and historical region. This is all the more important as the formation of the Caucasus costume was the result of interaction of the Caucasus component with the Iranian and Turkic components.

In Chapter 1 the author examines the chronological aspect of the problem. When we speak of the costume ensemble, we mean clothes, headgear, footwear, decorations, belts and waistbands, and accessories.

Common characteristics of the Caucasus costume are obvious from the particular tailoring, manner of wearing, decoration and adornment. The basic Alanic man's costume of the 7th–10th centuries consisted of loose short pants, stockings, an unlined warm kaftan (doublet), soft leather shoes without soles and headgear. These clothes were supplemented with a leather belt, stocking stripes and gloves. The woman's costume consisted of similar pants, stockings, a long gown, well-designed headgear and soft leather shoes. Women used to wear fleece-lined fur-coats, headscarves and gloves. Children's costume echoed that of adults.

The cut of the costume is a most manifest mark that connects it to the past. The man's kaftan of the time had no buttons, was bell-shaped, with a tight waist and a seam below it, with seamless shoulders. The woman's dress was basically tunic-shaped with seamless folded shoulders, of straight cut and without any horizontal seams. A unique element of the Alan dress of the period is the front pouch that was sewn on and used as a container for nuts and fruit. Long slits that reached down to the abdominal area were typical for mothers' clothes. On a maiden's dress such slits were not so long. Though the tailoring of upper body garments for men and women had marked differences, the clothes worn on the lower part of the body were unisex and comprised of short wide-stride pants and stockings. The upper body garment was decorated with imported silk fabric. It was very common to have clothes covered with square and round patches, and also with silk edging on the hem. Such edging would be turned over along the lateral slits, similar to the Byzantine *tabula*, *orbiculum* or *gammadia*.

The cut of the Alanic man's kaftan corresponds completely to the tailoring scheme of the Caucasian shoulder garment: the traditional *besbmet* and Circassian jacket, whose origin may be found in influence from the Central Asian steppes.

Footwear of the 7th–10th centuries was in the form of soft leather shoes or boots, without soles or heel. Found in burials were hand gloves for men and women, of canvas and leather, finger-gloves and open-finger palm-mitts.

Headgear was used as an age marker in the Alanic costume of the 7th–10th centuries. Boys' hats looked like a skullcap made of four wedges held together by the cap-band (which was sometimes made of fur). Men used to wear a variety of hats. There were helmet-shaped hats or caps with a dome-shaped or pyramid-shaped top of four wedges and a pate-patch.

We can confidently draw a line between the headgear worn by mothers and younger unmarried girls. Girls had the right to expose their hair. Hence, they wore small rotund caps, sewn of silk or crocheted, with the typical corner over the forehead, decorated with fabric or bronze pieces; diadems, made of cloth and decorated with imitations of coins; also, tall helmet-like hats similar to men's, with a round or pyramid-like top. A married woman with a child would hide her hair completely under a diadem, a hat with a plait-pocket, headscarf or a cover. This was a symbol of the woman's submission to her husband and his family, but also a sign of the social status of a woman who gave the family a new member.

Around the middle of the 11th century, the Polovtsy, a tribe that caused changes in the costumes of the indigenous peoples, appeared in the Cis-Caucasian steppes. The Polovtsy brought the unisex form of body garments, laced seams in clothes, and the *beldək* skirt to preserve man's clothes from tear and dirt. Such a warm and protective skirt is shown in Polovtsy effigies, and is found ethnographically in the Kirghiz national costume.

The cut of the woman's clothes in the Caucasus underwent dramatic changes in that period. The tunic-shaped dress was replaced by a *kaftan* similar to man's clothes: a horizontal waist seam and no buttons; the stand-up collar and the axial slit in the dress are apparent—something never found in 7th–10th centuries. Such *kaftan* was probably worn on top of the traditional dress which gradually transformed into underwear; the cut of that underwear, according to ethnographic evidence, fully corresponds to the Alanic dress of the 7th–10th centuries.

For the Golden Horde period, there is evidence of costumes of both natives and Mongolian nobles. At that time, the origin of the Caucasus costumes can be traced back to the previous period. Of great interest are fabrics of the Chinese civilization that were found in the burials of the North Caucasus. Textile imports are the evidence of outside trade contacts of the North Caucasus with other regions.

Special attention is given here to the fabrics of local origin, for which flax or hemp were used as raw material; the development of color preferences in the costume of the North Caucasus, where the decisive factor was the landscape and natural environment of the Central Cis-Caucasus, is also examined.

The costume consist not only of clothes, headgear and footwear, but is an entire set of objects, which transform clothes into the costume proper. These are belts, decorations, amulets, accessories (dressing articles, handbags, purses, etc.), weapons, make-up, hair-do. To simplify reference to this set of objects, we are going to call it by the general term "attire", bearing in mind the conventional nature of the word.

Decorations and accessories of the costume as well as the dress kept changing with time, external influences and fashion. Not only is attire functional, it also contains information on its evolution, and this information gives insight into aspects of history and culture.

On the other hand, due to external influences, attire reflects interaction between the peoples of Cis-Caucasus and external ethnic groups. Based on the data available on belts and glass, we can confirm the existence of trade routes in various directions, while the intensity of foreign trade varied over time. In the 6th–9th centuries, the Byzantine connections via the Crimean peninsula were predominant. Sogdiana and Khorezm determined the Eastern direction for imports of Indian beads and necklaces. Iranian imports came with locally made glassware from the immediate neighbors in Transcaucasia.

In 11th–12th cc., the trade direction changed, probably due to the rise of a new neighbor, Tmutarakan. The Golden Horde promoted Eastern trading goods in the Caucasus. The distinction between a decoration and an amulet in ancient times was subtle indeed. Often any part of decoration could serve as an amulet or charm. An ornate dressing article could become a decoration for the costume, while its fancy shape (such as a fingernail file shaped as the claw of a beast) gave it an apotropaic character. We should remember this point when we consider beads, earrings, bracelets and finger rings to be ornamental, while we also recognize their protective functions. We categorize as amulets or charms those parts of the costume whose semantics are apparently associated with ideological concepts.

Together with the clothes, the decorations, belts and amulets provide information about their owner. First of all, they characterize the time when this complex of the medieval Caucasian costume existed. This was determined by interaction between Iranian-Alanic, Adygee and Turkic ethnic groups and resulted in the culture of the present-day peoples of the Caucasus. Within the feudal organization, attire indicated a person's social and economic position in society, evolving into the belt sex used by medieval aristocratic warriors and the headgear worn by mothers. The owner's economic position was emphasized through the quality of the material used. Yet the main inventory of attire remained the same for both rich and poor, demonstrating the common ideal of beauty expressed in the Caucasus costume.

As it contained the sign system of the medieval society, the costume carried a number of various semantic values. Among others, clothes sent as gift from the Byzantine court to barbarian chieftains were of special significance. Such gifts in the form of clothes and fabrics are not just explained by their value. At the Byzantine court, the cut, color and lapel all were signs of the owner's social position. Therefore, not so much the clothes as such were bestowed, but rather the social status that they denoted. Conversely, the barbarian obsession with Byzantine apparel was not simply explained with their passion for gems, royal garments, accoutrements and headdress. The explanation was in the political situation of the barbarian societies going through the stage of state formation. To them, Byzantine apparel was a requisite, similar to the rules of church building and fresco painting.

At times, certain parts of the Caucasian costume illustrate circumstances pertaining to an entirely different nation or ethnosphere. For instance, regiments of Caucasian natives served among the Egyptian mamelukes, and by the 90s of the 14th century Circassian mameluks founded a dynasty of their own. The mameluks gave rise to new traditions that had been unknown to the people of the Nile. Since the mameluks arrived in Egypt, the Tartar-style *kaftan* and the Circassian skullcap became common. In this case, the headgear borrowed from another culture is connected to somewhat unusual circumstances. Homosexual relationships were common among the mameluks, which practice also ran among the local population. Wearing a Circassian cap that covered his forehead and neck, a youth looked like a maiden. Knowing that their husbands are not indifferent to young boys, some wives wore Circassian caps to retain their spouse's love.

Sometimes the costume is transformed in a seemingly most extraordinary way. Examining this process can produce unexpected results. Among other ceremonial vestures used at the Byzantine court was a dress known as *tzitzaki*. This type of dress was introduced to Byzantium in the 7th century by a Khazar princess, the mother of Leo the Khazar (see N.P.Kondakov, 1929, p. 225). It is an amazing fact that a barbarian woman's garment should become ceremonial apparel at the Byzantine court. To reveal the process, one has to know

the origins: the Khazar dress and the Byzantine garment. Unfortunately, we have no such data. But the reference to the Khazar woman's dress in the original document helped a researcher find her name. Y. Moravcik used the Khazar origin of the word *chibbak* as the starting point to discover an unknown Khazar name. *Chibbak*, or "flower", was the name of the young Khazar princess who later on became Queen Irene of Byzantium (Y. Moravcik, 1931, p. 76).

As becomes obvious from the above, the costume played a remarkable role in the medieval society not only as clothes, but as an ethnic, social, semantic sign in a specific historical context. It was not by chance, therefore, that the costume became the focus of attention among descriptions of material culture in the Nart legend. Handicraft and embroidery are specially noted in the narrative, which emphatically asserts that the above-mentioned crafts were the principal occupation of Caucasian women, a sign of their skill of clothes-making: cloaks and coats of hides, embroidery of gold and silk. Mastery in handicraft was listed equal to beauty when a bride was chosen for marriage.

In the Nart epics, there is no way to tell apart the costumes of Cis-Caucasian peoples, and the same can be said about archeological material. All archeological material coincides with the main body of the epic, and the archaeology and the epic together reflect the historical context of the Cis-Caucasus area and adjacent regions in the Middle Ages.

The evolution of the costume complex of the North Caucasian peoples illustrates the process of interaction between the traditions and innovations in their historical context. This cultural synthesis demonstrates the common origin and fate of the peoples of North Caucasus.

In this context, the region of the North Caucasus should be considered a cultural and historical landscape that arises from the shared territory and natural and climatic environment which determine the integrated economic development of the area, as well as from the basic cultural substratum and the innovation processes that influence the latter.

As in the case of geographic divisions, where borderlines may not always be sharply defined, so do historical and cultural divisions by areas presuppose that some transition zones should exist between the interacting areas. If we consider the North Caucasus on the one hand and Central Asia on the other as two cultural and historical landscapes in contact, then Daghestan and Chechnya will be the transition zone of their cultural interaction.

Proceeding from the data on the costume, we can define this area as a transition zone where we come across features of costume sets from both, the North Caucasus and Central Asia. The tight-waisted, funnel-shaped, buttonless cut, the distinct *triangular* silhouette, the reserved color scale and well-designed limited range of decorations—these are typical characteristics of the woman's costume of North Caucasus. The T-shaped cut, the *rectangular* silhouette, bright variegated colors and a abundance of bright accessories are typical for the Central Asian costume.

In complexes in Chechnya, we frequently come across dresses of the traditional North Caucasian cut with breast-piece and belt. But they are made of multicolored cloth—something totally alien to the clothes of the western part of the North Caucasus where the word "bright" used to mean "tasteless" when applied to clothes. In this case, the choice of printed cloth brings together the predilections of Chechen and Daghestani women. That is a sign of the Eastern trend in the tradition of color preferences in Chechnya and Daghestan. In the ensemble of their daily costume, the combination of a T-shaped dressing shirt, pants and a headscarf is prevalent. The T-shaped cut—as the most ancient among all peoples of the North Caucasus—was preserved in the undershirt. Among Chechen and Daghestani women, such dressing shirt and pants (without overclothes) were the norm. Their preference for neck scarves, headscarves and shawls rather than hats brings Chechen and Daghestani ensembles closer to their eastern neighbors.

The predominance of North Caucasian features in complexes in Chechnya, and of Central Asian ones in those of Daghestan, is explained by the fact that the cultural development impulse gets weaker as one moves from the center towards the periphery.

Analysis of the cultural and historical development of the adjacent areas should allow us to identify phenomena of transitional cultural zones for various chronological periods as well as for other elements of culture.

The ethnic costume derives from the complex cultural development of a people. As a result of this development, the costume ensemble is made of the parts that best meet the requirements and tastes of the owners. The formation of the ethnic ensemble happens gradually. It is not always the case that we can trace the entire developmental sequence of a certain part of the costume. Nevertheless, since similarities exist between the ancient and modern ethnographic forms, this helps establish the origin of the latter.

The idea of autochthonous traditions and an overemphasis on the Iranian component in the cultural formation of the North Caucasus were the established point of view of the Soviet historical discipline. Consequently, an opinion was established that the Caucasian *kaftan* is typically Iranian in its basic nature.

The emphasis on the ethnic attribution of one part of the costume does not determine the origin of the ensemble as a whole.

What, in fact, are we to understand by the "Iranian basis"? If we are talking about the predecessors of the Alans in the North Caucasus—the Scythians and the Sarmatians—then, notwithstanding their shared Iranian culture, it would be not quite correct, in our opinion, to jump to conclusions and identify the Alanic costume with the Iranian tradition.

It is obvious that Scythians and Persians culturally crystallized together in the same region. The Mane, Ur and Lydian complexes played an important role in the development of Iranian culture. Persians, however, were influenced notably by the Elam-Anman cultural component, while Scythians grew out of the "Cimmerian" stratum. As a result, two versions of the Iranian culture complex were formed, similar but at the same time having many and various differences. Persians created an imperial cultural edition of the Middle Eastern despotism. The costume of Scythians, related to the steppe, shows many properties similar to the costumes of the Central Asian cattle-breeding nomads—the Saka—and the settled cattle-farmers and planters of Sogdiana and Khorezm.

The place of the Scythians in the North Caucasus is taken by the Sarmatians, and their costume is essentially connected with the East Saka traditions. The Sarmatians brought with them the narrow elongated kaftan, long pants and leggings, as well as high boots.

In the early 1st millennium, from the second stage of the Sarmatian culture, the Central Asian elements become dramatically more influential. Approximately at the turn of the millennium, elements of the Hun culture were imported into Sarmatia, mostly in the form of clothes in burials on the Lower Volga and the Kuban river.

After a century, in the late 1st century AD, when Alans arrived on the Lower Don and Kuban, jewelry appears with red and green-blue stones, the earliest of which are known from China in the Chou dynasty of the 3rd–2nd centuries BC, and found also with the Saka and Usuns in the Seven Rivers area. This jewelry becomes common in Central Asia and Sarmatia in the 1st century AD (Yatsenko, 1903, p. 102).

The costumes of the ancient Iranian speakers and Turkic nomads have more similarities than dissimilarities. First, the clothes of the barbarians were made on an elaborate pattern and in that, probably, they contrasted with the clothes of Classical Antiquity and the Ancient East where clothes were not donned but wrapped around the body. Second, the costume evolved as rider's dress and became a unified complex even before the middle of the 1st millennium AD.

Such complete forms made of canvas, silk or woolen fabrics, headgear of leather, cloth or fur, and leather footwear have been recorded in the 7th century burials of the North Caucasus. This coincides in time with the formation of the powerful Khazar Khanate in the extensive area from the Caspian to the Black Sea. However, the Khazar issue remained a political taboo in the Soviet historical discipline. This resulted in an ambiguous attitude towards the Turkic cultural heritage.

Archaeologists today believe that a large number of finds from in Daghestan and Central Cis-Caucasia are of Khazar origin.

The culture of the Khanate was basically Khazarian. But the ancient Bulgar and Alanic ethnic groups were also involved in its creation. We also should not the role of the Adygee tribes and the ancestors of Nakh people who inhabited the south-western areas of the North Caucasus and were drawn into the orbit of the Khazar rule.

Not all scholars believe that the Khazar Khanate played a positive role in development of the culture of the aforementioned tribes. The majority, however, find positive influences of Khazaria in the creation of the culture of the North Caucasian tribes (E.I. Krupnov, 1947, p. 127; V.A. Kuznetsov, 1992, p. 166; S.A. Pletnyova, 1999, p. 221; D.V. Gadlo, 1979, p. 205, etc.). No scholar questions the fact that the cultures of the various peoples who inhabited the Khazar Khanate grew closer together.

In this sequence, the costume takes a distinctive place as the main indicator of the single material culture of the peoples of the Khazar Khanate.

The cut of the North Caucasus kaftans matches the cut of the Turkic shoulder clothes. A particularly good illustration of this conclusion is the Moschevaya Balka kaftan made of Iranian cloth with *seimurkas* but in accordance with the established Turkic standard. It is worth mentioning that the Moschevaya Balka burial is associated with the Adygee ethnos. This confirms the uniform material culture in the Empire where the nobility, regardless of their ethnic origin, dressed to the Turkic fashion.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М.В.Горелик. От научного редактора</i>	5
Введение. КОСТЮМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	6
Глава 1. КОСТЮМ VII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА	13
1.1. Костюмный комплекс	13
<i>Мужской костюм</i>	13
<i>Женский костюм</i>	18
<i>Детский костюм</i>	26
1.2. Внешность населения Северного Кавказа в раннем средневековье	28
1.3. Костюмы персонажей рельефов Кяфарской гробницы	30
1.4. Кавказский текстиль VII — первой половины IX века	36
Глава 2. КОСТЮМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI — XV ВЕКА	52
2.1. Половецкий ансамбль	52
<i>Мужской комплекс</i>	52
<i>Женский комплекс</i>	53
2.2. Костюмы местного населения второй половины XI — XII века	55
<i>Мужской костюм</i>	55
<i>Женский костюм</i>	59
2.3. Костюмы эпохи сложения и расцвета Золотой Орды. XIII — первая половина XIV века	61
2.4. Костюмы периода распада Золотой Орды. Вторая половина XIV — XV век	73
Глава 3. КОСТЮМ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	82
3.1. Трактовка элементов кавказского костюма в исторических событиях и явлениях	82
3.2. Средневековый костюм народов Предкавказья в контексте нартского эпоса	84
Глава 4. СЛОЖЕНИЕ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В КОСТЮМЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	95
4.1. Красильное ремесло	95
4.2. Костюм и природная среда	97
4.3. Социальная символика цвета	98
Глава 5. ИСТОКИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАВКАЗСКОГО КОСТЮМА	101
5.1. Комплекс мужского костюма	101
5.2. Комплекс женского костюма	107
Заключение. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КОСТЮМ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	113
Библиография	117
Список сокращений	123
Аннотированный именной указатель	124
Аннотированный указатель названий элементов костюма	126
Аннотированный указатель археологических памятников	128
Указатель географических и этнических названий	130
Summary	131